

ДА
СКРОЕТСЯ
ТЬМА!

Поль
Гольбах
Клод
Гельвеций
Дени
Дидро
Жюльен
Ламеттри

PAUL D'GOLBACH

CLODE GELVETIUS

Библиотека
атеистической
литературы

Поль Гольбах

Клод Гельвеций

Дени Дидро

Жюльен Ламеттри

ДА СКРОЕТСЯ ТЬМА!

ФРАНЦУЗСКИЕ
МАТЕРИАЛИСТЫ XVIII в.
ОБ АТЕИЗМЕ,
РЕЛИГИИ,
ЦЕРКВИ

Издательство
политической
литературы
Москва
1976

Составитель
и автор вступительной статьи
доктор философских наук
КУЗНЕЦОВ В. Н.

Д12 Да скроется тьма! Французские материалисты
XVIII в. об атеизме, религии, церкви. М.,
Политиздат, 1976.

303 с. (Б-ка атеистич. лит.).

На обороте тит. л. сост.: Кузнецов В. Н.

Книга представляет собой тематический сборник, в который включены сгруппированные по проблемам фрагменты из произведений выдающихся французских материалистов XVIII в. Гольбаха, Дидро, Гельвеция, Ламеттри. Работы этих замечательных мыслителей прошлого, которые вели бескомпромиссную борьбу против религии и церкви, сохраняют свое значение и в наши дни.

Книга рассчитана на пропагандистов, преподавателей, студентов и всех, кто интересуется проблемами атеизма и религии.

10509—059
Д $\frac{\quad}{079(02)—76}$ 276—76

2

АТЕИЗМ ВЕЛИКИХ ФРАНЦУЗСКИХ МАТЕРИАЛИСТОВ XVIII В.

Острая критика религии и церкви — ярчайшая и имеющая большой культурно-социальный смысл черта идеологической жизни Франции XVIII в. В этот период усилились и достигли расцвета издавна существовавшие в этой стране традиции антиклерикальной и антирелигиозной мысли.

Воинствующий антиклерикализм стал одним из самых важных аспектов мощного движения прогрессивной общественной мысли — французского Просвещения XVIII в. Его родоначальники Вольтер (1694—1778) и Монтескье (1689—1755) уже в самых первых своих произведениях выступили с едкими нападками на господствовавшую тогда во Франции католическую церковь и в дальнейшем не переставали наносить ей все более чувствительные удары.

В начале 30-х годов стало распространяться в рукописных копиях одно из самых радикальных атеистических произведений XVIII в. — «Завещание», приписываемое сельскому священнику Мелье (1664—1729), который при жизни опасался высказывать свои убеждения, но в предсмертном послании, обращаясь к своим читателям, прямо заявил: «...все, что ваши богословы и священники с таким пылом и красноречием проповедуют вам о величии, превосходстве и святости таинств, которым они заставляют вас поклоняться, все, что они с такой серьезностью рассказывают вам об их мнимых чудесах, все, что они с таким рвением и уверенностью расписывают вам о небесных наградах и о страшных адских муках, — все это в сущности не что иное, как иллюзии, заблуждения, обман, измышление и надувательство...»¹

В эти первые десятилетия XVIII в. немало передовых французских мыслителей начинало подходить к атеистическим выводам, создавая антирелигиозные произведения, ко-

---

¹ Ж. Мелье. Завещание. т. I. М., 1954, стр. 68.

которые приобретали определенную известность и воздействовали на процесс формирования атеистической мысли во Франции.

Вплоть до середины XVIII в. борьба французских просветителей против религии и церкви разворачивалась главным образом под знаменем деизма. В Европе XVII—XVIII вв. деизм сыграл роль исторически прогрессивного течения философской мысли, являясь формой ее постепенного высвобождения из-под ига религиозных догматов, тяжело давивших на нее в средние века. Признавая бога творцом мира, деисты, однако, отстаивали положение о том, что сверхъестественные силы не вмешиваются в развитие природы и общества. Поэтому Маркс имел все основания для вывода, сделанного им в ходе анализа развития английской философии от Бэкона и Гоббса до Локка и Пристли, что «деизм — по крайней мере для материалиста — есть не более, как удобный и легкий способ отделаться от религии»¹. Отбрасывая ряд существенных положений теологии, деисты закономерно становились критиками религии. У французских просветителей XVIII в., опиравшихся на английскую деистическую философию (наряду с Вольтером и Монтескье к сторонникам деизма во Франции относились также такие выдающиеся мыслители, как Руссо, Кондильяк, Тюрго, Кондорсе и многие другие), критическое отношение ко всем существующим религиям, в первую очередь к христианству, резко возросло.

И все же деисты были непоследовательными противниками религии. Они полагали, что на смену христианству и другим распространенным в мире религиям, приносящим вред человечеству, должна прийти некая благотворная «естественная религия», свободная от суеверий и фанатизма, полностью согласующаяся с требованиями разума и общественными интересами. Приверженцы деизма не могли дать материалистическое решение ряда фундаментальных философских проблем — движения и развития, необходимости и закономерности. Они узко, ограниченно, поверхностно понимали материю, не видели таких ее сущностных свойств, которые делали ее единственным основанием и причиной всего существующего.

Публикация во второй половине 40-х годов XVIII в. произведений Жюльена Ламеттри (1709—1751) знаменовала начало подъема домарксовского материализма нового вре-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 144.

мени на высшую ступень своего развития, главной чертой которой является последовательно материалистическое объяснение природы и полное отрицание каких бы то ни было теоретических оснований и практических интересов для того, чтобы мыслящий человек верил в бога.

В конце 40-х годов к последовательному материализму подошел Дени Дидро (1713—1784), выдвинувший целый ряд плодотворных идей. Свой вклад в развитие материалистической мысли внесли два крупнейших французских философа: Клод Гельвеций (1715—1771), стремившийся на основе сенсуалистической гносеологии разработать новую нравственно-политическую концепцию, и Поль Гольбах (1723—1789), которому принадлежит заслуга детальной разработки всех аспектов материалистического учения. Высоко оценивая философские достижения этой плеяды мыслителей, Энгельс назвал их «великими французскими материалистами». Их учениками, соратниками и последователями были атеистически настроенные французские просветители младшего поколения — Нэжон, Марешаль, Вольней, Дюпюи и др.

Материализм названных французских философов носил воинствующий характер. Они вели острую наступательную борьбу не только против всевозможных форм идеализма, но и, как подчеркивал Маркс, «против существующей религии и теологии»¹, подвергая уничтожающей критике как различные их проявления, так и (это особенно важно) саму их суть, отрицая все религиозное мировоззрение в целом.

В лоне французского материализма XVIII в. можно выделить определенные этапы становления последовательного атеизма. Совершенно не приемля по философско-научным соображениям религию, Ламеттри, например, еще не помышлял о распространении атеизма в массах и не создавал произведений, которые бы специально пропагандировали его. Он разделял убеждение ряда предшествующих материалистов об атеизме как о предназначенном лишь для немногих интеллектуальных избранников учении. Гельвеций в своем первом крупном сочинении «Об уме» (1758) столь тщательно маскировал атеистическую направленность защищаемого им философско-этического учения, что в нем практически отсутствует прямая критика религии. Даже в подготовленной им незадолго до смерти итоговой работе «О человеке», опубликованной уже после кончины филосо-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 139.

фа (1772), Гельвеций заявляет, что выступает только против «ложных религий». Сопряженная с этим возможность иллюзий о существовании некой «истинной религии» укрепляется известной двойственностью отношения Гельвеция к христианству. С одной стороны, он предельно резко критикует «папизм», т. е. католическую церковь, а с другой стороны, делает неоправданные реверансы в сторону евангельского христианства. Пытаясь оградить себя от нападков со стороны богословов, Гельвеций подчеркивал, что он нигде в своем сочинении не оспаривает основные догматы христианства.

Значительно последовательнее был атеизм Дидро и Гольбаха. Видя очень большие трудности в деле искоренения религиозных верований из сознания народных масс, оба мыслителя тем не менее твердо взяли курс на решение этой задачи. Сознательно, целеустремленно и самоотверженно они стремились к максимально широкому распространению в обществе атеистических идей. В их понимании атеизм может и должен стать учением, доступным каждому обладающему здравым смыслом человеку. Для популяризации атеистических идей Дидро насыщает ими свои многочисленные художественные произведения. Чтобы придать популярную форму собственно философским работам, Дидро зачастую пишет их в форме диалогов, где в качестве собеседника обязательно фигурирует личность, впервые приобщающаяся к размышлению над мировоззренческими проблемами.

Иной путь популяризации атеизма избирает Гольбах. Используя традиционную форму философского трактата, где аргументированное размышление последовательно переходит от одной проблемы к другой, Гольбах достигает популярности своих работ за счет четкого разъяснения исходных понятий. Гольбах никогда не позволяет себе просто излагать какие-то истины — он всегда их обосновывает. Интерес читателя постоянно поддерживается Гольбахом на должном уровне в силу того, что самые, казалось бы, абстрактные онтологические и гносеологические проблемы он стремится связать с животрепещущими вопросами о том, в чем заключается причина человеческих бедствий и страданий, что такое человеческое счастье и как найти верные пути к его достижению.

На протяжении примерно полутора десятилетий, охватывающих период 60-х и начала 70-х годов XVIII в., Гольбах создал целый цикл замечательных атеистических работ,

в которых оружие передовой философско-научной мысли обрушилось с колоссальным эффектом на все сколько-нибудь важные устои религиозного мировоззрения и религиозной практики. От начала до конца пронизано воинствующим атеизмом основное философское произведение Гольбаха — «Система природы» (1770), которое имеет основополагающее значение для всего французского материализма XVIII в. По интенсивности, концентрированности и неумолимости атак на религию Гольбаха можно сравнить только с патриархом французского просветительского движения Вольтером, однако последний, будучи деистом, значительно уступает Гольбаху по степени радикальности критического подхода к религии.

Взлет атеистической активности Гольбаха приходится на период общей резкой интенсификации просветительской борьбы с религией и церковью. Именно в эти годы Вольтер выступил с призывом «Раздавите гадину!», создав свои ярчайшие антиклерикальные, антихристианские памфлеты и наполненный антирелигиозным содержанием «Философский словарь» (1764). К началу 60-х годов относятся весьма резкие выступления против христианства Руссо, содержащиеся в его романе «Эмиль, или О воспитании» (1762) и в философско-социальном трактате «Об общественном договоре» (1762). В этот период публикуется и большое число более ранних антирелигиозных произведений, распространявшихся до той поры лишь в рукописных копиях.

Начавшийся в 60-е годы штурм твердыни религиозной веры развивался в высшей степени успешно, вызывая у просветителей чувство законного удовлетворения, а у их противников — нечто вроде панического ужаса. В одном из вольтеровских писем 1764 г. содержится замечательное предвидение социальных результатов, к которым вела деятельность просветителей: «Все, что я вижу, сеет семена революции, которая неизбежно придет... Свет понемногу настолько распространится, что воссияет при первом же случае. Тогда произойдет изрядная кутерьма. Молодые люди поистине счастливы — они увидят прекрасные вещи»¹.

По-своему очень показательно с точки зрения успехов просветительской пропаганды обвинительное заключение, с которым в 1770 г. выступил против нескольких книг Гольбаха и одной книги Вольтера королевский прокурор Сегье (на основании этого обвинения названные книги были

¹ Voltair — à Chauvelin, 2 avril. 1764. Voltaire's Correspondence, v. LIV, p. 231, № 10968.

осуждены Парижской судебной палатой на сожжение). Прокурор говорил о том, что «впервые со времени уничтожения ересей... поднялась безбожная и дерзкая секта; она украсила свою ложную мудрость именем философии... Ее сторонники выдвигаются как учителя человеческого рода. Свобода мыслить — вот их девиз, и он слышен от одного конца земли до другого. Одной рукой они пытались свалить трон, а другой хотели опрокинуть алтари... Самые гибельные удары эти новаторы старались нанести религии... Ныне религия насчитывает почти столько же открытых врагов, сколько имеется так называемых философов, славу образования которых приписывает себе литература; а правительство вынуждено трепетать и терпеть у себя воинствующую секту неверующих, которая, кажется, стремится только к тому, чтобы возмутить народы под предлогом их просвещения»¹. Любопытно признание Сегье о широком проникновении антирелигиозных книг в социальные низы французского общества и чрезвычайно опасном (с точки зрения королевского прокурора) воздействии на последние: «Едва становятся известны они столице, как распространяются, подобно бурному потоку, в провинциях, сметая все на своем пути. Осталось мало убежищ, которые свободны от заразы. Она проникла в мастерские и достигла хижин; скоро там не будет больше ни веры, ни религии»².

По своему социальному содержанию французское просвещение XVIII в. представляло собой идеологическую подготовку буржуазной революции, которая до основания разрушила феодально-абсолютистский строй. Сила, острота и глубина атеизма великих французских просветителей не могут быть поняты без учета того, что он в своем возникновении и развитии оказался неразрывно связан с самым прогрессивным социальным движением своей эпохи. Нужно подчеркнуть, что разоблачение религиозных иллюзий отнюдь не носило характера абстрактного просветительства, не представлялось самоцелью, а сознательно включалось носителями этой критики в целостное и всестороннее идейное ниспровержение существовавшего во Франции строя. По блестящей характеристике Энгельса, «великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции, сами выступали крайне

¹ Segurier. Réquisitoire sur lequel est intervenu l'Arrêt du Parlement du 18 août 1770 qui condamne à être brûlés différents livres ou brochures... Paris, 1770, p. 2—4.

² Ibid., p. 5—6.

революционно. Никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный строй — все было подвергнуто самой беспощадной критике... Мыслящий рассудок стал единственным мерилom всего существующего. Это было время, когда, по выражению Гегеля, мир был поставлен на голову, сначала в том смысле, что человеческая голова и те положения, которые она открыла посредством своего мышления, выступили с требованием, чтобы их признали основой всех человеческих действий и общественных отношений, а затем и в том более широком смысле, что действительность, противоречившая этим положениям, была фактически перевернута сверху донизу. Все прежние формы общества и государства, все традиционные представления были признаны неразумными и отброшены как старый хлам...»¹.

Имелись серьезнейшие объективные основания для того, чтобы критика религии и церкви приобрела во Франции XVIII в. значение важнейшего компонента идеологической борьбы против всего феодально-абсолютистского строя. Дело в том, что в средние века христианская церковь стала одним из основных институтов феодального общества в европейских странах. В экономическом отношении она была, как отмечал Энгельс, «самым крупным феодальным сеньором, потому что ей принадлежало не менее третьей части всех земельных владений в католических странах»². В политическом отношении духовенство считалось первым сословием феодального общества и вместе с дворянством образовывало его привилегированный слой, возвышавшийся над бесправным и эксплуатируемым третьим сословием, объединявшим в своих рядах подавляющую часть населения. Епископат оказывал самое непосредственное влияние на политику, проводимую светскими владыками — князьями, королями, императорами. Во Франции XVII—XVIII вв. высшие церковные сановники временами на длительные периоды становились фактическими правителями государства в роли первых министров или регентов при несовершеннолетних королях, — эти посты последовательно занимали кардиналы Ришелье, Мазарини, Флери. Большую политическую роль играли духовники монархов, их фаворитов и фавориток, имевшие возможность постоянно внушать своим подопечным те взгляды, которые соответствовали

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 16—17.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 306.

интересам церкви. Активнейшую политическую роль в католическом мире играли папы, которые нередко возвышались до такого положения, что имели возможность авторитарно диктовать свою волю различным европейским монархам. Серьезнейшее значение имел тот факт, что римско-католическая церковь была «крупным интернациональным центром феодальной системы», и, «несмотря на все внутренние войны, она объединяла всю феодальную Западную Европу в одно большое политическое целое, которое находилось в противоречии одинаково как с схизматическим грекоправославным, так и с мусульманским миром»¹.

Важнейшую роль христианская церковь играла в идеологическом обосновании феодализма. «Она окружила феодальный строй ореолом божественной благодати»². Церковь учила о «божественном праве» феодальных властителей на управление народами. Иерархическая структура феодального общества рассматривалась соответствующей строению «небесного царства», а на земле церковь «свою собственную иерархию... установила по феодальному образцу...»³. Всякое посягательство на основы феодально-абсолютистских порядков квалифицировалось церковью как грех перед богом, нарушение религиозных заповедей. Чрезвычайно существенным является то обстоятельство, что в средние века церковь поставила под свой контроль всю систему образования и самые различные отрасли знания. «Отсюда само собой вытекало, что церковная догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления. Юриспруденция, естествознание, философия — все содержание этих наук приводилось в соответствие с учением церкви»⁴. Все это, вместе взятое, приводило к тому, что любое выступление против феодализма неизбежно оказывалось направленным и против авторитета господствовавшей в обществе церкви.

Сконцентрированная на бескомпромиссной критике римско-католической церкви, деятельность французских просветителей способствовала решению важнейшей идеологической задачи, следующим образом охарактеризованной Энгельсом: «Прежде чем начать успешную борьбу против светского феодализма в каждой стране и в отдельных его сферах, необходимо было разрушить эту его центральную

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 306.

² Там же.

³ Там же.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 495.

священную организацию»¹. Просветители прекрасно выразили ту ненависть к паразитизму, вызывающей роскоши и циничному аморализму верхушки католического духовенства, которой были преисполнены массы населения. Они показали, что все эти черты являются закономерным следствием положения, которое духовенство занимает в обществе. Оформив и обосновав все эти чувства протеста, просветители придали им новую силу.

Атеистическая деятельность великих французских материалистов развертывалась по нескольким магистральным направлениям, которые в совокупности подрывали самые существенные религиозные представления. На первое место по своей важности должна быть поставлена критика французскими материалистами философско-теоретических оснований религии. Именно в ходе критики этих оснований Ламеттри, Дидро, Гельвеций, Гольбах преодолели ограниченность деизма и подняли материализм на качественно новую ступень.

Французские материалисты установили, что универсальной философской основой религии является спиритуализм, т. е. учение о том, что «чистый дух» является первоосновой и сущностью всякого бытия и что этот дух каким-то образом творит материальный мир и определяет все происходящие в нем события. В разряд спиритуализма французские материалисты зачисляли все течения и школы идеалистической философии, а основоположником этого направления философской мысли считали Платона. Этот первый обобщенный взгляд на идеализм позволил выявить его существенную и неразрывную связь с религией. Французские материалисты выделили две формы этой связи. Во-первых, они указывали на то, что древнейшие формы спиритуализма, к которым наряду с платонизмом был отнесен и пифагореизм, вырастали на почве мифологии, являлись результатом попыток выразить религиозное содержание в форме рационального рассуждения. Во-вторых, французские материалисты обратили внимание на обратное и очень мощное воздействие спиритуализма на вновь возникающие религии, в частности на христианство, в котором критический анализ обнаруживал многочисленные идеи платонизма и пифаго-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 306.

реизма. К отличительным чертам спиритуализма французские материалисты отнесли и его недоверие к научному знанию, прямую несовместимость с последним.

В качестве единственно верной философии в трудах Ламеттри, Дидро, Гельвеция, Гольбаха спиритуализму был противопоставлен материализм, определяемый как учение о вечном существовании бесконечной и неисчерпаемой материальной природы, которая исполнена внутренней активности, вся находится в движении и постоянном изменении, порождая из своего лона все наличные формы бытия, вплоть до самых сложных. Родоначальником материализма названные философы считали Демокрита, а свое творчество рассматривали как продолжение линии, начатой этим древнегреческим мыслителем. Эпикура и Лукреция в античности, Бэкона, Гоббса, Спинозу, Локка, Толанда в новое время они относили к последователям Демокрита, выявляя таким образом развитие материалистической линии в истории философии. При этом они приходили к заключению, что материализм и спиритуализм представляют собой два главных философских направления, разветвляющиеся на множество своих конкретных проявлений.

Французские материалисты осознали и тот факт, что материализм и спиритуализм являются антиподами, между которыми постоянно разворачивается борьба и невозможно никакое примирение. Полное теоретическое торжество материализма считалось его французскими приверженцами XVIII в. закономерным и близким финалом философской борьбы. Существенной чертой материализма эти мыслители считали его враждебность по отношению к религии, его атеистическую направленность. Силу материализма они видели в том, что это философское учение по своей сути неразрывно связано с развитием науки, опирается на достижения естествознания и всех других научных дисциплин, давая верное истолкование смысла научных открытий.

В трудах Ламеттри, Дидро, Гельвеция, Гольбаха материалистическое решение труднейших философских проблем середины XVIII в. органически сочеталось с критикой спиритуалистическо-теологических спекуляций, выражавшихся в попытках выдвинуть чисто рациональные аргументы, которые бы независимо от религиозной веры доказывали, что бог действительно существует. В XVII—XVIII вв. наибольшим авторитетом пользовались так называемые апостериорные доказательства бытия бога, которые, в сущности, восходили еще к богословским аргументам Фомы Ак-

винского (XIII в.), но были впоследствии переосмыслены и модернизированы применительно к естественнонаучным представлениям нового времени. Суть их сводилась к тому, чтобы от осмысления существенных сторон и законов материальной природы перейти к заключению, что она непонятна без признания реальности высшего сверхъестественного существа, бога, как творца и устроителя мира. Таким образом, сам научный опыт должен был давать неопровержимые и открываемые разумом основания для веры в бога. Со стороны теологов это была попытка «приручить» новое естествознание, которое со времени великого космологического открытия Коперника выступало в качестве крайне разрушительной по отношению к библейским представлениям силы. Реальные трудности, возникавшие при часто механистическом подходе к пониманию природы из нее самой, толкали к теологическим псевдорешениям проблем бытия даже таких корифеев нового естествознания, как Галилей и Ньютон, уверенных в необходимости божественного первотолчка для объяснения наблюдаемого в природе движения. В качестве объективно обусловленного парадокса в развитии нового естествознания Энгельс отмечал, что в XVIII в. «наука все еще глубоко увязает в теологии. Она повсюду ищет и находит в качестве последней причины толчок извне, необъяснимый из самой природы. Если притяжение, напыщенно названное Ньютоном всеобщим тяготением, и рассматривается как существенное свойство материи, то где источник непонятной тангенциальной силы, которая впервые только и осуществляет движение планет по орбитам? Как возникли бесчисленные виды растений и животных? И как, в особенности, возник человек, относительно которого было все же твердо установлено, что он существует не испокон веков? На все подобные вопросы естествознание слишком часто отвечало только тем, что объявляло ответственным за все это творца всех вещей. Коперник в начале рассматриваемого нами периода дает отставку теологии; Ньютон завершает этот период постулатом божественного первого толчка. Высшая обобщающая мысль, до которой поднялось естествознание рассматриваемого периода, это — мысль о целесообразности установленных в природе порядков, плоская вольфовская телеология, согласно которой кошки были созданы для того, чтобы пожирать мышей, мыши, чтобы быть пожираемыми кошками, а вся природа, чтобы доказывать мудрость творца»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 349—350.

Свои атеистические выводы французские материалисты должны были поэтому строить в полемике не только с теологами, но и с некоторыми авторитетнейшими естествоиспытателями. В отношении современного им естествознания французские материалисты сумели занять единственно правильную позицию, которая сама явилась крупнейшим достижением развивающейся философской мысли: постоянно и неуклонно опираясь в своем понимании природы на естественнонаучные открытия (прежде всего, хотя и не исключительно на физику Ньютона), французские материалисты самостоятельно выявляли их мировоззренческий смысл и приходили к обоснованным материалистическим заключениям.

Весьма ярко все это проявилось в трактовке французскими материалистами проблемы отношения между материей и движением, которая была одной из центральных в философии и естествознании нового времени. Основоположники классической механики Галилей, Декарт, Ньютон склонны были толковать ее законы, в особенности закон инерции, в том смысле, что они якобы свидетельствуют о внутренней пассивности материи. По их мнению, хотя материя повсеместно находится в движении и наблюдаемый в ней покой является лишь относительным состоянием, она по своей сущности способна лишь получать, сохранять и передавать движение, но не в состоянии сама быть его источником, порождать его. Отсюда представление о необходимости внешнего толчка, который в изначальный момент времени приводит в движение материальный мир; бог рассматривался в качестве силы, которая дает такой перво толчок.

В противоположность этой весьма авторитетной точке зрения, французские материалисты выдвинули веские соображения в пользу того, чтобы в самой инерции видеть выражение внутренней активности материи. Развивая мысль Толанда о неотделимом от материи «существенном» движении и снимая деистические непоследовательности в ее проведении, французские материалисты начали отходить от чисто механической трактовки движения. Дидро и Гольбах определяли движение как постоянно присущую каждому материальному телу силу, которая воздействует на окружающие предметы и в случае недостаточного противодействия с их стороны приводит к перемещению данного тела в пространстве. Выступая против субъективистской интерпретации качественной определенности материальных тел,

французские материалисты выдвинули плодотворную мысль о гетерогенности материи, бесконечном множестве присущих ей качеств, каждое из которых трактовалось как проявление внутренней активности материи. Это учение представляет собой интереснейший, хотя еще довольно элементарный подход материалистической мысли к постановке диалектической проблемы о противоречии как источнике движения.

«Космологическому» аргументу теологической мысли, согласно которому бог должен быть признан в качестве абсолютно необходимого бытия, которое делает возможным существование материального мира «случайных» вещей, французские материалисты противопоставили хорошо обоснованное учение о необходимом существовании самой природы. Современное им естествознание давало все более убедительные конкретные доказательства того положения материалистической философии, что материя является неуничтожимой и что во всех процессах изменения, наблюдаемых в мире, разрушаются лишь те или иные материальные образования, на смену которым возникают новые. Действие и взаимодействие материальных тел и явлений имеют характер причинно-следственных связей; все в мире порождается материальными причинами, и это в принципе исключает возможность воздействия на него каких-либо сверхъестественных сил.

Принципиальную важность здесь имели доказательства Гольбахом того, что природа никогда не была хаосом материальных частиц, нуждавшимся во внешней упорядочивающей силе, а всегда была определенным образом организована действием имманентных ей причин и законов. В этом смысле, настаивал Гольбах, в природе наблюдаются только «порядок» или различные виды «порядков», а идея «беспорядка» в применении к природе в целом или к отдельным ее сторонам является несостоятельной.

В противоположность религиозным мифам о сотворении первых людей богами, французские материалисты приводили веские соображения в пользу утверждения, что человек возник на Земле естественным образом, выделившись из животного царства. Он является высшим звеном в длинной цепи форм, воплощающих в себе восходящую линию трансформации природы. Антиспиритуалистическая трактовка происхождения и сущности человека, не свободная от затушевывающих социальные факторы антропогенеза натуралистических абсолютизаций, вовсе не означала, однако,

полного растворения человека в природе и абсолютного невнимания к названным факторам. В общем французские материалисты прекрасно осознавали целый ряд моментов, благодаря которым человек является специфической формой материального бытия, существенно отличной от всех его других форм. Французские материалисты подчеркивали, что только человек создает мир духовной и материальной культуры, все более отличая себя своей деятельностью от окружающей природы, хотя и постоянно пребывая в ней; только человеку свойственно создавать общества и государства. Движение от первобытной дикости и варварства к цивилизации рассматривается французскими материалистами как существеннейшая закономерность существования человечества, выражающая присущую ему способность прогрессивного развития.

Проблему общественного развития французские материалисты и французские просветители в целом сумели освободить от религиозных интерпретаций. Они подвергли сокрушительной критике теологическое понимание истории, согласно которому скрытой, но определяющей первопричиной социальных трансформаций является воля бога, божественное провидение. Внимание французских материалистов было сосредоточено на выявлении тех реальных факторов, которые воздействуют на развитие общества. При этом было привлечено внимание к таким условиям материальной жизни общества, как географическая среда, рост народонаселения, производственно-трудовая деятельность, а также к роли в общественном развитии вырабатываемых людьми идей, воззрений, учений. Однако роль этих последних была неправомерно преувеличена, абсолютизирована. Тот факт, что при специфичном для человека целенаправленном поведении всякое действие сопровождается его пониманием и ему предшествует определенный замысел, был неправомерно истолкован как указание на определяющую роль идей в человеческой жизни. Выше такого, по существу идеалистического, понимания человеческой истории французские просветители подняться не смогли, хотя они и высказывали в этой области некоторые интересные догадки материалистического характера.

Борясь с теологическим воззрением на человека, французские материалисты подвергли критике взгляд на человеческое сознание как на проявление некоего нематериального начала (души), созданной богом и навечно сохраняющейся после гибели человеческого организма.

Французские материалисты отвергли дуалистическую концепцию человека как существа, состоящего из двух разнородных субстанций — материальной и духовной, настаивая на материальном единстве человеческого бытия. Таким образом становилась очевидной беспочвенность учения о бессмертии души, что подрывало основы веры в бога как распределителя посмертных наград «праведникам» и наказаний «грешникам».

Философско-научная критика религии французскими материалистами звучала необычайно сильно в XVIII в. и не утратила своей принципиальной убедительности по сей день. Видимо, именно на счет философской фундированности французской атеистической литературы XVIII в. следует отнести слова Энгельса о том, что она, «учитывая тогдашний уровень науки, по содержанию еще и сейчас стоит бесконечно высоко...»¹.

* *
*

Квалифицируя всякую религию как совокупность заблуждений и иллюзий, французские атеисты пытались решить сложнейшие вопросы о причинах возникновения этой ложной формы человеческого сознания, разобраться в проблеме трансформации религиозных верований.

Опираясь на новаторские исследования де Бросса об африканских религиозных культах, французские материалисты пришли к заключению, что исторически первой формой религии был фетишизм, понимаемый как почитание людьми различных предметов.

Политеизм как следующая форма религиозного отношения к миру включает в себя в понимании французских материалистов как многобожие в собственном смысле слова, так и анимизм, выражающийся в вере, что все предметы и явления природы одушевлены и что именно невидимые духи заставляют эти предметы и явления определенным образом действовать. Надо отметить, что, по сути дела, французские материалисты видят различие между анимизмом и политеизмом, но еще не дают ему терминологического оформления. Они видят также и то, что анимизм представляет собой более раннюю форму религии, чем политеизм, и что второй вырастает из первого. К четкому разграничению анимизма и политеизма и к детальной характеристике первого научная мысль подошла столетием позже.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 514.

В отношении каждой из освещаемых ими форм религии французские материалисты высказали немало представляющих научную ценность положений. Общую черту религиозного сознания, проявляющуюся во всех этих формах, они справедливо увидели в вере в сверхъестественное, в наделении объектов почитания несвойственными им качествами, а в конечном счете в восприятии самих этих объектов как сверхъестественных.

Французские материалисты сумели показать, что всякая вера в реальность сверхъестественных сил и существ является несостоятельной. В мире, представляющем собой движущуюся и изменяющуюся материю, которая обладает бесчисленным множеством присущих ей свойств, все сверхъестественное не имеет объективного существования, будучи лишь фикцией заблуждающегося человеческого сознания. Французские материалисты доказывали, что сама эта фикция не является каким-то абсолютно чужеродным элементом в мире материального бытия, а представляет собой деформированный образ реальности, что самые абсурдные религиозные идеи имеют своим исходным пунктом какую-то земную реальность и создаются естественным образом, т. е. в соответствии с определенными способами функционирования человеческого сознания, которым свойственно порождать иллюзии.

Главную роль в порождении религиозных иллюзий французские материалисты отводили антропоморфизму, естественной и неизбежной для первобытного человека склонности приписывать всем вещам, существам и явлениям окружающего мира такую свою существенную черту, как целенаправленное действие.

Крайне низкий уровень знаний первобытных людей не позволял им познать окружающий мир в том многообразии его действительных свойств, которые имели жизненную важность для человека. Именно невежество «дикаря» рассматривается французскими материалистами как важнейшая предпосылка возникновения религиозных иллюзий. Но эта гносеологическая предпосылка берется ими не изолированно, а ставится в связь с сугубо практическими заботами первобытных людей, с задачей обеспечить сохранение и поддержание своей жизни и жизни своих сородичей в чреватом всевозможными опасностями мире.

Размышляя над проблемой возникновения и сущности развитых религий, французские материалисты говорили не только о гносеологических предпосылках их возникновения.

Они постоянно указывали на то, что религии, с одной стороны, освящают деспотическо-самодержавное правление земных владык, а с другой стороны, эти владыки кровно нуждаются для укрепления своей власти в религиях и всецело поддерживают их. Таким образом, эти философы вообще не обходили вопроса о социальных корнях религии, а ставили его довольно остро и широко. Слабость же позиции французских материалистов заключается, во-первых, в том, что вышеназванные констатации и наблюдения не были отражены в обобщающих формулах; во-вторых, в практически полном отсутствии у этих мыслителей понимания того, что в современных условиях социальный гнет является главной причиной существования и воспроизводства религии.

В нарисованной французскими материалистами картине происхождения религии очень важное место занимает характеристика ее эмоционально-психологических оснований. К страху, о фундаментальном значении которого в структуре религиозного сознания знали уже античные атомисты, был добавлен еще целый ряд негативных эмоций: печаль, тоска, отчаяние. Французские материалисты подчеркивали, что все эти эмоции возникают в сознании первобытного человека с необходимостью и имеют устойчивый, постоянный характер. Множество реальных зол и бессилие первобытного человека перед ними приводят к тому, что он чувствует себя несчастным. Желание быть счастливым, возникающее в условиях отсутствия реальных средств его осуществления, толкает этого человека к вере в вымышленные силы, от которых он ждет благодетелей. Французские материалисты отчетливо видели, что религиозному сознанию присущи и многочисленные позитивные эмоции: надежда, восхищение, радость, благодарность, любовь, относимые к богу.

Французские материалисты попытались разобраться в соотношении между негативными и позитивными эмоциями, выяснить, какие из них являются определяющими в религии.

Решительно выступали французские материалисты против богословских утверждений об утешительной функции религии, которая якобы вносит благотворную умиротворенность в сознание верующего. С одной стороны, французские материалисты указывали на призрачность религиозных утешений страдающего человека. Давая ложную успокоенность перед лицом реальных бедствий и опасностей, против которых верующий человек поэтому не находит нужным

бороться, религия ставит его в положение, когда его реальные несчастья могут лишь усилиться.

С другой стороны, французские материалисты подчеркивали, что сознание верующего угнетено множеством мучительных опасений, порожденных самой религией. Это страх перед возможностью нарушить или неверно исполнить какую-либо заповедь бога; боязнь дьявольских искушений и божественных испытаний; тоскливое чувство постоянной и изначальной виновности перед богом, обусловленной «первородным грехом»; мучительная неуверенность в божественном милосердии, необходимом для «вечного спасения»; отчаяние перед угрозой вечных мучений, ожидающих грешников в аду. Хотя, с точки зрения атеиста, все эти страхи иллюзорны, верующего человека они повергают в смятение и трепет, делают безнадежно обеспокоенным за свою судьбу.

Французские материалисты считали, что важнейшую роль в образовании и утверждении религии играют различные формы обмана. При этом бессознательному созданию и распространению мифических представлений о сверхъестественных существах придавалось первостепенное значение на стадии возникновения различных религий, а обман в собственном смысле слова, являющийся прямым мошенничеством, рассматривался как характеризующий сложившиеся религии и осуществляемый служителями культа.

В произведениях французских материалистов часто встречаются формулировки, в которых происхождение религии связывается только с одним фактором — невежеством. В других формулировках в один ряд с невежеством ставятся обман или страх. При этом понятия «невежество», «страх», «обман» трактуются вовсе не столь упрощенно, как это может показаться на основании знакомства только с обобщающими формулировками, в которых фигурируют данные термины.

*   *

*

Французские материалисты, в особенности Гольбах, внесли значительный вклад в освещение сложной проблемы происхождения христианства, разрушая богословскую версию о возведении людям этой религии «сыном божьим» и об устраняющем все препоны божественном содействии в процессе ее утверждения.

Первым шагом на этом пути явилось критическое исследование древнееврейской религии, признаваемой христианами.

нами в качестве первого по времени откровения почитаемого ими бога. Против учения о богооткровенности иудаизма и непререкаемой истинности Ветхого завета были выдвинуты следующие убедительные соображения. Во-первых, все повествования о явлениях бога людям и совершаемых по его соизволению чудесах должны быть признаны мифами, недостоверность которых ясна в свете научно-философского понимания мира. Во-вторых, земные корни библейской мифологии отчетливо выступают при обнаружении имеющихся в ней многочисленных заимствований из «языческих» религиозных представлений древних египтян, вавилонян, ассирийцев, персов и других соседей израильского народа. В-третьих, ветхозаветные воззрения на природу и человека настолько невежественны, что могли быть созданными только людьми, обладающими крайне низким уровнем знаний, а не всеведущим богом. В-четвертых, с историко-филологической точки зрения невероятно, чтобы автором начальной части Ветхого завета (Пятикнижия) был Моисей, что является дополнительным доводом против истинности библейского предания о том, будто сам бог раскрыл Моисею свою волю, а последний точно передал божественное откровение древнееврейскому народу. В-пятых, отрицая ту форму связи, которую сами христиане усматривали между своей религией и иудаизмом, французские материалисты доказывали, что ветхозаветные пророчества о грядущем пришествии «мессии», царя-избавителя, ошибочно считать предсказаниями об Иисусе Христе.

Ни одно из этих критических соображений не утратило научной значимости в свете блестящих открытий ученых XIX—XX вв., позволивших в целом гораздо более правильно и глубоко, чем это было возможно в XVIII в., охарактеризовать Ветхий завет, древнееврейскую религию и историю создавшего их народа.

Выявляя в составе входящих в Новый завет евангелий, апостольских посланий и преданий о деяниях апостолов обширную область мифологических представлений, т. е. заведомых недостоверностей, Дидро и Гольбах поставили под сомнение историческую реальность Иисуса Христа. Они обратили внимание на большую несогласованность между собой евангельских преданий о провозвестнике новой религии, а также на то, что включенные церковными деятелями в Новый завет четыре «канонических» евангелия заслуживают не большего доверия к себе, чем несколько десятков отброшенных «апокрифических», признанных самой церковью

вью сомнительными, евангелий. В то же время французские материалисты показали, что, в сущности, «канонические» евангелия не содержат в себе ни четкой системы религиозных догматов, ни определенных культовых предписаний, ни принципов церковной организации. Отсюда был сделан правильный вывод, что, вопреки убеждению христиан, их вероучение не было кем-либо возведено сразу в готовом виде, а существовало первоначально как совокупность немногих слабо разработанных и плохо связанных между собой положений. Критичные по отношению к ряду сторон ортодоксального иудаизма, эти положения, однако, обнаруживали большое родство с принципами влиятельной иудаистской секты эссенов (нашумевшие в 40—50-е годы XX в. открытия «кумранских свитков», излагавших учение эссенов, подтвердили давние предположения о его влиянии на евангельские представления).

Французские материалисты приложили немало усилий для доказательства той истины, что христианская религия формировалась в течение очень длительного периода и что ее создавали сами люди, добавляя к ее первоначальным положениям одно доктринально-ритуальное новшество за другим и существенно переосмысливая сами эти положения. В писаниях, приписываемых апостолу Павлу, Гольбах (сильно сомневавшийся в реальности этого последователя Иисуса Христа) усмотрел появление таких идей, которые впервые привели к решительному отмежеванию складывающегося христианства от своей иудаистской основы и превращению его в самостоятельную религию: не находя благоприятного отклика в среде древних евреев, христианские проповедники были вынуждены обратиться к другим народам и отбросить в связи с этим свойственный иудаизму принцип национальной исключительности. Французские материалисты подчеркивали, что христианский культ, отходя от иудаистского, обильно вбирал в себя элементы древневосточных языческих религий; что же касается христианского вероучения, то оно широко наполнялось идеями философии древних греков и римлян. Всем этим христианство обязано главным образом «отцам церкви», как именуются религиозные деятели, разрабатывавшие основы догматики новой религии.

Отвечая на вопрос, почему христианство при всей внутренней несостоятельности своего учения смогло развиваться в мощное религиозное движение и успешно конкурировать вначале с языческими культами, а затем и полностью вос-

торжествовать над ними, французские материалисты указали на целый ряд сугубо «земных» факторов, объясняющих преодолевающую все препятствия экспансию новой религии.

Во-первых, принадлежавшие к социальным низам и потому не приобщенные к высокой античной культуре люди, в среде которых преимущественно распространялось первоначальное христианство, привыкли с некритической доверчивостью принимать всякого рода измышления о чудесных и сверхъестественных событиях. Умы такого рода верующих христианство завоевывало вовсе не сверхъестественной «мудростью», а своим соответствием уровню необразованного сознания. Во-вторых, христианство естественным образом привлекало к себе этих задавленных нуждой людей обещанием освободить их от мук и страданий, посулами ввести в вечное царство беспечального и беззаботного бытия, справедливости, равенства, высочайшего блаженства и непреходящего счастья. Воодушевленные этими радужными иллюзиями и уверенные в близком наступлении на земле «царства божия», христиане проявляли величайшую приверженность к своей религии и агрессивное неприятие языческих культов. Религиозный энтузиазм был той психологической силой, которая позволила христианам не только сохраниться, но и умножить свои ряды в условиях жестоких гонений, которым их подвергли некоторые римские императоры, усмотревшие нетерпимое бунтарство в отказе христиан поклоняться признанным государством богам. В-третьих, в лице своей разрастающейся и сплоченной церкви христиане обладали мощной организацией, что давало им большие преимущества в столкновениях с лишенными такой силы сторонниками других религий. В-четвертых, в руках возглавлявших христианскую церковь епископов скапливались с течением времени все большие материальные ценности, поступавшие от верующих и позволявшие им при помощи раздачи милостыни привлекать к себе новые массы нищего населения, а также оплачивать расходы по отправлению культа и проведению всякой иной, все более многообразной деятельности. В-пятых, в начале IV в. церковь сумела добиться от императора Константина превращения христианства из гонимого вероисповедания в государственную религию, оказав за это названному монарху безоговорочную поддержку, в которой он был крайне заинтересован. С этого момента христиане в борьбе с другими религиями стали постоянно опираться на поддержку госу-

дарственной власти, что позволило за сравнительно короткий срок свести почти на нет языческие культы на территории Римской империи. В-шестых, после падения империи во второй половине VI в. христианская религия была принята королями и князьями обосновавшихся в Европе варварских народов, увидевшими в ней надежное средство придания большего авторитета своей власти.

Все эти выводы так или иначе затрагивали первостепенную для понимания происхождения и утверждения христианства проблему его социальных корней. Нельзя отрицать, что в своем подходе к данной проблеме французские материалисты сумели выявить весьма существенные причины успешного распространения христианства в позднеантичном и средневековом мире. В то же время французские материалисты оказались не в состоянии осознать фундаментальную значимость содержащихся в раннем христианстве элементов социального протеста, столь привлекавших к этой религии массы обездоленных и отчаявшихся людей. Из-за своей принципиальной неспособности хоть в какой-то мере повести к реальному улучшению условий человеческой жизни данная форма протеста казалась французским материалистам не заслуживающей серьезного внимания. К тому же в их глазах она безнадежно компрометировалась своей спаянностью с религиозным фанатизмом. Таким образом, самые глубокие и определяющие социальные корни первоначального христианства остались непонятыми французскими материалистами, и в этом заключается главная слабость их взглядов на происхождение христианства.

*   *
*

При рассмотрении последующей истории христианской религии в центре внимания французских материалистов находился вопрос о том, как она воздействовала на различные сферы жизни принявших ее народов, какое влияние она, в частности, оказывала на социально-политические отношения и на нравственность. В противоположность апологетам христианства, французские материалисты пришли к заключению, что это влияние всегда было весьма пагубным.

Привлекая громадный исторический материал, французские материалисты показали христианскую церковь как такую социальную силу, которая, во-первых, сама стремится к всеобъемлющему угнетению подвластных ей людей, устанавливая над ними не только духовный диктат и лишая их

свободы совести, но и при благоприятных для себя условиях присваивая себе высшую политическую и юридическую власть в обществе. Это оборачивается жесточайшими репрессиями за несогласие с религиозными догматами, страшными церковными тюрьмами и кострами инквизиции, истребительными «крестовыми походами» против «еретиков» и иноверцев, внутренними и внешними религиозными войнами, во время которых именем бога освящаются самые дикие зверства. Во-вторых, церковь своим учением о «божественном праве» монархов и обязанности народов беспрекословно повиноваться самым деспотическим властителям оправдывает и санкционирует всякое угнетение людей со стороны государственной власти — лишь бы последняя не забывала блюсти интересы духовенства и не посягала на них. В феодально-абсолютистских государствах средневековой Европы духовенство считалось первым сословием и наряду с дворянством относилось к привилегированной верхушке общества, паразитически живущей за счет труда народных масс. Идет ли речь о деспотическом правлении папы или «христианнейших» монархов, церковь стремится к превращению масс населения в бесправных рабов, она является противницей гражданских свобод, ей ненавистны республиканские и демократические режимы.

Французские материалисты аргументированно разоблачили несостоятельность притязаний религии быть единственно надежным основанием морали. Анализируя «священные» книги и предания, они пришли к выводу, что боги всех религий, которых людям предписывается свято чтить, не могут вдохновить человека на нравственное поведение, так как они сами то и дело совершают безнравственные поступки, проявляя по отношению к своим творениям несправедливость, коварство, жестокость, мстительность. Не более вдохновляющим в этом отношении является образ действий фигурирующих в Библии жестоких и развращенных властителей, единственной «добродетелью» которых являются религиозный фанатизм и щедрые дары духовенству. Абсурдно видеть образцы добродетели и в тех христианских «святых» подвижниках, отшельниках, монахах, которые бежали от человеческого общества и в одиночестве предавались самоистязаниям. Если бы все люди стали неукоснительно подражать названным проявлениям «святости», моральные принципы были бы полностью попорчены.

Не игнорируя наличия в «священных» книгах, в частности в Библии, действительно нравственных предписаний

(типа «не лги», «будь справедливым» и т. п.), французские материалисты вместе с тем подчеркивали, что обязательность этих предписаний непоправимо подрывается теми противоречащими им практическими «эталопами поведения», какими выступают для религиозного сознания боги и их любимцы — «святые». В то же время обращалось внимание, что простые нормы нравственности существовали задолго до появления «священных» книг. Будучи включены в последние, они оказались фактически приниженными и обесцененными, поскольку «святые» то и дело пренебрегали ими во имя подражания богу или исполнения приписываемых ему антигуманных заповедей.

Методы и результаты критического исследования французскими материалистами христианства и тесно связанного с ним иудаизма значимы не только в отношении этих двух религий, а применимы в принципе ко всем системам религиозных верований. Вывод об отрицательной роли религий в жизни человечества, сделанный французскими материалистами в ходе углубленного анализа двух названных монотеистических религий, полностью относится, по их мнению (хотя в своих конкретных аспектах он и требует при этом определенных коррективов), также к исламу, буддизму, древнеегипетской, древнегреческой, древнеримской и другим религиям.

Наблюдавшаяся в истории человечества смена одних религиозных верований другими приносила народам лишь новые несчастья. Вопреки замыслам деистов, невозможно «очистить» веру в бога от губительных для людей последствий и создать полезную обществу религию. Как образно выразился Дидро, «бог — это скверная машина, из которой нельзя сделать ничего путного...»¹. Все это вело к заключению, что, только полностью освободившись из пут религии, «человек может достигнуть счастья»².

*   *

*

Доказательство возможности существования независимых от религиозного санкционирования морали и политики, а также настоятельной необходимости их разработки на началах разума и истинной философии является важнейшим аспектом обоснования французскими материалистами про-

¹ Дени Дидро. Собрание сочинений, т. II. М.—Л., 1935, стр. 134.

² Поль Анри Гольбах. Избранные произведения, т. 1. М., 1963, стр. 346.

граммы распространения последовательного атеистического мировоззрения. Всесторонне развивая прогрессивные мысли Бейля, резюмированные Марксом в словах что «возможно существование общества, состоящего из одних только атеистов, что атеист может быть почтенным человеком, что человека унижает не атеизм, а суеверие и идолопоклонство»¹, французские материалисты высказывали убеждение, что обеспечиваемое их философией правильное осознание человеком своих потребностей и интересов должно неминуемо вести его к выводу о необходимости признать и строго исполнять самые высокие принципы гуманистической нравственности и политики, предписывающие доброжелательное сотрудничество с другими людьми, оказание им всей возможной помощи, уважение их прав на свободу и счастье; эти же принципы запрещают человеку наносить какой-либо вред окружающим, вводить их в заблуждение, подвергать обидам и несправедливостям, отнимать продукты их труда, проявлять по отношению к ним насилие, угнетать их.

Современную им феодально-абсолютистскую систему французские материалисты остро критиковали за то, что она зиждется на господстве прямо противоположных принципов, обрекая подавляющую массу населения на нищету, бесправие, угнетение. «Развращенные государи», руководствующиеся узкоэгоистическими расчетами, проводящие угнетательскую политику и своими несправедливостями подрывающие в обществе нравственность, были объявлены главными виновниками человеческих бедствий, а религия была обвинена в том, что именно она внушает правителям ложную идею о божественном происхождении и неограниченном характере их власти. Задача искоренения религии поэтому рассматривалась французскими материалистами как предпосылка и вместе с тем составная часть страстно желаемого ими коренного преобразования общественных отношений, которое должен произвести «просвещенный государь», перестающий — вследствие усвоения идей новой философии об «истинной» природе государственной власти — быть самовластным деспотом и превращающийся в верховного служителя правильно понятых интересов общества, заключающихся в обеспечении счастья всех его членов.

Несомненно, что в этом характерном для просветителей XVIII в. воззрении на общественные отношения и пути их преобразования много наивных и просто неверных пред-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 141—142.

ставлений, порожденных отсутствием материалистического понимания общества, игнорированием классового характера государства, а также того, что на частнособственнической экономической основе невозможно создать то гуманистическое «царство разума», которое было социальным идеалом просветительской мысли. Для исторически конкретной оценки этого идеала чрезвычайно важно указание Ленина о том, что просветители той эпохи, объективно являвшиеся идеологами буржуазии, не руководствовались своекорыстными классовыми соображениями, а «искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного»¹.

Следует отметить также, что при всей утопичности надежд на радикальную преобразовательную деятельность «просвещенного государя» социальный идеал просветителей обладал и некоторыми существенными достоинствами. Во-первых, в него была включена актуальная задача бескомпромиссной критики римско-католической церкви. Во-вторых, данный идеал содержал в себе немало таких установок, которыми фактически формулировались важнейшие социально-политические задачи буржуазной революции. В-третьих, некоторые сформулированные французскими материалистами на основе своей философии социальные принципы и цели прорывали ограниченный горизонт буржуазного мировоззрения и стимулировали развитие утопического социализма, в связи с чем Маркс считал нужным подчеркнуть наличие «социалистической тенденции материализма»², а Энгельс писал о том, что «современный социализм... по своей теоретической форме... выступает сначала только как дальнейшее и как бы более последовательное развитие принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века»³.

К числу неотложных социально-политических мер антиклерикального характера, которые должно провести в жизнь «просвещенное правительство», французские материалисты отнесли: полное уничтожение влияния церкви на политику и право; отказ от поддержки государством какой бы то ни было религии, обеспечение гражданам свободы совести, признание за ними права как на исповедование свободно избранной формы религии, так и на беспрепятст-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 520.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 146.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 16.

венное высказывание атеистических убеждений; государственный контроль над церквями с целью предотвратить разжигание ими религиозного фанатизма и нетерпимости; отстранение духовенства от дела народного образования и воспитания, отделение школы от церкви; упразднение монашества и передача в общественное пользование монастырских имуществ; частичная, но весьма широкая секуляризация другого церковного имущества.

Французские материалисты были убеждены, что в условиях нового общественного строя, установленного «просвещенным правителем», целенаправленное и неутомимое распространение философами, всецело поддерживаемыми государственной властью, атеистических идей постепенно приведет — в рамках всестороннего просвещения народа — к изживанию в обществе религиозных верований, отказу от них всех людей, убеждающихся в их иллюзорности и вредности. Важной объективной предпосылкой этого результата французские материалисты считали господство освобожденного от социальных зол человечества над природой, обеспечиваемое научно-техническим прогрессом.

*   *

*

После того как французская буржуазия в конце XVIII в. завоевала политическую власть, идеологи победившей буржуазии развернули наступление на материализм и атеизм, смыкаясь в этом отношении с клерикалами и долгое время не слагавшими оружия приверженцами феодально-абсолютистских порядков.

По вполне понятным классово-социальным причинам с середины XIX в., когда возникла научная идеология революционного пролетариата, крупнейшие достижения в развитии материалистической и атеистической мысли были закономерно связаны с марксизмом. Указывая на существенные ограниченности предшествующих форм материализма, классики марксизма-ленинизма в то же время считали необходимым максимально использовать в борьбе с современным религиозным дурманом все ценные элементы атеистического наследия передовых французских философов XVIII в. Энгельс в 1874 г. советовал «позаботиться о массовом распространении среди рабочих превосходной французской материалистической литературы прошлого века...»¹. Напоминая об этом совете, Ленин в первые годы Советской

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 514.

власти, когда начиналась величайшая культурная революция в нашей стране, указывал, что «бойкая, живая, талантливая, остроумно и открыто нападающая на господствующую поповщину публицистика старых атеистов XVIII века» может сыграть громадную роль в том, чтобы «пробудить людей от религиозного сна»¹. После этого указания издание работ французских материалистов XVIII в. стало существенным моментом успешно проводимой в Советском Союзе программы атеистического просвещения и воспитания.

В настоящее время среди ревизионистов всех мастей стало модным делать реверансы в сторону религии и призывать марксистов коренным образом пересмотреть отношение к ней, отбрасывая воинствующий атеизм, который объявляется «устаревшим» и, в сущности, «пагубным» детищем XVIII в. Вкупе с профессиональными клерикалами такие столпы современного ревизионизма, как Р. Гароди, разглазывают о якобы величайшей благотворной роли христианства и других религий в истории человечества, списывая в область досадных «недоразумений» и случайных «уклонений» те действия церковников в прошлом, которые даже многими верующими людьми нашей эпохи рассматриваются как преступления против человечности. Абсолютизируя обновленческие тенденции в современных церквах, ревизионисты уверяют, будто религия по своей сути вовсе не обязательно является «опиумом», усыпляющим творческо-преобразующую активность народных масс, а скорее представляет собой сильнейшее «революционное бродило».

Произведения французских материалистов помогают разоблачать ревизионистские фальсификации истории религии и ее сущности. Они напоминают, что костры инквизиции были потушены и двери церковных тюрем раскрылись только потому, что социальные движения лишили церковь юридической, политической и экономической власти, подорвали ее идеологический авторитет.

Французские материалисты XVIII в. принадлежат к числу тех мыслителей-борцов, усилия которых сыграли громадную роль в том, что человечество встало на путь освобождения от религиозного дурмана и ига клерикализма, сосредоточив внимание на задаче создания на земле достойных человека условий существования.

Доктор философских наук *В. Н. Кузнецов*

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 26.

КРИТИКА
ФИЛОСОФСКО-
ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
ОСНОВ РЕЛИГИИ
И
"ДОКАЗАТЕЛЬСТВ,
БЫТИЯ БОГА"

ВЫЯВЛЕНИЕ ФИЛОСОФСКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ РЕЛИГИИ

Всякая религия представляет собой систему взглядов и правил поведения, основанную на истинном или ложном понимании бога. Чтобы судить об истинности любой системы, нужно изучить ее принципы, проверить их согласованность и убедиться в соподчинении всех ее частей. Чтобы быть истинной, религия должна давать нам истинные представления о боге; только с помощью разума мы можем судить об истинности тех представлений о боге, которые дает нам богословие; ведь для людей истинно то, что согласно с разумом; следовательно, только разум, который всячески стремятся опорочить богословы, может позволить нам судить об истинах, проповедуемых религией.

Истинным богом может быть только такой бог, чьи свойства и сущность не противоречат разуму, а истинным культом — только культ, признаваемый разумом.

Всякая религия имеет значение лишь в меру тех благ, которые она предоставляет людям... только разум может судить о том, насколько реальны или призрачны эти блага, и, следовательно, решать, насколько те или другие религии, культы, этические системы полезны или вредны человечеству.

П. Гольбах. Письма к Евгению. «Письма к Евгению. Здравый смысл». М., 1956, стр. 73.

Мы охотно согласимся с тем, что страсти и интересы людей побуждают их производить изыскания: незаинтересованный человек не станет заниматься изысканиями; человек, лишенный страстей, не станет энергично производить поиски чего-либо. Поэтому остается только определить, правомерны или нет страсти и интересы, побуждающие некоторых мыслителей обсуждать вопрос о бытии божьем... Испытываемые людьми страхи и тревоги являются для всякого здравомыслящего человека вполне достаточными побуждениями для того, чтобы постараться убедиться, необходимо ли ему проводить всю жизнь в непрерывном беспокойстве. Неужели несчастный человек, несправедливо

закованный в цепи, не вправе желать разбить их или же изыскивать средства, чтобы вырваться из своей тюрьмы и избавиться от угрожающих ему на каждом шагу наказаний? Неужели его страсть к свободе не правомерна, неужели он вредит своим товарищам по несчастью, избавляясь от ударов тирании и помогая им избавиться от нее? Что такое неверующий, как не заключенный, вырвавшийся из всемирной тюрьмы, в которой тиранический обман удерживает всех смертных? Что такое писатель-атеист, как не вырвавшийся из тюрьмы узник, доставляющий своим товарищам, имеющим мужество следовать за ним, средство избавиться от ужасов, которые им угрожают?

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 643—644.

Религия же — это искусство сеять и возвращать в душах мечтания, иллюзии, обманы, из которых рождаются гибельные для этих и других людей страсти; только победив их, человек может достигнуть счастья.

Отказавшись от указаний опыта и от изучения природы материального мира, теологи забрались в какой-то интеллигильный мир и населили его всякого рода призраками. Они не желали рассматривать материю и различные стадии ее изменений. При этом забавным, а может быть, недобросовестным образом смешали разложение и отделение друг от друга элементарных частей, из которых составлены тела, с их окончательным уничтожением; не захотели признать, что материальные элементы неразрушимы и только их формы, зависящие от преходящих сочетаний, недолговечны; не сумели отличить свойственных материи изменений вида, положения и структуры от совершенно невозможного для нее уничтожения и ложным образом умозаключили, что материя, вовсе не являясь необходимым существом, имеет начало во времени и обязана своим бытием какому-то неизвестному существу, более необходимому, чем она. Это-то воображаемое существо было возведено в сан творца, двигателя и хранителя всей природы. Таким образом, теологи подменили пустым словом материю, которая является единственным источником наших истинных идей, природу, действие которой мы испытываем ежеминутно и

которую мы знали бы гораздо лучше, если бы спекулятивные воззрения не образовали на наших глазах плотной повязки.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 346, 491—492.

Те, кто допускает некоторую внешнюю по отношению к материи причину, обязаны предположить, что эта причина произвела все движения в этой материи, сообщив ей существование. Это предположение основывается на другом, согласно которому материя могла начать существовать, т. е. на гипотезе, в пользу которой до сих пор никогда не было приведено солидных аргументов. Выведение из Ничего, или Творение, лишь слово, которое не может дать нам представления об образовании вселенной; оно не имеет никакого смысла, на котором мог бы остановиться наш разум.

Это понятие становится еще более темным, когда творение, или образование, материи приписывается некоторому духовному существу, т. е. существу, которое не имеет с ней никакого сходства, никакой точки соприкосновения и, как мы скоро покажем, будучи лишено протяжения и частей, не может быть способно к движению, так как последнее представляет собой изменение положения тела по отношению к другим телам, при котором различные части движущегося тела последовательно совпадают с различными точками пространства.

Впрочем, все согласны с тем, что материя не может целиком погибнуть или перестать существовать. Но в таком случае как же могло когда-либо начаться то, что не может перестать существовать.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 78—80.

Спиритуализм¹ является последним оплотом теологии, которая создала себе какого-то более чем воздушного бога, надеясь, без сомнения, на то, что подобный бог совершенно неприступен; действительно, нападать на него — значит бороться с призраком.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 487.

---

¹ Термином *спиритуализм* французские материалисты XVIII в. обозначали учения, утверждавшие, что материальный мир создается (или упорядочивается, организуется, управляется) «чистыми духами»

Отличая природу от ее двигателя, люди впали в такое же заблуждение, как тогда, когда они отличили свою душу от своего тела, жизнь от живущего, а способность мыслить от мыслящего существа. Неправильно понимая собственную природу и энергию своих органов, они ошиблись в своем понимании устройства вселенной, отличив природу от нее самой, жизнь от живущей, а действие от действующей природы. Вот эту-то мировую душу, эту энергию природы, этот активный принцип люди и олицетворили, мысленно отделив его от реальности и снабдив либо мнимыми, либо заимствованными у самих себя качествами. Таков тот прозрачный материал, из которого они создали своего бога; их собственная душа послужила при этом образцом; не понимая ее природы, они, разумеется, не могли иметь правильного представления и о божестве, бывшем лишь увеличенной копией души, искаженной настолько, что нельзя было распознать ее первоначального образца.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 500.

(богами, ангелами, имматериальными человеческими душами и т. п.). Они относили к спиритуализму фактически все известные в то время разновидности идеализма.

НЕСОТВОРЕННОСТЬ, ВЕЧНОСТЬ И БЕСКОНЕЧНОСТЬ МАТЕРИАЛЬНОЙ ПРИРОДЫ. АБСУРДНОСТЬ ИДЕИ О БОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЦЕ

Вселенная, это колоссальное соединение всего существующего, повсюду являет нам лишь материю и движение. Ее совокупность раскрывает перед нами лишь необъятную и непрерывную цепь причин и следствий. Некоторые из этих причин нам известны, ибо они непосредственно воздействуют на наши чувства. Другие нам неизвестны, потому что действуют на нас лишь посредством следствий, часто очень удаленных от своих первопричин.

Разнообразнейшие вещества, сочетаясь на тысячи ладов, непрерывно получают и сообщают друг другу различные движения. Различные свойства веществ, их различные сочетания и разнообразные способы действия, являющиеся необходимыми следствиями этих свойств и сочетаний, составляют для нас *сущность* всех явлений бытия, и от различия этих сущностей зависят различные порядки, ряды или системы, в которые входят эти явления, в совокупности составляющие то, что мы называем *природой*.

Таким образом, природа, понимаемая в широчайшем смысле этого слова, есть великое целое, получающееся от соединения различных веществ, их различных сочетаний и различных движений, наблюдаемых нами во вселенной.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 66.

Мы обнаруживаем в телах протяжение, подвижность, делимость, твердость, тяжесть, силу инерции. Из этих общих и первичных свойств вытекают другие: плотность, фигура, цвет, вес и т. д. Таким образом, по отношению к нам материя вообще есть все то, что воздействует каким-нибудь образом на наши чувства, а качества, приписываемые нами различным веществам (*matières*), основываются на различных впечатлениях, или изменениях, производимых в нас этими веществами.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 84—85.

Пусть нам не говорят, будто мы не можем иметь представления об изделии, не имея представления о работнике, отличном от этого изделия. *Природа вовсе не есть какое-то изделие*; она всегда существовала сама по себе; в ее лоне зарождается все; она — колоссальная мастерская, снабженная всякими материалами; она сама изготовляет инструменты, которыми пользуется в своих действиях; все ее изделия являются продуктами ее энергии и сил, или причин, которые она заключает в себе, производит и приводит в действие. Вечные, несотворенные, неразрушимые, всегда движущиеся элементы, различным образом сочетаясь между собой, порождают все наблюдаемые нами существа и явления, ощущаемые нами хорошие или дурные действия, порядок или беспорядок, которые мы отличаем друг от друга лишь по их различным воздействиям на нас, — одним словом, все те чудеса, над которыми мы размышляем и о которых рассуждаем. Указанные элементы нуждаются для этого лишь в присущих им самим или их сочетаниям свойствах и движениях, свойственных их природе; нет никакой необходимости в каком-то неизвестном верховном работнике, который бы собрал, скомбинировал, сформировал, сохранил и под конец уничтожил эти элементы.

Стараясь проникнуть в тайны природы, мы найдем в ней... лишь различную по природе и различно модифицируемую движением материю. В своей совокупности, равно как и во всех своих отдельных частях, она представляет собой лишь ряд необходимых причин и следствий, которые вытекают друг из друга и связь которых наш ум способен более или менее полно раскрыть при содействии опыта. Все наблюдаемые нами вещи в силу своих специфических свойств взаимно притягиваются и отталкиваются, возникают и гибнут, получают друг от друга и сообщают друг другу движение, качества, модификации, в течение известного времени сохраняющие их в определенном виде или же изменяющие форму их существования. От этих непрерывных перемен и зависят все происходящие в мире большие или малые, обычные или необычные, известные или неизвестные, простые или сложные явления; по этим изменениям мы познаем природу; она так таинственна лишь для тех, кто смотрит на нее через дымку предрассудков; ее ход очень прост для тех, кто глядит на нее без предубеждения.

Действительно, из первых же начатков физики мы убеждаемся, что хотя те или иные тела изменяются и исчезают, но ничто в природе не теряется: различные продукты разложения какого-нибудь тела служат элементами, материалами и основанием для образования, роста и поддержки других тел. Вся природа существует и сохраняется только благодаря непрерывному обращению, перемещению, взаимообмену и передвижению либо невидимых молекул и атомов, либо видимых частиц материи. Благодаря именно этому *палингенезису* существует великое целое, которое, подобно мифологическому Сатурну, постоянно пожирает своих собственных детей. В известном смысле можно было бы сказать, что захвативший трон последнего метафизический бог вместе с тем лишил его и способности порождать и действовать.

Итак, признаем, что природа существует сама по себе, действует в силу собственной энергии и никогда не подвергнется уничтожению. Скажем, что материя вечна и природа всегда была, есть и будет той силой, которая производит и уничтожает, порождает и разрушает вещи, следуя законам, вытекающим из ее необходимого существования. Для всего, что она делает, ей достаточно сочетания существенно различных элементов веществ, которые взаимно притягиваются или отталкиваются, удаляются или сближаются, сталкиваются или соединяются, остаются соединенными или отделяются друг от друга. Так она порождает растения, животных, людей — словом, организованные, чувствующие и мыслящие существа, равно как и существа, лишенные чувства и мысли. Все они действуют в течение отведенного им времени существования согласно неизменным законам, определенным их свойствами, структурой, сходством и несходством друг с другом, формой, массой, весом и т. д. Вот истинное происхождение всего того, что мы наблюдаем; вот как природа производит собственными силами все наблюдаемые нами явления, равно как и все тела, которые различно действуют на наши органы и о которых мы судим по способу их воздействия на последние.

Вернем же заблудших смертных к алтарям природы, развеим ради их блага призраки, возведенные на трон природы их невежественным и напуганным воображением. Скажем им, что ни над природой, ни вне ее нет ничего и она способна произвести без всякой посторонней помощи все поражающие их явления, искомые ими блага и пугаю-

щие их бедствия. Скажем им, что опыт ведет к пониманию природы, что она охотно сбрасывает свои покровы перед теми, кто ее изучает, раскрывает свои тайны тем, кто дерзает вырывать их у нее своим трудом, и вознаграждает величие духа, мужество и трудолюбие. Скажем им, что только разум может осчастливить их и этот разум есть просто знание природы в применении к поведению человека в обществе. Скажем им, что призраки, которыми они так долго и так тщетно занимались, не могут ни доставить им того счастья, которого они просят с воплями и мольбами, ни предотвратить тех неминуемых бедствий, которые предназначены им природой и которые разум приучает их переносить, раз их нельзя устранить с помощью естественных средств. Объясним им, что все необходимо и их радости и горести являются следствиями природы, во всем подчиняющейся законам, которых ничто не может отменить. Наконец, будем постоянно повторять им, что они смогут стать счастливыми, лишь сделав счастливыми своих близких, и тщетно будут ждать счастья от неба, если земля откажет им в нем.

Природа есть причина всего; она существует благодаря самой себе; она будет существовать и действовать вечно; она — своя собственная причина; ее движение — необходимое следствие ее необходимого существования; мы не можем представить себе природу без движения; мы понимаем под собирательным названием *природа* совокупность веществ, действующих в силу собственной энергии. Но раз дело обстоит таким образом, какой смысл постулировать более непостижимое, чем природа, существо, чтобы объяснить этим ее действия, поражающие, разумеется, всех, но особенно тех, кто не изучал ее? Станут ли люди более умными и развитыми, если им скажут, что какое-то недоступное их пониманию существо является виновником наблюдаемых ими явлений, естественных причин которых они не могут открыть? Одним словом, смогут ли они с помощью не поддающегося определению существа, называемого *богом*, лучше понять природу, постоянно воздействующую на них?..

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 478, 489, 492—493, 502—503.

ДВИЖЕНИЕ — СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ МАТЕРИИ.

НЕОБОСНОВАННОСТЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БОЖЕСТВЕННОМ ИСТОЧНИКЕ ДВИЖЕНИЯ

Тело, по мнению некоторых философов, само по себе бездеятельно и бессильно; это ужасная ошибка, идущая вразрез со всякой здоровой физикой, со всякой здоровой химией: тело преисполнено деятельности и силы и само по себе, и по природе своих основных свойств, рассматриваем ли мы его в молекулах или в массе.

К этому добавляют: чтобы представить себе движение вне существующей материи, следует вообразить силу, на нее воздействующую. Это не так: молекула, наделенная свойством, присущим ее природе, есть сама по себе деятельная сила. Она воздействует на другую молекулу, в свою очередь воздействующую на первую...

Абсолютный покой есть абстрактное понятие, которое в природе не существует... движение есть такое же реальное свойство, как длина, ширина, глубина. Мне нет дела до того, что у вас в голове. Меня не касается то обстоятельство, смотрите ли вы на материю как на однородную или неоднородную. Какое мне дело до того, что, абстрагируясь от ее качеств и считаясь только с ее бытием, вы ее берете в состоянии покоя? Какое мне дело до того, что в связи с этим вы ищете причину, приводящую ее в движение? Делайте с математикой и с метафизикой все, что вам угодно; но я — физик и химик; я беру тела такими, каковы они в природе, а не в моей голове; для меня они существующие, разнообразные тела, наделенные свойствами и деятельностью, они действуют в природе, как в лаборатории, где искра не сосуществует рядом с тремя соединенными молекулами селитры, угля и серы без того, чтобы не произошел неизбежный взрыв...

На всякую молекулу следует смотреть как на средоточие трех родов действий: действия тяжести, или тяготения, действия внутренней силы, свойственной ее природе, как молекулы воды, огня, воздуха, серы, действия всех других

молекул на нее. Эти действия могут соединяться или разъединяться, и если они соединяются, то действие молекулы — самое сильное из всех возможных для нее.

Д. Дидро. Философские основания материи и движения. Избранные философские произведения. М., 1941, стр. 135—136, 137.

Большинство физиков считали неодушевленными или лишенными способности двигаться те тела, которые приводят-ся в движение лишь с помощью какого-нибудь агента, или внешней причины. Отсюда они сочли возможным заключить, будто составляющая эти тела материя совершенно инертна по своей природе. Они не хотели расстаться с этим заблуждением, хотя и видели, что всякий раз, когда какое-нибудь тело предоставлено самому себе или освобождено от препятствий, мешающих его действию, оно стремится упасть, или приблизиться, к центру земли посредством равномерно ускоренного движения. Они предпочитали допустить какую-то воображаемую внешнюю причину, о которой не имели никакого представления, чем признать, что эти тела обладают движением по своей природе...

Если бы люди внимательнее относились к тому, что происходит на их глазах, они не стали бы искать вне природы отличную от нее силу, которая будто бы привела ее в движение и без которой, как им казалось, в природе не могло возникнуть движение. Если под природой мы станем понимать груды мертвых, лишенных всяких свойств и чисто пассивных веществ, то, разумеется, нам придется искать вне этой природы принцип ее движений. Но если мы будем понимать под природой то, чем она является в действительности, а именно целое, разные части которого имеют разные свойства, действуют согласно этим свойствам, находятся в непрерывном взаимодействии, имеют вес и тяготеют к общему центру или удаляются по направлению к периферии, притягивают и отталкивают друг друга, соединяются и разъединяются, производят и разрушают своими непрерывными столкновениями и сближениями все наблюдаемые нами тела, тогда ничто не заставит нас прибегать к содействию сверхъестественных сил, чтобы понять образование наблюдаемых нами вещей и явлений.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 75—76, 78.

Движение — это усилие, с помощью которого какое-нибудь тело изменяет или стремится изменить местоположение, т. е. последовательно вступить в соответствие с различными частями пространства или же изменить свое расстояние по отношению к другим телам. Одно лишь движение устанавливает отношения между нашими органами и телами, находящимися внутри или вне нас; лишь по сообщаемым нам этими телами движениям мы узнаем об их существовании, судим об их свойствах, отличаем их друг от друга, распределяем их по разным классам.

...Наши чувства обнаруживают в окружающих нас телах два рода движения: во-первых, движение масс, представляющее собой перемещение тел с одного места на другое; этого рода движение непосредственно доступно нашему наблюдению. Так, мы можем видеть, как падает камень, катится шар, движется, или меняет свое положение, рука. Но есть другое, внутреннее и скрытое движение, зависящее от свойственной известному телу энергии, т. е. от сущности, от сочетания, действия и противодействия невидимых молекул материи, из которых состоит это тело: это движение не обнаруживается нами непосредственно, мы знаем его лишь по изменениям и превращениям, замечаемым по истечении некоторого времени в телах или смесях. Такого рода, например, те скрытые движения, которые вызываются брожением в молекулах муки: последние, первоначально будучи рассеянными, разрозненными, впоследствии связываются и образуют компактную массу, называемую нами хлебом. Такого же рода те неуловимые движения, благодаря которым растет, крепнет, видоизменяется, приобретает новые качества какое-нибудь растение или животное: наши глаза не способны проследить постепенные действия причин, порождающих эти следствия. Наконец, того же рода и те происходящие в человеке внутренние движения, которые мы называем его *умственными способностями, мыслями, страстями, желаниями* и о которых можем судить лишь по его поступкам, т. е. по видимым действиям, сопровождающим их или следующим за ними.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 68, 69—70.

Движение имеется одинаково и в перемещающемся теле, и в теле покоящемся...

Устраните препятствия, которые мешают пространственному перемещению покоящегося тела, и оно передвинется. Внезапно разрядив воздух, создайте безвоздушное пространство вокруг ствола этого громадного дуба, и содержащаяся в нем вода, внезапно расширившись, разорвет его на сотни тысяч частей.

Д. Дидро. Разговор Даламбера и Дидро. Избранные философские произведения. М., 1941, стр. 143—144.

Большинство физиков, по-видимому, недостаточно внимательно размышляли о том, что они называют низусом (*nisus*), т. е. о непрерывных воздействиях, оказываемых друг на друга телами, как будто пребывающими в покое. Камень в 500 фунтов весом кажется нам находящимся в покое на земле, однако он ни на минуту не перестает с силой давить на эту землю, которая, в свою очередь, оказывает ему сопротивление, или отталкивает его. Быть может, скажут, что этот камень и эта земля не действуют друг на друга? Чтобы разувериться в этом, достаточно поместить руку между камнем и землей; нетрудно убедиться, что этот камень, несмотря на его кажущийся покой, обладает силой, достаточной, чтобы раздробить руку. В телах не может быть действия без противодействия. Тело, испытывающее какой-нибудь толчок, притяжение или давление, которым оно сопротивляется, самим этим сопротивлением показывает нам свое противодействие. Отсюда следует, что в данном случае существует некоторая скрытая сила (*vis inertiae*), которая направлена против другой силы, и это с очевидностью доказывает, что сила инерции способна эффективно действовать и противодействовать. Наконец, ясно, что силы, называемые мертвыми, и силы, именуемые живыми, или движущими, представляют собой явления одного и того же рода, которые только обнаруживают себя различным образом.

Но нельзя ли сделать еще один шаг вперед и сказать, что в телах и массах, которые кажутся нам в целом покоящимися, имеются, однако, непрерывные действия и противодействия, постоянные усилия, непрекращающиеся сопротивления и импульсы — одним словом, низусы, при помощи которых части этих тел давят друг на друга, оказывают друг другу сопротивление, непрерывно действуют и противодействуют. Именно благодаря этому такие части удерживаются вместе и образуют массы, тела, сочетания, которые

кажутся нам в целом покоящимися, между тем как в действительности ни одна из их частей не перестает действовать. Тела кажутся покоящимися лишь благодаря равенству действующих на них сил.

Таким образом, даже те тела, которые кажутся пребывающими в самом полном покое, в действительности испытывают на своей поверхности или внутри себя непрерывные импульсы от тел, которые проникают в них, расширяют, разрезают, сгущают их, наконец, даже от таких, из которых они состоят. Благодаря этому части тел находятся в действительности в непрерывном взаимодействии, или движении, результаты чего обнаруживаются в конце концов в виде очень заметных изменений. Теплота расширяет и разжижает металлы; отсюда следует, что какая-нибудь полоса железа в силу одних лишь атмосферных колебаний должна находиться в непрерывном движении и в ней нет ни одной частицы, пребывающей хотя бы мгновение в настоящем покое. Действительно, можно ли представить себе, чтобы на одну, хотя бы и внешнюю, частицу твердых тел, все части которых соприкасаются и примыкают друг к другу, оказывали воздействие воздух, холод и тепло и при этом движение не передавалось от точки к точке до самых потаенных частей данных тел? Можно ли понять, не допуская движения, воздействие на наш орган обоняния истечений, исходящих от крайне твердых тел, все части которых кажутся нам пребывающими в покое? Наконец, разве могли бы наши глаза видеть с помощью телескопа отдаленнейшие светила, если бы от этих светил до нашей сетчатки не доходило устремленное вдаль движение?

Одним словом, дополняемое размышлением наблюдение должно убедить нас в том, что все в природе находится в непрерывном движении; что нет ни одной ее части, которая пребывала бы в настоящем покое; наконец, что природа представляет собой действующее целое, которое перестало бы быть природой, если бы не действовало, и в котором при отсутствии движения ничто не могло бы происходить, сохраняться, действовать. Итак, идея природы необходимым образом заключает в себе идею движения. Но спросят нас: откуда эта природа получила свое движение? Мы ответим, что от себя самой, ибо она есть великое целое, вне которого ничто не может существовать. Мы скажем, что движение — это способ существования (*façon d'être*), необходимым образом вытекающий из сущности материи; что материя движется благодаря собственной энергии; что она обязана

своим движением внутренне присущим ей силам; что разнообразие ее движений и вытекающих отсюда явлений происходит от различия свойств, качеств, сочетаний, первоначально заключающихся в разнообразных первичных веществе-ствах, совокупностью которых является природа.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 72—75.

Каковы бы ни были движения тел, они являются необходимым следствием их сущности или их свойств и свойств тех причин, действие которых испытывают эти тела. Всякая вещь может действовать и двигаться только определенным образом, т. е. согласно законам, зависящим от ее собственной сущности, собственного сочетания и собственной природы — словом, от ее собственной энергии и энергии тел, воздействующих на нее.

Все эти факты неопровержимо доказывают нам, что движение возникает, увеличивается и ускоряется в материи без вмешательства какого бы то ни было внешнего агента; и мы вынуждены заключить на основании этого, что движение есть необходимое следствие неизменных законов, сущности и свойств, присущих различным элементам и разнообразным сочетаниям этих элементов. Не вправе ли мы сделать отсюда вывод, что может существовать бесконечное множество других сочетаний, способных произвести в материи различные движения, причем нет никакой нужды в том, чтобы для их объяснения допускать существование агентов, познать которые труднее, чем приписываемые им действия?

Итак, если нас спросят, откуда явилась материя, мы ответим, что она существовала всегда. Если спросят, откуда у материи появилось движение, мы ответим, что по тем же основаниям она должна была двигаться вечно, так как движение — необходимый результат ее существования, сущности и таких первоначальных свойств, как протяжение, вес, непроницаемость, фигура и т. д.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 71, 77—78, 80.

Надо начать с классификации существ, от инертной молекулы — если такая есть — до живой молекулы, микроскопического животного, животного-растения, животного, человека.

Д. Дидро. Элементы физиологии. Собрание сочинений, т. 2. М.—Л., 1935, стр. 340.

Достаточно хоть сколько-нибудь внимательно приглядеться к происходящим в природе процессам, проследить за телами природы в различных состояниях, через которые они вынуждены проходить в силу своих свойств, чтобы убедиться, что одно лишь движение является источником изменений, сочетаний, форм — одним словом, всех модификаций материи. Именно благодаря движению возникает, изменяется, растет и уничтожается все существующее. Движение изменяет облик вещей, прибавляет к ним или отнимает у них свойства: благодаря движению всякое тело, занимавшее известное место или положение среди остальных тел, вынуждено в силу свойств своей природы оставить его и занять другое, содействуя тем самым рождению, поддержанию, разложению других тел, совершенно отличных от него по своей сущности, роду и месту.

...Непрерывное, присущее материи движение изменяет и разрушает все тела природы, отнимает у них в каждое мгновение какие-нибудь из их свойств, чтобы заменить другими; оно же, изменяя наличные сущности тел, изменяет также их положение, направления, тенденции и законы, регулирующие их способы бытия и действия.

От камня, образованного внутри земли путем тесного сочетания сходных и родственных сблизившихся между собой молекул, до солнца, этого колоссального резервуара пылающих частиц, освещающего небесный свод, от пассивной устрицы до активного и мыслящего человека мы видим непрерывное продвижение, постоянную цепь сочетаний и движений, дающую начало существам, которые отличаются друг от друга лишь входящими в их состав элементарными веществами, а также сочетаниями и пропорциями этих веществ, порождающими бесконечное разнообразие способов существования и действия.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 85—86, 90—91.

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ И УЧЕНИЕ ОБ ОБЪЕКТИВНЫХ ЗАКОНАХ ПРИРОДЫ. БЕСПОЧВЕННОСТЬ РЕЛИГИОЗНОЙ ВЕРЫ В «ЧУДЕСА»

Разнообразные существа, субстанции или тела, совокупность которых составляет природу, будучи сами следствиями известных сочетаний, или причин, в свою очередь становятся причинами. *Причина* — это тело или явление природы (*être*), приводящее в движение другое тело или производящее в нем какое-нибудь изменение. *Следствие* — это изменение, произведенное каким-нибудь телом в другом теле при помощи движения.

Всякая причина производит следствие, не может быть следствия без причины...

Необходимость есть постоянная и ненарушимая связь причин с их следствиями. Огонь необходимо зажигает горючие вещества, попадающие в сферу его действия. Человек необходимо желает того, что полезно или кажется полезным его благополучию. Природа во всех своих явлениях с необходимостью действует согласно свойственной ей сущности. Все содержащиеся в ней тела необходимо действуют согласно их особым сущностям. Именно движение связывает целое с его частями, а части — с целым. Таким образом, все связано во вселенной: последняя есть лишь необъятная цепь причин и следствий, непрерывно вытекающих друг из друга.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 68, 99.

...В природе могут быть лишь естественные причины и следствия. Все возникающие в ней движения следуют постоянным и необходимым законам. Законы естественных явлений, которые мы в состоянии познать и о которых можем составить себе суждение, достаточны для открытия законов, ускользающих от нашего наблюдения. Во всяком случае, о последних можно судить по аналогии с первыми, и если мы станем внимательно изучать природу, то раскры-

ваемые ею процессы научат нас не приходить в замешательство и перед теми процессами, которые она скрывает от нас. Наиболее удаленные от своих следствий причины, несомненно, действуют через посредство промежуточных причин, и с помощью последних мы можем иногда добраться до первых. Если в цепи причин встречаются некоторые препятствия, мешающие нашим исследованиям, мы должны стараться их преодолеть. Если же это нам не удастся, мы ни в коем случае не имеем права заключать, будто эта цепь обрывается и действие вступает *сверхъестественная* причина. Удовольствуемся признанием, что природа обладает неизвестными нам средствами, и не будем заменять ускользающие от нас причины призраками, фикциями или лишенными смысла словами. В противном случае мы лишь утвердимся в своем незнании и прекратим изыскания, чтобы упрямо коснеть в заблуждениях... При недостаточности наших чувств, часто ничего не сообщающих нам о причинах и следствиях, которые мы особенно ревностно разыскиваем или которые нас особенно интересуют, мы прибегаем к помощи воображения. Но последнее, будучи волнуемо страхом, становится для нас ненадежным вожатым и создает мнимые и фантастические причины, якобы порождающие беспокоящие нас явления. Этой особенностью человеческого мышления объясняются... все религиозные заблуждения людей. Отчаявшись познать естественные причины тревожащих их явлений, свидетелями, а нередко и жертвами которых они являются, люди выдумали мнимые причины, ставшие для них источником всяческих безумств.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 93—94.

Если какое-нибудь явление превышает, по нашему мнению, силы человека, то мы тотчас же говорим: это *дело божие*; наше тщеславие не может удовольствоваться меньшим. Не лучше ли было бы, если бы мы вкладывали в свои рассуждения несколько меньше гордости и несколько больше философии? Если природа представляет нам какую-нибудь загадку, какой-нибудь трудно распутываемый узел, то оставим его таким, каков он есть, и не будем стараться разорубить его рукой существа, ибо от этого получится для нас новый узел, еще труднее распутываемый, чем первый.

Д. Дидро. Письмо о слепых в назидание зрячим. Избранные философские произведения. М., 1941, стр. 57.

Зрелище необходимых, периодических и правильных движений, происходящих во вселенной, породило в умах людей представление о порядке... То, что мы называем порядком в природе, есть строго необходимый способ бытия последней или столь же необходимое расположение ее частей. При всяком соединении причин, следствий, сил или миров, отличном от того, которое мы наблюдаем; при всяком ином сочетании веществ, если допустить такую возможность, все-таки с необходимостью установилось бы какое-то упорядоченное размещение существ. Предположите собранными и приведенными в действие самые разнородные и неодинаковые вещества, и в силу необходимого сцепления тел между ними образуется некоторый общий порядок. Таково истинное понятие о порядке, который можно определить как способность формировать тело таким, каково оно само по себе, и вместе с тем таким, каково оно внутри целого, частью которого является.

Таким образом, повторяю, порядок не что иное, как необходимость, рассматриваемая по отношению к последовательному ряду действий, или связанная цепь причин и следствий, порождаемая во вселенной необходимостью.

...Этот порядок, которым мы восхищаемся как чем-то сверхъестественным, иногда нарушается или превращается в беспорядок. Но беспорядок этот всегда есть лишь следствие законов природы, для которой необходимо, чтобы обычное движение некоторых ее частей было нарушено в целях сохранения целого. Так, например, нашему пораженному взору неожиданно являются кометы. Их своеобразное движение нарушает спокойствие нашей солнечной системы. Они вызывают страх у невежественной толпы, видящей во всем чудеса. Сами физики строят догадки, что эти кометы некогда разрушили поверхность земного шара, вызвав на Земле величайшие катастрофы. Но, независимо от такого рода экстраординарных беспорядков, мы наблюдаем беспорядки и более обычного типа: то как будто нарушается чередование времен года; то стихии вступают между собой в столкновение, оспаривая друг у друга господство над миром; то море выступает из своих берегов; то сотрясается твердая земля; то горы извергают пламя; то заразные болезни уничтожают людей и животных; то поля поражаются засухой. Во всех этих случаях испуганные смертные с громкими воплями взывают к порядку и поднимают свои дрожащие руки к существу, которое они считают творцом его. Между тем эти прискорбные беспорядки являются не-

обходимыми следствиями естественных причин, действующих по неизменным законам, определяемым их собственными сущностями и всеобъемлющей сущностью природы, в которой все должно изменяться, двигаться, разлагаться, а то, что мы называем *порядком*, должно иногда нарушаться и принимать новую форму бытия, являющуюся для нас беспорядком.

...Мы находим *порядок* во всем том, что сообразно с нашим существом, и *беспорядок* во всем том, что противостоит ему. Однако в природе, все части которой никогда не могут отклониться от определенных и необходимых правил, вытекающих из полученной ими сущности, все находится в порядке.

...В природе не может быть ни чудовищ, ни чудесных явлений, ни чудес. Так называемые чудовища представляют собой сочетания, к которым не привыкли наши глаза и которые тем не менее являются необходимыми следствиями определенных причин. Так называемые *чудесные, сверхъестественные* явления представляют собой явления, принципов и способов действия которых мы в своем неведении не знаем. Не зная истинных причин таких явлений, мы безрассудно приписываем их воображаемым причинам, которые, подобно идее порядка, существуют лишь в нас самих, между тем как мы помещаем их вне природы, за пределами которой ничто не может существовать.

Что касается так называемых *чудес*, т. е. явлений, противоречащих неизменным законам природы, то ясно, что подобные вещи невозможны, ибо ничто не может ни на минуту остановить необходимого хода вещей, не остановив и не нарушив в то же время движения всей природы. Чудеса в природе существуют лишь для тех, кто недостаточно изучил ее или не понимает, что ее законы не могут быть нарушены даже в малейшей из ее частей без того, чтобы целое не было уничтожено или по крайней мере не изменило своей сущности и способа бытия.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 103, 105, 106, 107, 108.

САМОРАЗВИТИЕ ПРИРОДЫ ОТ НИЗШИХ ФОРМ МАТЕРИИ К ВЫСШИМ. ОШИБОЧНОСТЬ ТЕОЛОГИЧЕСКИХ УТВЕРЖДЕНИЙ О СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ И СОТВОРЕНИИ ЧЕЛОВЕКА БОГОМ

...Многие авторы, желая доказать существование божественного разума, списывали целые трактаты по *анатомии* и *ботанике*, доказывающие только то, что в природе существуют элементы, способные соединяться друг с другом и сочетаться так, чтобы образовывать единства, или совокупности, которые могут производить определенные действия. Поэтому эти сочинения при всей своей эрудиции показывают только, что в природе существуют различно организованные и известным образом устроенные существа, которые способны производить те или иные действия и которые не существовали бы в своем теперешнем виде, если бы их части перестали действовать так, как они это делают, т. е. оказывая друг другу взаимную помощь. Удивляться тому, что *мозг, сердце, глаза, артерии и вены* какого-нибудь животного действуют так, как они это делают, корни растения извлекают из земли соки, а дерево дает плоды,— значит удивляться тому, что животное, растение или дерево существуют. Эти существа не существовали бы или не были бы тем, чем являются, если бы перестали действовать так, как они это делают, что и происходит с ними, когда они умирают. Если бы их форма и сочетания, их способ действовать и сохраняться живыми в течение некоторого времени являлись доказательством того, что они порождены какой-то разумной причиной, то их разрушение, полное прекращение их способа действовать, их смерть должны были аналогичным образом доказывать, что они порождены силой, лишенной разума и определенного плана действия.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 475—476.

...Кто знает породы, которые сменяют ныне существующие? Все изменяется, все исчезает, только целое остается. Мир зарождается и умирает непрерывно, каждый момент

он находится в состоянии зарождения и смерти; никогда не было другого мира, никогда и не будет другого.

В этом безмерном океане материи нет ни одной молекулы, похожей на другую, ни одной молекулы, похожей на себя самое в каждый последующий момент. *Rerum novus nascitur ordo* (рождается новый порядок вещей) — вот его вечный девиз...

Д. Дидро. Сон Даламбера. Избранные атеистические произведения. М., 1956, стр. 129.

Откуда произошел человек?.. Человек представляется мне созданием природы, как и все остальные явления и вещи. Мне было бы так же трудно рассказывать, откуда произошли первые камни, первые деревья, первые львы, первые слоны, первые муравьи, первые желуды, как и объяснить происхождение человеческого рода.

Признайте же, твердят нам беспрестанно, десницу господню, десницу бесконечно разумного и всемогущего творца по тому, насколько изумительно его создание — человек. Я соглашусь с тем, что человек — явление действительно поразительное; но раз человек существует в природе, я не считаю себя вправе утверждать, что этой природе не по силам создание человека; добавлю, что строение и создание человека окажется для меня гораздо менее понятным, если мне расскажут, что он создан духом, не обладающим ни глазами, ни ногами, ни руками, ни головой, ни легкими, ни ртом, ни дыханием; что этот дух создал человека, взяв комок глины и вдунув в него жизнь.

Дикие обитатели Парагвая кажутся нам глупцами, потому что они верят, что люди спустились с луны; европейские же богословы приписывают свое происхождение духу. Намного ли они умнее парагвайских дикарей?

Человек разумен; отсюда делается вывод, что он может быть лишь созданием разумного существа, а не природы, лишенной разума. Хотя и нет зрелища более редкостного, чем человек, пользующийся разумом, которым он так гордится, я все же согласен с тем, что человек разумен, что его потребности порождают в нем это свойство, а общество других людей способствует его развитию. Но ни в человеке, ни в разуме, которым он обладает, я не вижу сколько-нибудь явного проявления бесконечного разума творца, которому приписывается создание этой машины; я вижу, что эта великолепная человеческая машина подвержена порче;

я вижу, что ее поразительный разум часто меркнет, а то и вовсе угасает; я заключаю, что человеческий разум зависит от известного устройства материальных органов тела; из того, что человек — существо разумное, нет никаких оснований заключать, что бог должен быть разумным, так же как нельзя заключать о материальности бога на основании того, что человек — существо материальное. Разум человека не может служить доказательством божественного разума...

П. Гольбах. Письма к Евгении.
«Письма к Евгении. Здравый смысл».
М., 1956, стр. 270—271.

Человек занимает определенное место среди той массы тел и существ, совокупность которых образует природу. Сущность человека, т. е. отличающий его способ бытия, делает его способным к различным способам действия или движениям, одни из которых просты и видимы, а другие сложны и скрыты. Человеческая жизнь представляет собой лишь длинную цепь необходимых и взаимосвязанных движений, источником которых являются либо причины, скрытые внутри самого человека, как кровь, нервы, волокна, мышцы, кости — словом, твердые и жидкие вещества, входящие в состав его тела, либо внешние причины, которые, действуя на человека различным образом, модифицируют его, как окружающий его воздух, пища, которой он питается, и вообще все предметы, непосредственно действующие на его чувства и, следовательно, производящие в нем непрерывные изменения...

Человек вначале представляет собой лишь незаметную точку, части которой бесформенны, движения и жизнь которой ускользают от нашего взора, — одним словом, нечто такое, в чем мы не замечаем никаких признаков качеств, называемых нами *чувством, разумом, мыслью, силой, рассудком* и т. д. Эта точка, помещенная в соответствующем вместилище, развивается, расширяется, растет благодаря непрерывному присоединению притягиваемых ею родственных ее существу веществ, которые сочетаются и ассимилируются с ней. Выйдя из этого вместилища, способного в течение некоторого времени сохранять, развивать, укреплять слабые зачатки его организации, человек вырастает и становится затем взрослым; его тело принимает значительные размеры, движения становятся заметными, все части его тела приобретают чувствительность, и он превращается в живую и действующую массу, которая чувствует, мыслит и

выполняет функции, свойственные существам человеческого рода. Эта масса приобретает описанные нами способности лишь потому, что постепенно растет, питается, восстанавливает себя, непрерывно притягивая к себе вещества, которые мы считаем инертными, бесчувственными, неодушевленными, и соединяясь с ними. Между тем именно эти вещества образуют деятельное целое, которое живет, чувствует, рассуждает, размышляет, желает, обдумывает, выбирает и может более или менее успешно обеспечивать самосохранение, т. е. поддержание гармонии в собственном существовании... Во всех явлениях человеческой жизни, от рождения до смерти, мы видим лишь цепь необходимых причин и следствий, сообразных с законами, общими всем существам природы. Все способы действия, чувства, идеи, страсти, желания и поступки человека есть необходимые следствия его собственных свойств и свойств влияющих на него существ.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 116, 117, 118.

Опыт показывает нам, что в нас самих, равно как и в действующих на нас объектах, имеется только наделенная различными свойствами материя, различно сочетающаяся, видоизменяющаяся и действующая согласно своим свойствам. Одним словом, человек есть организованное целое, составленное из различных веществ; подобно другим творениям природы, он следует всеобщим и известным законам, а также свойственным лишь ему и еще неизвестным законам или способам действия.

Таким образом, если нас спросят, что такое человек, то мы ответим, что это — материальное существо, организованное так, чтобы чувствовать, мыслить и испытывать видоизменения, свойственные лишь ему одному, его организации и особым сочетаниям собранных в нем веществ.

...Если нас заставят мысленно обратиться к началу вещей и колыбели человеческого рода, мы скажем, что человек, вероятно, появился в результате выхода земного шара из состояния хаоса и представляет собой один из необходимых результатов тех качеств, свойств, энергии, которые присущи Земле в ее настоящем положении; что с самого начала человеческий род разделился на два пола: мужской и женский; что его существование находилось и находится в соответствии с существованием земного шара; что, пока

будет существовать это соответствие, человечество сохранится, размножаясь согласно первоначальным, вызвавшим его к жизни законам; и наконец, что если бы это соответствие прекратилось, если бы Земля, сместившись, перестала испытывать влияния со стороны воздействующих на нее и сообщающих ей энергию причин, которые она испытывает теперь, то человеческий род изменился бы и уступил место новым существам, способным приспособливаться к новому состоянию земного шара.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 123, 127.

Все существа взаимно скрещиваются, следовательно, и все виды их... И все находится в состоянии непрерывного изменения. Всякое животное — более или менее человек; всякий минерал — более или менее растение, всякое растение — более или менее животное.

Д. Дидро. Сон Даламбера. Избранные атеистические произведения. М., 1956, стр. 134.

Истинные философы согласятся со мной, что переход от животных к человеку не очень резок. Чем, в самом деле, был человек до изобретения слова и знания языков? Животным особого вида, у которого было меньше природного инстинкта, чем у других животных, царем которых он себя тогда не считал; он отличался от обезьяны и других животных тем, чем обезьяна отличается и в настоящее время, т. е. выражением лица, в котором проявляется больше ума... Он замечал только формы и цвета, не умея проводить между ними никаких различий; во всех возрастах сохраняя черты ребенка, он выражал свои ощущения и потребности так, как это делает проголодавшаяся или соскучившаяся от покоя собака, которая просит есть или гулять.

Слова, языки, законы, науки и искусства появились только постепенно; только с их помощью отшлифовался необделанный алмаз нашего ума... Все достигалось при помощи знаков; каждый вид научался тому, чему мог научиться.

Ж. Ламеттри. Человек-машина. Избранные сочинения. М.—Л., 1925, стр. 193—194.

СОЗНАНИЕ КАК СВОЙСТВО ВЫСОКООРГАНИЗОВАННОЙ МАТЕРИИ. НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ СОЗНАНИЯ И УЧЕНИЯ О БЕССМЕРТИИ ДУШИ

Все философские системы, рассматривающие человеческую душу, могут быть сведены к двум основным: первая, более древнего происхождения, есть система материализма, вторая — система спиритуализма.

Ж. Ламеттри. Человек-машина. Избранные сочинения. М.—Л., 1925, стр. 179.

Ни Аристотель, ни Платон, ни Декарт, ни Мальбранш не объяснят вам, что такое ваша душа... Душу, освобожденную при помощи абстракции от тела, столь же невозможно себе представить, как и материю, не имеющую никакой формы. Душа и тело были созданы одновременно, словно одним взмахом кисти.

Такого рода рассуждение логически приводит к мысли, что нет более надежных руководителей, чем наши чувства. Они являются моими философами. Сколько бы плохого о них ни говорили, одни только они могут просветить разум в поисках истины; именно к ним приходится всегда восходить, если всерьез стремиться ее познать.

Итак, рассмотрим добросовестно и беспристрастно, что могут открыть нам наши чувства в отношении материи, сущности тел, в особенности организованных, но будем видеть только то, что есть в действительности, и не будем прибегать к вымыслам.

Ж. Ламеттри. Трактат о душе. Избранные сочинения. М.—Л., 1925, стр. 45.

Вот почему оказались тщетными все исследования а priori самых крупных философов, желавших, так сказать, воспарить на крыльях разума. Поэтому только путем исследования а posteriori, т. е. пытаюсь найти душу как бы внутри органов тела, можно — не скажу открыть с полной несом-

ненностью самую природу человека,— но достигнуть в этой области максимальной степени вероятности.

...Возьмем в руки посох опыта и оставим в покое историю всех бесплодных исканий философов. Быть слепым и все же думать, что можно обойтись без этого посоха,— значит обнаружить верх ослепления. Прав один наш современник, говоря, что только тщеславие не умеет извлекать такой же пользы из второстепенных причин, как и из первичных. Можно и даже должно восхищаться самыми бесполезными трудами великих гениев: всеми этими Декартами, Мальбраншами, Лейбницами и Вольфами; но я спрашиваю вас, каковы плоды их глубоких размышлений и всех их трудов?

...Нами должны руководить только опыт и наблюдение. Они имеются в бесчисленном количестве в дневниках врачей, бывших в то же время философами, но их нет у философов, которые не были врачами. Первые прошли по лабиринту человека, осветив его; только они одни сняли покровы с пружин, спрятанных под оболочкой, скрывающей от наших глаз столько чудес; только они, спокойно созерцая нашу душу, тысячу раз наблюдали ее как в ее низменных проявлениях, так и в ее величии, не презирая ее в первом из этих состояний и не преклоняясь перед ней во втором. Повторяю, вот единственные ученые, которые имеют здесь право голоса. Что могут сказать другие, в особенности богословы? Разве не смешно слышать, как они без всякого стыда решают вопросы, о которых ничего не знают и от которых, напротив, совершенно отделились благодаря изучению всяких темных наук, приведших их к тысяче предрассудков, или, попросту говоря, к фанатизму, который делает их еще большими невеждами в области понимания механизма тел.

Во время болезни душа то потухает, не обнаруживая никаких признаков жизни; то словно удваивается: так велико охватывающее ее иступление; то помрачение ума рассеивается, и выздоровление снова превращает глупца в разумного человека. Порой самый блестящий гений становится безумным, перестает сознавать самого себя; и тогда прощайте, богатства знания, приобретенные с такими затратами и трудом!

Вот паралитик, спрашивающий, на кровати ли его нога; вот солдат, воображающий, что обладает рукой, которую у него отрезали. Воспоминание о своих прежних ощущениях и о месте, с которыми привыкла соединять последние его душа, порождают у него иллюзию и особого рода безумие.

Достаточно заговорить с ним об отсутствующей у него части тела, чтобы напомнить ему о ней и заставить почувствовать все ее движения; и при этом воображение испытывает настоящее страдание.

Один, как ребенок, плачет при приближении смерти, над которой другой подшучивает. Что нужно было, чтобы превратить бесстрашие Кая Юлия, Сенеки или Петрония в малодушие или трусость? Всего только расстройство селезенки или печени или засорение воротной вены. А почему? Потому, что воображение засоряется вместе с нашими внутренними органами, от чего и происходят все эти своеобразные явления истерических и ипохондрических заболеваний.

Различные состояния души всегда соответствуют аналогичным состояниям тела.

Но если все способности души настолько зависят от устройства мозга и всего тела, что, в сущности, они представляют собой не что иное, как результат этого устройства, то человека можно считать весьма просвещенной машиной!..

...Душа — это лишенный содержания термин, за которым не кроется никакого определенного представления и которым ум может пользоваться лишь для обозначения той части нашего организма, которая мыслит. При наличии простейшего принципа движения одушевленные тела должны обладать всем, что им необходимо для того, чтобы двигаться, чувствовать, мыслить, раскаиваться, — словом, проявлять себя как в области физической, так и в зависящей от нее моральной.

Пусть только признают вместе со мной, что организованная материя наделена принципом движения, который один только и отличает ее от неорганизованной (а разве можно опровергнуть это бесспорное наблюдение?), и что все различия животных, как это я уже достаточно доказал, зависят от разнообразия их организации, — и этого будет достаточно для разрешения проблемы субстанций и человека. Очевидно, во вселенной существует всего одна только субстанция, и человек является самым совершенным ее проявлением. Он относится к обезьяне и к другим умственно развитым животным, как планетные часы Гюйгенса к часам императора Юлиана. Если для отметки движения планет понадобилось больше инструментов, колес и пружин,

жин, чем для отметки или указания времени на часах, если Вокансону потребовалось больше искусства для создания своего *флейтиста*, чем для своей *утки*, то его потребовалось бы еще больше для создания *говорящей машины*; теперь уже нельзя более считать эту идею невыполнимой, в особенности для рук какого-нибудь нового Прометея. В силу той же причины природы понадобилось больше искусства и техники для создания и поддержания машины, которая в течение целой жизни способна отмечать все биения сердца и ума, так как если пульс и не определяет с точностью часов, он во всяком случае является барометром для измерения теплоты и живости тела, по которым можно судить о природе души. Я не ошибусь, утверждая, что человеческое тело представляет собой часовой механизм, но огромных размеров и построенный с таким искусством и изощренностью, что если остановится колесо, при помощи которого в нем отмечаются секунды, то колесо, обозначающее минуты, будет продолжать вращаться и идти как ни в чем не бывало, а также, что колесо, обозначающее четверти часа, и другие колеса будут продолжать двигаться, когда, в свою очередь, остальные колеса, будучи в силу какой бы то ни было причины повреждены или засорены, прервут свое движение. Таким же точно образом засорения нескольких сосудов недостаточно для того, чтобы уничтожить или прекратить действие рычага всех движений, находящегося в сердце, которое является рабочей частью человеческой машины; напротив, жидкость, объем которой уменьшился, вследствие сокращения своего пути пробегает его тем быстрее, уносимая как бы новым течением, и сердечная деятельность увеличивается благодаря сопротивлению, которое оно встречает в оконечностях сосудов. Если зрительный нерв, будучи сдавлен, перестает пропускать отражение предметов, то потеря зрения несколько не мешает действию слуха и, наоборот, потеря этого последнего чувства, при прекращении функций «мягкой части» уха, не вызывает потери зрения. То же самое происходит и тогда, когда один человек понимает то, что говорят, не будучи в состоянии сам говорить (если это происходит не непосредственно после удара), тогда как другой, который ничего не понимает, но у которого язычные нервы в мозгу свободно действуют, машинально говорит всякий вздор, приходящий ему в голову. Все эти явления несколько не поражают образованных врачей. Они знают, что им предпринимать, имея дело с природой человека; скажу мимоходом, что из двух врачей лучшим и заслуживаю-

щим наибольшего доверия всегда будет, по моему мнению, тот, кто больше опирается на физику или механику человеческого тела и, предоставляя невеждам вопрос о душе и беспокойство, вызываемое этой химерой, серьезно занимается только чистым естествознанием.

Быть машиной, чувствовать, мыслить, уметь отличать добро от зла так же, как голубое от желтого, словом, родиться с разумом и устойчивым моральным инстинктом и быть только животным,— в этом заключается не больше противоречия, чем в том, что можно быть обезьяной или попугаем и уметь предаваться наслаждениям... Я считаю мысль столь мало противоречащей понятию организованной материи, что она мне представляется основным ее свойством, подобным электричеству, способности к движению, непроницаемости, протяженности и т. п.

Итак, мы должны сделать смелый вывод, что человек является машиной и что во всей вселенной существует только одна субстанция, различным образом видоизменяющаяся. И это вовсе не гипотеза, основанная на предубеждениях и предположениях, не продукт предрассудка или одного только моего разума. Я отверг бы подобного руководителя, которого считаю малонадежным, если бы мои чувства, вооруженные, так сказать, факелом истины, не побудили меня следовать за разумом, освещая ему путь. Но опыт высказался в пользу моего разума, и я соединяю их воедино.

Вы могли убедиться в том, что я делаю самые решительные и логические выводы только в результате множества физических наблюдений, которых не будет оспаривать ни один ученый: только за ученым я признаю право на суждение о тех выводах, которые я делаю из этих наблюдений, отвергая свидетельство всякого человека с предрассудками, не знающего ни анатомии, ни той единственной философии, которая в данном случае имеет значение, а именно философии человеческого тела. Какое значение могут иметь против столь прочного и крепкого дуба слабые тростники богословия, метафизики и различных философских школ? Это детские игрушки, подобные рапирам наших гимнастических зал, с помощью которых можно доставить себе удовольствие, но ни в каком случае не одолеть противника. Надо ли прибавлять, что я имею здесь в виду пустые и пошлые идеи, избитые и жалкие доводы, которые будут приводить относительно мнимой несовместимости двух субстанций, беспре-

станно соприкасающихся и воздействующих друг на друга,—идеи, которые будут существовать, пока на земле останется хотя бы тень предрассудка или суеверия?

Ж. Ламеттри. Человек-машина. Избранные сочинения. М.—Л., 1925, стр. 181—183, 189, 213, 223—225, 226, 231—232.

Мы сознаем начало разума или души таким же образом, как мы сознаем свое существование, существование своей ноги, своей руки, существование холода, тепла, страдания, удовольствия. Отвлекитесь только от всех телесных ощущений, и души больше не будет.

Душа весела, печальна, сердита, нежна, лицемерна, сладострастна. Она ничто без тела. Я утверждаю, что ничего нельзя объяснить без тела.

Пусть попытаются объяснить, как страсти входят в душу без телесных движений; я требую, чтобы объяснили это, не начиная с этих телесных движений.

Глупость тех, которые начинают с души и спускаются к телу. В человеке ничто не происходит таким образом...

У всех людей постоянно наблюдаются явления связи души с телом. Как это было бы возможно, если бы душа и тело были двумя разнородными субстанциями?

Д. Дидро. Элементы физиологии. Собрание сочинений, т. II. М.—Л., 1935, стр. 480.

Источником заблуждений, в которые впал человек, изучая самого себя, является, как мы вскоре покажем, его убеждение, будто он самостоятельно совершает различные действия, всегда действует в силу собственной энергии и в своих поступках и желаниях, являющихся их мотивами, независим от общих законов природы и от предметов, которые природа заставляет — часто без его ведома и всегда вопреки ему — действовать на него.

Существа человеческого рода, как и все прочие существа, способны к двоякого рода движениям: одни из них массовые, и при их осуществлении тело в целом или некоторые его части видимым образом меняют местоположение, другие — внутренние, скрытые, из которых некоторые воспринимаются нами, между тем как другие происходят без нашего ведома и дают знать о себе лишь посредством про-

изводимых ими внешних действий. В очень сложной машине, созданной путем сочетания огромного количества веществ, отличающихся разнообразием свойств, пропорций, способов действия, движения по необходимости становятся очень сложными, а потому их медленность или быстрота часто делают их недоступными наблюдениям того, в ком они совершаются.

Поэтому не будем поражаться, что человек встретил столько препятствий, когда захотел познать свое существо и свой способ действия, и что он придумал такие странные гипотезы для объяснения скрытого механизма своего тела, действующего, как ему казалось, столь отличным от способа движения других тел природы способом. Человек ясно видел, что его тело и различные части последнего действуют известным образом, но часто не мог усмотреть, что побуждает их к действию. Поэтому он пришел к убеждению, что имеет внутри себя какой-то отличный от своей телесной машины движущий принцип, который скрытым образом дает импульс пружинам этой машины, движется в силу собственной энергии и действует согласно законам, совершенно отличным от законов, управляющих движениями всех других тел и существ. Человек сознавал, что в нем существуют некоторые внутренние движения, которые время от времени дают себя чувствовать. Но как мог он объяснить то, что эти невидимые движения часто могут произвести самые поразительные действия? Чем мог он объяснить то, что какая-нибудь случайно мелькнувшая идея, какой-нибудь незаметный акт мысли часто могут потрясти его и внести беспорядок во все его существо? Одним словом, человек вообразил, что в нем имеется некая отличная от него самого и одаренная тайной силой субстанция, и приписал ей свойства, совершенно отличные от свойств действующих на его органы видимых причин и от свойств самих этих органов.

Отсюда последовательно возникли понятия *духовности*, *имматериальности*, *бессмертия* и все неопределенные слова, мало-помалу придуманные мастерами умозрительных тонкостей для обозначения атрибутов неизвестной субстанции, которую человек, как ему казалось, заключает в самом себе в качестве скрытого источника своих видимых движений. Венцом всех рискованных гипотез насчет этой движущей силы явилось предположение, что она, в отличие от всех других существ и служащего ей оболочкой тела, не подвергается распаду, что ее совершенная простота не дает ей разложиться или изменить свою форму, — одним словом, что по

своей сущности она недоступна тем переменам, которым подвержено человеческое тело, равно как и все сложные существа природы.

Так человек удвоился. Он стал рассматривать себя как некоторое целое, получившееся путем какого-то непостижимого соединения двух различных сущностей, не имеющих между собой ничего общего. Он различил в себе две субстанции: одна из них, явно подверженная влияниям грубых предметов и составленная из грубых инертных веществ, была названа *телом*; другую признали простой, более чистой по своей сущности, действующей самостоятельно и сообщающей движения телу, с которым она чудесным образом соединена; ее называли *душой*, или *духом*. Функции первой были названы *физическими*, *телесными*, *материальными*; функции последней — *духовными* и *интеллектуальными*. Человек, рассматриваемый как носитель телесных функций, был назван *физическим человеком*, а рассматриваемый как носитель духовных функций — *человеком духовным*.

Эти различия, принятые в настоящее время большинством философов, опираются на совершенно неосновательные предположения. Люди всегда верили, будто они избавляются от своего незнания, придумывая слова, с которыми невозможно связать никакого подлинного смысла.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 118, 120—122.

Предположив без всяких оснований наличие двух разных субстанций в человеке, мыслители, как мы уже видели, стали утверждать, будто субстанция, невидимо действующая внутри человека, существенно отлична от той, которая действует вне его; первая из этих субстанций, как мы отмечали, была названа *духом*, или *душой*. Но если мы спросим, какова сущность этого духа, то современные мыслители ответят нам, что результат всех их метафизических изысканий ограничивается следующим: человека заставляет действовать субстанция неизвестной природы, столь простая, неделимая, лишенная протяженности, невидимая, неуловимая чувствами, что ее части не могут быть отделены от нее даже с помощью абстракции, или мысленно. Как постигнуть подобную субстанцию, являющуюся отрицанием всего, что мы знаем? Как составить себе представление о субстанции, лишенной протяжения и тем не менее действующей на наши чувства, т. е. на материальные, протяженные

органы? Как может быть подвижным и приводить в движение материю непротяженное существо? Как может последовательно соответствовать различным частям пространства лишенная частей субстанция?

В самом деле, движение, как согласится всякий, есть последовательное изменение отношений какого-нибудь тела к различным точкам пространства или другим телам. Если существо, именуемое *духом*, может получать или сообщать движение, если оно действует и приводит в движение органы тела, то это существо должно последовательно изменять свои отношения, свое устремление, свое соответствие, положение своих частей по отношению к различным точкам пространства или различным органам приводимого им в движение тела. Но для того чтобы изменять свои отношения к пространству и к приводимым им в движение органам, этот *дух* должен обладать протяжением, твердостью и, следовательно, различными частями; если же субстанция обладает такими качествами, она является тем, что мы называем *материей*, и не может считаться простым существом, как его понимают современные философы.

По образцу человеческой души выдумали универсальный *дух*, по образцу конечного разума — бесконечный разум. Потом воспользовались этим бесконечным разумом, чтобы объяснить связь человеческой души с телом. При этом не заметили порочного круга и не учли, что *дух* или *разум*, предполагаемые конечными или бесконечными, все равно не в состоянии привести в движение материю.

Из души сделали какое-то непонятное существо, причем, чтобы составить себе хоть какое-то представление о нем, пришлось все же прибегнуть к материальным существам и их способу действия. Действительно, слово *дух* содержит в себе просто идею дуновения, дыхания, ветра. Поэтому, когда нам говорят, что *душа* есть *дух*, это означает, что ее способ действия похож на способ действия дыхания, которое, будучи само невидимым, производит видимые действия, или действует видимым образом. Но дыхание есть материальная причина, это измененный воздух, это вовсе не простая субстанция вроде той, которую современные мыслители обозначают словом *дух*.

Хотя употребляемое людьми слово *дух* очень древнего происхождения, но связываемый с ним смысл нов и общепринятая теперь идея духовности — совсем недавний плод

воображения. Действительно, ни Пифагор, ни Платон при всей разгоряченности их мозга и при всей их склонности к чудесному никогда, кажется, не понимали под *духом* нематериальную, или лишенную протяжения, субстанцию, подобную той, из которой современные философы сделали человеческую душу и скрытый двигатель вселенной. В древности словом *дух* обозначали очень тонкое вещество, более чистое, чем то, которое грубо действует на наши чувства. Поэтому одни считали душу воздушной субстанцией, другие делали из нее огненное вещество, третьи сравнивали ее со светом. Демокрит сводил ее к движению и, следовательно, видел в ней некий модус. Аристоксен, будучи музыкантом, считал ее гармонией. Аристотель рассматривал душу как некую движущую силу, от которой зависят движения живых тел.

Точно так же первые учителя христианства считали душу материальной: Тертуллиан, Арнобий, Климент Александрийский, Ориген, Юстин, Ириней и т. д. говорили о ней как о телесной субстанции. Лишь их преемники значительно позже сделали из человеческой души и из божества, или души мира, *чистых духов*, т. е. нематериальные субстанции, о которых невозможно составить себе сколько-нибудь отчетливое представление. Мало-помалу невразумительный догмат о духовности, без сомнения соответствующий видам теологии, имеющей целью сокрушение разума, взял верх над всеми прочими взглядами. Этот догмат сочли божественным и сверхъестественным, так как он был непонятен человеку, и всех тех, кто осмеливался думать, что душа или божество могут быть материальными, стали рассматривать как безрассудных безумцев. Когда люди отказываются руководствоваться опытом и отрекаются от разума, разгул их воображения растет с каждым днем; они с радостью углубляются в пучину заблуждения; они поздравляют себя со своими мнимыми открытиями и успехами, в то время как в действительности все больший мрак окутывает их мысль. Так путем рассуждений, основанных на ложных принципах, идеи души, или движущего начала человека, а также скрытого двигателя природы стали идеями чистых духов, чистыми химерами, чистыми выдумками ума.

Система спиритуализма в том виде, как она принята теперь, обязана всеми мнимыми доказательствами своей истинности Декарту. Хотя и до него душу признавали духовной, он первый установил, что *субъект мысли должен быть*

отличным от материи. Отсюда он заключил, что наша душа, или то, что в нас мыслит, есть дух, т. е. простая неделимая субстанция. Но не естественней ли было бы умозаключить, что так как человек, который есть материя и имеет идеи лишь о материи, обладает способностью мыслить, то материя может мыслить, или способна к той специфической модификации, которую мы называем мыслью?

Чем обширнее станет наш опыт, тем больше случаев будем мы иметь, чтобы убедиться в том, что слово *дух* не имеет никакого смысла даже для тех, кто его придумал, и не может пригодиться нигде — ни в физике, ни в морали. То, что современные метафизики понимают под этим словом, в действительности представляет собой какую-то *скрытую* силу, придуманную для объяснения скрытых качеств и действий, но не объясняющую ничего. Дикие народы допускают существование духов, чтобы объяснить явления, причин которых они не знают или которые кажутся им чудесными. Но разве, приписывая *духам* происходящие в природе или человеческом теле явления, мы рассуждаем иначе, чем дикари? Люди наполнили природу *духами*, так как они почти никогда не знали истинных причин явлений. Не зная сил природы, решили, что она одушевлена каким-то *великим духом*. Аналогичным образом, не зная свойственной человеческому организму энергии, его сочли одушевленным каким-то *духом*. Отсюда ясно, что словом *дух* обозначают лишь неизвестную причину явления, которое не умеют объяснить естественным образом.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 130—131, 133, 135—137, 140—141.

Поэтому, если мы хотим составить себе ясное представление о нашей душе, подвергнем ее опыту, откажемся от своих предрассудков, отбросим все догадки теологов, разорвем священные покрывала, предназначенные для того, чтобы затуманить наш взор и помрачить наш разум. Пусть физики, анатомы, врачи объединят свои опыты и наблюдения и покажут нам, что следует думать о субстанции, которую хотели сделать непознаваемой.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 138.

Пренебрегая указаниями опыта и разума, люди пришли к каким-то туманным представлениям о скрытом принципе своих движений. Но если мы освободимся от ига предрассудков и станем без предубеждения изучать нашу душу, или действующий в нас двигатель, то убедимся, что эта душа составляет часть нашего тела и ее можно отличить от него лишь в абстракции, что она есть то же тело, только рассматриваемое в отношении некоторых функций, или способностей, которыми наделила человека особенная природа его организации. Мы увидим, что эта душа вынуждена претерпевать такие же изменения, как и тело, что она рождается и развивается вместе с последним, проходит подобно ему, через состояние детства, слабости, неопытности, растет и крепнет по мере его роста, становясь способной исполнять известные функции, проявлять разум, в большей или меньшей степени обнаруживать рассудительность, ум, активность. Подобно телу, душа подвержена влияниям внешних причин; она наслаждается и страдает вместе с ним, разделяет его удовольствия и муки; она здорова, когда тело здорово, и больна, когда тело болеет; как и тело, она испытывает непрерывные воздействия различного давления воздуха, времен года, поступающей в желудок пищи. Наконец, мы не можем не признать, что в известное время душа обнаруживает явные признаки притупления чувствительности, одряхления и смерти.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 134—135.

Изложенные в этом сочинении соображения ясно показывают нам, что мы должны думать о человеческой душе и ее функциях или способностях. Все убедительнейшим образом доказывает нам, что она действует и движется по тем же законам, как и другие тела и существа природы, что ее нельзя отличить от тела, что она рождается, растет и видоизменяется, развиваясь в той же последовательности, как и тело. Наконец, все должно убедить нас в том, что она погибает вместе с телом. Душа, как и тело, проходит через состояние слабости и детства; в эту пору она испытывает множество модификаций и приобретает много идей, которые получает через свои органы чувств от внешних предметов. Она накапливает факты, производит истинные или ложные опыты. Она формирует свою систему поведения, в соответствии с которой мыслит и действует определенным образом, результатом чего и является ее счастье или несчастье, ее

рассудительность или безрассудство, ее добродетели или пороки. Достигнув вместе с телом поры силы и зрелости, душа ни на минуту не перестает разделять с ним его приятных и неприятных впечатлений, его удовольствий и страданий, вследствие чего одобряет или не одобряет его состояния. Она бывает здоровой или больной, активной или пассивной, бодрствующей или дремлющей. В старости человек окончательно увядает, его нервы и волокна деревенеют, чувства притупляются, зрение и слух слабеют, мысли становятся бессвязными, память исчезает, воображение истощается. Что же становится тогда с его душой? Увы, она дряхлеет и слабеет вместе с телом, она тоже с трудом выполняет свои функции; эта субстанция, которую хотели отличить от тела, испытывает те же превратности, что и последнее.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 263—264.

Чем больше мы станем размышлять, тем больше будем убеждаться в том, что душа не только не отлична от тела, но есть само это тело, рассматриваемое по отношению к некоторым из его функций или к некоторым способам бытия и действия, на которые оно способно, пока живет. Таким образом, душа есть человек, рассматриваемый по отношению к его способности чувствовать, мыслить и действовать определенным образом, вытекающим из его собственной природы, т. е. из его свойств, его специфической организации и длительных или преходящих модификаций, испытываемых этой организацией под влиянием действующих на нее явлений.

Те, кто отличает душу от тела, по существу просто отличают находящийся в теле мозг от самого тела. Действительно, мозг есть тот общий центр, где оканчиваются и соединяются все нервы, исходящие от всех частей человеческого тела. При помощи этого внутреннего органа совершаются все операции, приписываемые душе: сообщенные нервам впечатления, изменения и движения видоизменяют мозг; реагируя под влиянием этого, мозг приводит в движение органы тела или же действует на самого себя и становится способным произвести внутри себя огромное разнообразие движений, называемых *умственными способностями*.

Из этого-то мозга некоторые мыслители хотели сделать духовную субстанцию. Ясно, что именно невежество породило

ло и укрепило эту столь противоестественную теорию. Совершенно не изучив человека, в нем предположили наличие некоего агента, отличающегося по своей природе от человеческого тела.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 139—140.

Несмотря на все эти столь убедительные доказательства материальности души или ее тождества с телом, некоторые мыслители предположили, будто душа, в отличие от тела, нетленна, будто эта часть человека пользуется особой привилегией бессмертия и освобождена от разложения и изменений форм, которые мы наблюдаем во всех телах природы. Словом, вообразили, будто душа в силу свойственного ей преимущества не умирает. Ее бессмертие казалось особенно бесспорным тем, кто признавал ее духовной; сделав из нее простое, непротяженное, лишенное частей существо, совершенно отличное от всего того, что мы знаем, эти мыслители утверждали, будто душа не подчинена законам, которые господствуют над всеми телами и существами, находящимися, как нам показывает опыт, в процессе непрерывного разложения...

Нет ничего более общепринятого, чем догмат о бессмертии души, и ничего более распространенного, чем ожидание загробной жизни. Так как природа вдохнула во всех людей страстную любовь к жизни, то необходимым следствием этого явился желание, чтобы жизнь длилась вечно. Это желание скоро превратилось в уверенность, а внушенное природой людям стремление к вечному существованию сделали аргументом в пользу того, что человек никогда не перестанет существовать. *Наша душа*, говорит Аббади, *не имеет бесполезных желаний, она естественным образом желает вечной жизни.* Руководствуясь какой-то странной логикой, он заключает отсюда, что это желание не может не быть удовлетворено. Как бы то ни было, настроенные таким образом люди с жадностью прислушивались к тем, кто преподносил им столь отвечающие их желаниям учения.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 264, 266.

Человек желает быть бессмертным и считал бы себя таковым, если бы гибель всех окружающих его тел не возве-

щала ему в каждое мгновение противоположную истину. Вынужденный признать эту истину, он в не меньшей степени жаждет бессмертия. Легенда о котле омоложения Эзона говорит о древности этого желания. Чтобы его увековечить, его надо было, во всяком случае, обосновать чем-нибудь правдоподобным. С этой целью признали, что душа состоит из очень тонкой материи; из нее сделали неразрушимый атом, переживающий гибель других частей организма; из нее сделали наконец первоисточник жизни.

Существо, названное душой, должно было сохранить после смерти все вкусы, которыми оно обладало во время своего соединения с телом. После того как была создана такая система взглядов, сомнения в бессмертии души были ослаблены тем обстоятельством, что ни опыт, ни наблюдение не могли противоречить этому верованию: невидимый атом не был доступен ни опыту, ни наблюдению. Правда, существование его не было доказано; но разве люди нуждаются в доказательствах, чтобы верить в то, чего они желают? И можно ли найти когда-нибудь достаточно убедительные доводы, свидетельствующие о ложности ценного для нас воззрения?

Правда, люди нигде не встречались с душами, и для объяснения этого факта, после того как ими были созданы души, они сочли необходимым создать особую страну для их местопребывания: Каждый народ и даже каждый индивид изображали ее по-особенному, в зависимости от своих вкусов и особой природы своих потребностей. Дикие народы то переносили это местопребывание в обширный, изобилующий дичью лес, по которому протекали кишевшие рыбами реки; то помещали это местожительство душ в открытой ровной местности, богатой пастбищами, среди которой, по их словам, росла земляника величиной с гору, от которой они отделяли куски для прокормления себя и своей семьи.

Народы, менее страдавшие от недостатка пищи и, кроме того, более многочисленные и более образованные, собрали: в месте пребывания душ все, что есть приятного в природе, и назвали его элизиумом. Народы, отличавшиеся жадностью, рисовали его себе по образцу сада Гесперид и заставляли там произрастать растения, на золотых стеблях которых висели алмазные плоды. Более чувственные народы заставляли здесь расти сахарные деревья и течь молочные реки; наконец, они населили его гуриями. Словом, каждый народ помещал в стране душ то, что составляло предмет его желаний на земле. Воображение, руководимое различными

потребностями и вкусами, работало повсюду одинаково и в результате не обнаружило большого разнообразия при изобретении ложных религий.

К. Гельвеций. О человеке. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 141—142.

Элементарнейшее размышление о природе нашей души должно было бы убедить нас, что мысль о ее бессмертии является простой иллюзией. Действительно, что такое наша душа, как не принцип чувствительности? Что значит мыслить, наслаждаться, страдать, как не чувствовать? Что такое жизнь, как не совокупность модификаций и движений, свойственных организованному существу? Поэтому, как только тело перестает жить, чувствительность не может больше функционировать, вследствие чего идея, а значит, и мысли более не могут возникать в мозгу. Идеи, как уже было доказано, являются к нам через посредство органов чувств; но как сможем мы, будучи лишены этих органов, иметь восприятия, ощущения, идеи?..

Действительно, как сумеют нам доказать, что душа, которая способна ощущать, мыслить, желать, действовать лишь при помощи своих органов, сможет страдать и наслаждаться или даже сознавать свое существование, когда сообщавшие ей все эти чувства органы распадутся или будут уничтожены? Разве не очевидно, что душа зависит от размещения частей тела и от порядка, в котором совместно функционируют эти части? Поэтому раз уничтожена органическая структура, то, несомненно, уничтожена и душа. Разве мы не видим в течение всей нашей жизни, что всякие изменения, испытываемые нашими органами, изменяют душу, волнуют ее, приводят в расстройство? А между тем желают, чтобы эта душа действовала, мыслила, существовала, когда эти органы совершенно исчезнут!

Организованное существо можно сравнить с часами, которые, будучи разбиты, уже не могут выполнять своего назначения. Утверждать, что душа будет ощущать, мыслить, страдать после смерти тела, все равно что утверждать, будто разбитые на тысячу кусков часы смогут продолжать звонить и отмечать время. Те, кто говорит, что наша душа может существовать, несмотря на разрушение тела, утверждают, очевидно, что модификация какого-нибудь тела может сохраниться после того, как уничтожен ее субъект, а это совершенная бессмыслица...

Пусть же перестанут говорить нам, будто догматы о бессмертии души или о загробном существовании вовсе не противоречат разуму. Эти понятия, предназначенные только для того, чтобы смущать воображение не умеющих мыслить невежд или льстить им, не могут казаться просвещенным умам ни убедительными, ни даже правдоподобными. Разум свободен от иллюзий, рожденных предрассудками, и его, без сомнения, оскорбляет допущение души, которая мыслит, огорчается или радуется, имеет идеи, не имея органов, т. е. допущение души, лишенной единственных естественных и известных нам средств, при помощи которых она может иметь восприятия, ощущения и идеи...

Смерть всегда была для тех, кто называет себя смертными, чем-то самым ужасным. Они всегда смотрели на нее как на странное явление, противное порядку вещей, чуждое природе,— одним словом, как на следствие небесного мщения и расплату за грехопадение. Хотя все доказывало им, что эта смерть неизбежна, они никогда не могли примириться с мыслью о ней. Они всегда думали о ней с трепетом, и уверенность в обладании бессмертной душой представляла для них лишь слабое возмещение горя, причиняемого гибелью этого бренного тела. Два обстоятельства способствовали усилению их тревог: первое заключалось в том, что смерть, обыкновенно сопровождаемая страданиями, лишала их существования, которое им нравилось, которое они знали, к которому они привыкли; второе состояло в незнании состояния, которое должно наступить после смерти...

Все человеческие учреждения, все наши взгляды способствуют укреплению наших страхов, делая мысль о смерти еще более ужасной и невыносимой. Действительно, суеверие рисует нам смерть в самом ужасающем виде. Оно представляет ее нам как грозное событие, которое не только кладет конец нашим удовольствиям, но и передает нас беззащитными в руки неслыханно сурового, безжалостного деспота, приговоров которого ничто не может смягчить. Согласно этому суеверному учению, самый добродетельный человек не может быть уверенным в том, что угодит этому деспоту. Человек должен трепетать перед суровостью божьего суда: ужасные, вечные муки ждут жертв прихотей бога, являясь наказанием за невольные слабости или неизбежные ошибки, вызвавшие его ярость. Этот неумолимый тиран будет мстить им за их слабости, минутные промахи, склонности, которые сам вложил в их сердце, заблуждения их ума,

взгляды, идеи, страсти, усвоенные ими в обществах, где он заставил их родиться. Прежде всего он никогда не простит им того, что они могли не знать непостижимого верховного существа или ошибаться в своих представлениях о нем, что они осмелились мыслить самостоятельно, отказались слушать вождей-фанатиков или лжецов и дерзнули обратиться за содействием к разуму, который, однако, дан им этим непостижимым существом в качестве их руководителя на жизненном пути.

Таковы те печальные предметы, которыми религия занимает мысль своих несчастных и доверчивых последователей. Таковы те страхи, которые тираны человеческой мысли называют благотворными...

Так религии удалось наводнить мир фантазерами, которых она прельщает неясными обещаниями, и жалкими рабами, удерживаемыми страхом воображаемых бедствий, которыми будет сопровождаться их кончина. Ей удалось убедить людей, что их теперешняя жизнь лишь переход к более значительной жизни. Бессмысленный догмат о загробном существовании мешает людям трудиться ради своего подлинного счастья, думать об усовершенствовании своих учреждений, законов, нравственности, наук. Пустые мечты поглотили все их внимание. Они готовы стонать под игмом религиозной и политической тирании, коснеть в заблуждении и томиться в несчастье с надеждой быть когда-нибудь более счастливыми, с твердой уверенностью, что их страдания и их тупое терпение принесут им вечное блаженство. Они считают себя подчиненными какому-то жестокому божеству, которое желает заставить их купить загробное блаженство ценой всего, что им особенно дорого на земле. Им изобразили бога как заклятого врага человеческого рода; их уверили, будто раздраженные против них небеса желают быть умиротворенными и накажут их вечными муками за попытки избавиться от страданий. Так догмат о будущей жизни оказался одним из самых роковых заблуждений человеческого рода. Этот догмат сделал народы апатичными, равнодушными и безразличными к своему счастью или же породил у них безумный фанатизм, часто толкавший их на взаиморазрушение во имя небесного блаженства...

Итак, мы видим, что суеверие не только не дает людям утешения перед лицом неизбежной смерти, но, наоборот, только усиливает их страхи представлением о бедствиях,

которые якобы последуют в загробной жизни. Эти страхи так велики, что несчастные, серьезно верящие в зловещие догматы религии, будучи последовательны, проводят свои дни в скорби и слезах. Как отнестись нам к этому губительному для общественной жизни и, однако, принятому множеством народов учению, согласно которому суровый бог может в любой момент, подобно татю, захватить их врасплох и начать производить на земле свой страшный суд? Может ли что-нибудь так утратить людей, в такой мере отнять у них мужество и желание улучшить свою судьбу, как перспектива вечного ожидания гибели мира и появления на развалинах всей природы божества, творящего суд над смертными?

Небесное царство помогло духовенству овладеть земными царствами. Ожидание будущего блаженства и страх будущих мучений лишь помешали людям думать о том, чтобы стать счастливыми здесь, на земле. С какой бы стороны ни подходить к заблуждению, оно всегда останется источником зла для человечества. Учение о загробной жизни, рисуя людям какое-то иллюзорное счастье, делает из них фантазеров; пугая их всякого рода страхами, оно делает из них бесполезных существ, трусов, желчных, раздражительных людей, которые забывают о своем земном существовании и думают лишь о каком-то фантастическом будущем и воображаемых бедствиях, ожидающих их после смерти.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 267—269, 273—274, 277, 281, 283.

Смертный, введенный в заблуждение страхом! После смерти твои глаза не будут видеть, твои уши не будут слышать! Лежа в своем гробу, ты не будешь свидетелем той сцены, которую твое воображение рисует теперь в столь мрачных красках. Ты не будешь больше принимать участия в том, что творится на свете. Ты будешь интересоваться тем, что сделают с твоими бренными останками, не больше, чем интересовался этим накануне того дня, когда ты появился среди смертных. Умереть — это значит перестать мыслить и чувствовать, наслаждаться и страдать; твои идеи погибнут с тобой, твои страдания не последуют за тобой в могилу. Думай о смерти, но не для того, чтобы питать свои страхи и меланхолию, но чтобы приучиться смотреть на нее

спокойно и оградить себя от ложных страхов, которые стараются внушить тебе враги твоего покоя...

...Таким образом, наше благополучие требует усвоить привычку без тревоги созерцать событие, неизбежность которого определяется нашей природой. В наших же собственных интересах не отравлять постоянным беспокойством жизнь, которая потеряет для нас свою прелесть, если мы будем всегда с трепетом думать о ее конце. И голос разума, и правильно понятый интерес одинаково должны вооружить нас против неопределенных страхов, внушаемых нам воображением в связи со смертью. Если мы призовем их на помощь, то они сделают привычным предмет, который пугает нас лишь потому, что мы его не знаем, или потому, что суеверие изобразило его нам в отвратительном виде и в сопровождении ужасных подробностей. Отбросим эти пустые иллюзии о смерти, и мы увидим, что она является просто сном жизни, что этот сон не будет нарушен никаким неприятным сновидением и что за ним никогда не последует тяжелого пробуждения.

Одним словом, нет ничего более полезного, чем внушить людям презрение к смерти и изгнать из их ума привитые им ложные представления о ее последствиях. Страх смерти будет всегда порождать лишь трусов, страх ее мнимых последствий будет порождать лишь фанатиков или благочестивых меланхоликов, бесполезных для самих себя и других... Если бы люди меньше боялись смерти, то они не были бы ни рабами, ни суеверами, истина нашла бы более ревностных приверженцев, права человека — более смелую поддержку, борьба с заблуждением велась бы энергичнее, а тирания была бы навсегда изгнана из среды народов: трусость питает, а страх увековечивает ее. Одним словом, люди не сумеют быть ни довольными, ни счастливыми, пока их взгляды будут заставлять их жить в постоянном трепете.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 271, 272, 308.

КРИТИКА СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКО- ТЕОЛОГИЧЕСКИХ «ДОКАЗАТЕЛЬСТВ» БЫТИЯ БОГА

Все доказательства, при помощи которых теология намеревается обосновать бытие божье, основываются на ложном принципе, будто материя не существует сама по себе, не может по своей природе двигаться и поэтому не способна произвести наблюдаемые нами в действительном мире явления. Исходя из столь ложных, ни на чем не основанных, как мы уже показали выше, предположений, теологи решили, что материя существовала не всегда и что ее существование и движение имеют своим источником какую-то отличную от нее силу, какое-то неизвестное активное начало, от которого она зависит.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 486.

Критика Платона

Платон, этот великий творец призраков, говорит, что люди, признающие лишь то, что они могут видеть и осязать, тупицы и невежды, отказывающиеся допустить реальность существования невидимых вещей. Наши теологи говорят нам то же самое; наши европейские религиозные верования явным образом пропитаны духом платоновских фантазий, являющихся продуктом темных умозрений и непонятной метафизики египетских, халдейских и ассирийских жрецов, у которых Платон заимствовал свою пресловутую философию. Действительно, если философия состоит в познании природы, то платоновское учение совершенно не заслуживает этого наименования, так как оно только удаляет человеческую мысль от реальной природы, направляя ее в сторону какого-то умопостигаемого мира, где, естественно, она сумеет найти лишь призраки. Между тем эта-то фантастическая философия и лежит в основе теологического мировоззрения. Наши теологи, находясь еще и теперь под влиянием бредней Платона, говорят своим последователям только о духе, разуме, бестелесных субстанциях, невидимых силах, ангелах, демонах, таинственных качествах, сверхъесте-

ственных явлениях, божественном озарении, врожденных идеях и т. д. Если верить им, то наши чувства совершенно бесполезны для нас, опыт никуда не годится; воображение же, восторженная мечтательность, фанатизм и чувство страха, порождаемые в нас религиозными предрассудками, представляют собой *вдохновение свыше*, божественные знамения, естественные чувства, которые мы должны предпочитать разуму, рассудительности и здравому смыслу. С детства напичкав нас подобными учениями, способными только притупить мысль и ввести в заблуждение, теологи без труда могут заставить нас признать величайшие нелепости под пышным названием *тайн* и помешать нам исследовать то, чему они учат. Как бы то ни было, мы ответим Платону и всем философам, которые, подобно ему, заставляют нас верить в то, чего мы не можем понять, что вера в существование какой-нибудь вещи предполагает обладание хоть какой-нибудь идеей о ней; что эту идею мы можем получить лишь через посредство наших чувств; что все, чего мы не познаем через посредство наших чувств, не существует для нас; что если нелепо отрицать существование того, чего не знаешь, то странно приписывать этому неизвестные качества и что бессмысленно содрогаться перед какими-то призраками или почитать пустые идола, наделенные противоречивыми качествами, которые придумало наше воображение без содействия опыта и разума.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 452—453.

Критика Декарта

Чтобы убедиться в неосновательности доводов в пользу бытия божьего, данных величайшими мыслителями, мы разберем вкратце рассуждения знаменитейших философов, начиная с Декарта, возродившего среди нас философию. Этот великий человек утверждает: «Вся сила приведенного здесь мной доказательства бытия божьего заключается в том, что я признаю невозможность того, чтобы моя природа была такой, какова она есть, т. е. чтобы я обладал идеей бога, если бы бог в действительности не существовал,— я имею в виду именно того бога, идея которого находится во мне, т. е. обладателя всех тех высоких совершенств, слабое представление о которых может иметь, не постигая их, однако,

наша мысль и т. д.». Несколько раньше он говорит: «Приходится необходимым образом заключить, что бытие божье доказывается с полной очевидностью на основании одного того, что я существую и во мне содержится идея совершеннейшего существа (т. е. бога)».

1. Мы ответим Декарту, что неправомерно заключать о существовании какой-нибудь вещи на основании обладания ее идеей: наше воображение доставляет нам идею сфинкса или гиппогрифа, но отсюда вовсе не следует, что эти вещи существуют в действительности.

2. Мы скажем Декарту, что он не может обладать положительной и истинной идеей бога, существование которого он хочет доказать подобно теологам. Ни один человек, ни одно материальное существо не в состоянии составить себе реального представления о каком-то духе, о какой-то лишенной протяженности субстанции, о каком-то бестелесном существе, действующем на телесную, материальную субстанцию,— эта истина уже была нами доказана с достаточной убедительностью.

3. Мы скажем ему, что человеку невозможно иметь положительное и реальное представление о совершенстве, бесконечности и прочих атрибутах, приписываемых обществу теологией.

...Доказательства Декарта в пользу бытия божьего совершенно неубедительны. Он делает из этого бога мысль или разум; но как представить себе разум или мысль без субъекта — носителя этих качеств? Декарт утверждает, что бога можно постигнуть лишь как некую силу, последовательно прилагающуюся к различным частям вселенной. Он говорит также, что бога можно назвать протяженным лишь в том же смысле, что и огонь, содержащийся в куске железа, не обладающий, собственно говоря, иной протяженностью, чем протяженность самого железа... Но на основании этих положений Декарту можно возразить, что он, собственно, не признает иного бога, кроме природы, а это есть чистый спинозизм. Действительно, известно, что Спиноза построил на принципах Декарта свою неизбежно вытекающую из них систему.

Декарта не без основания обвиняли в атеизме, так как он сам весьма убедительно ниспровергает свои слабые аргументы в пользу бытия божьего. Поэтому мы вправе сказать ему, что его система ниспровергает идею творения. Действительно, до того как бог сотворил материю, он не мог ни сосуществовать, ни быть сопротяженным с ней; значит,

согласно самому Декарту, бога тогда не было, так как если у модификаций отнять их субъект, то и сами эти модификации должны исчезнуть. Если бог, по учению картезианцев, не что иное, как природа, то эти последователи Декарта оказываются явными спинозистами; если же бог — движущая сила природы, то он не способен существовать сам по себе и существует лишь постольку, поскольку имеется субъект, которому он присущ, т. е. природа, двигателем которой он является; таким образом, бог не существует сам по себе, существуя лишь постольку, поскольку существует приводимая им в движение природа. Чем может быть движущая сила вселенной без материи, т. е. без субъекта, который следует приводить в движение, сохранять и производить? Если бог есть эта двигательная сила, то чем был бы он без мира, в котором мог обнаруживать свое действие?

Мы видим, таким образом, что Декарт не только не установил бытие божье на прочных основаниях, но, наоборот, совершенно разрушил его основания. Та же участь неизбежно ожидает всех, кто станет рассуждать об этом: в конце концов они всегда запутаются в противоречиях и самоопровержениях.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 464—466.

Критика Кларка

Тщетно величайшие метафизики пытались либо доказать, что бог существует, либо примирить между собой его несовместимые атрибуты, либо ответить на самые простые возражения; им не удалось защитить свое божество от критики: выдвигаемые против них возражения настолько ясны, что их легко поймет ребенок, между тем как у цивилизованнейших народов вряд ли найдется дюжина людей, способных понять доказательства, решения и ответы таких философов, как Декарт, Лейбниц и Кларк, когда они хотят обосновать бытие божье...

Чтобы убедиться в слабости доказательств существования бога теологов и бесполезности попыток примирить его противоречивые атрибуты, послушаем, что говорит об этом знаменитый доктор Самуил Кларк¹, трактат которого

---

¹ Гольбах следующим образом резюмирует систему «доказательств» Кларка (1675—1729): 1) нечто существовало вечно; 2) не-

«О бытии и атрибутах божьих» считается самой основательной книгой на эту тему. Действительно, преемники Кларка лишь повторяли его идеи или придавали его доказательствам новую форму.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 434, 435—436.

Таким образом, резюмируя наши возражения г. Кларку, мы скажем: 1) можно представить, что материя существовала от века, так как нельзя представить себе, чтобы она могла возникнуть; 2) материя независима, так как нет ничего вне ее; она неизменна, так как не может изменить свою природу, хотя непрестанно меняет свои формы и сочетания; 3) материя существует сама собой, так как мы не в состоянии представить, чтобы она могла погибнуть, и поэтому не можем допустить, чтобы она начала когда-нибудь существовать; 4) мы не знаем ни сущности, ни истинной природы материи, хотя и в состоянии познать некоторое из ее свойств и качеств по способу ее воздействия на нас, чего нельзя сказать о боге; 5) так как материя не имеет начала, то она никогда не будет иметь конца, хотя ее формы и сочетания имеют и начало и конец; 6) если все существующее или доступное нашей мысли есть материя, то эта материя бесконечна, т. е. не может быть ограничена чем-либо; она вездесуща, раз вне ее нет никакого места; действительно, если бы вне ее существовало какое-нибудь место, то это была бы пустота и, следовательно, бог являлся бы пустотой; 7) природа едина, хотя ее элементы, или части, бесконечно разнообразны и одарены весьма различными свойствами;

которое независимое и неизменное начало существовало извечно; 3) это вечное, неизменное и независимое начало существует само по себе; 4) сущность существующего само по себе начала непостижима; 5) начало, необходимым образом существующее само по себе, должно быть вечно; 6) существующее само по себе начало должно быть бесконечным и вездесущим; 7) существующее необходимым образом начало по необходимости единственно; 8) существующее само по себе начало по необходимости разумно; 9) существующее само по себе начало свободно; 10) верховная причина всех вещей обладает бесконечным могуществом; 11) творец всего должен быть бесконечно мудрым; 12) верховная причина необходимым образом должна обладать бесконечной благостью, справедливостью, правдивостью и всеми прочими моральными совершенствами, подобающими владыке и верховному судье мира. (См. П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 436—447.)

8) материя при известных модификациях и сочетаниях производит в некоторых существах то, что мы называем разумом и что есть один из ее способов бытия, но не одно из ее существенных свойств; 9) материя не есть какое-то свободно действующее начало, так как не может действовать иначе, чем она это делает в силу законов своей природы и своего существования; поэтому тяжелые тела неизменно должны падать, легкие тела — подниматься, огонь — гореть, человек — чувствовать добро и зло в зависимости от природы действующих на него вещей; 10) сила, или энергия, материи имеет лишь те границы, какие предписываются ей собственной природой; 11) мудрость, справедливость, доброта и т. д. — это качества, свойственные материи в том сочетании, или той модификации, которую мы встречаем у некоторых существ человеческого рода; идея же совершенства — это абстрактная, отрицательная, метафизическая идея, или известный способ рассмотрения вещей, не опирающийся на что-либо реальное вне нас; 12) материя наделена принципом движения, материя содержит его в себе, так как только она способна получать и сообщать движение, в то время как эту способность нельзя даже представить себе в нематериальном, простом, лишенном частей существе, которое, не обладая ни протяжением, ни массой, ни тяжестью, не могло бы ни двигаться само, ни приводить в движение другие тела, а тем более создавать и сохранять их.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 462—463.

Критика Ньютона

Посмотрим теперь, не даст ли нам бессмертный Ньютон более правильных понятий о боге и более убедительных доказательств бытия божьего. Этот человек, замечательный гений которого разгадал природу и ее законы, впал в заблуждения, лишь только покинул ее; раб своих детских предрассудков, он не осмелился поднести светоч своего знания к призраку, который люди без всяких оснований присоединили к природе; он не понял, что собственных сил природы было достаточно, чтобы произвести все те явления, которые были им так удачно объяснены. Одним словом, великий Ньютон становится просто ребенком, когда, покинув физику и очевидные факты, углубляется в фанта-

стический мир теологии. Вот что он говорит о божестве: «Этот бог управляет всем не как душа мира, а как господин и владыка всех вещей. Ввиду его верховного, суверенного владычества его и называют господь бог... вселенский царь. Действительно, слово бог относительно и предполагает наличие рабов; божественность — это господство или суверенное владычество бога не над своим собственным телом, как думают люди, считающие бога душой мира, но над рабами».

Мы видим отсюда, что Ньютон, подобно всем теологам, делает из своего бога, этого чистого верховного духа, какого-то царя, самодержца, деспота, т. е. могущественного человека, государя, управляющего вселенной по образцу того, как земные цари иногда управляют превращенными в рабов подданными, которым они обыкновенно весьма неприятным образом дают почувствовать всю тяжесть своей власти. Таким образом, бог Ньютона — это какой-то деспот, т. е. человек, обладающий привилегией быть добрым или несправедливым и злым, когда ему заблагорассудится. Но так как, согласно взглядам Ньютона, мир, а также рабы божьи существовали не вечно и были созданы в определенное время, то отсюда следует, что его бог до сотворения мира был царем без подданных и без государства...

Кроме того, действительно ли этот господин, этот духовный царь проявляет свою духовную власть над существами, часто не выполняющими того, что он хочет, беспрестанно борющимися против него и вносящими беспорядок в его владения? Действительно ли этот духовный монарх является господином над умами, душами, желаниями и страстями своих подданных, которым он предоставил свободу восставать против него? Управляет ли этот бесконечный, всеохватывающий и всевластный монарх грешниками, руководит ли он их поступками, находится ли он в них, когда те оскорбляют своего бога? Не обладает ли дьявол, лжебог, злой дух, постоянно разрушающий, как учат нас теологи, планы истинного бога, более обширной властью, чем последний? Разве истинный государь не тот, чья власть оказывает влияние на наибольшее число граждан государства? Если бог вездесущ, то не является ли он печальным свидетелем и соучастником оскорблений, повсюду наносимых его божественному величию? Если бог заполняет все, то разве это не значит, что он обладает протяженностью, поскольку его части находятся в соответствии с различными частями пространства? И не перестает ли он в таком случае быть духовным существом?

...Встречаются верующие физики, находящиеся под влиянием предубеждений неоспоримые доказательства своих воззрений даже в фактах, коренным образом противоречащих им. Этим объясняются все излюбленные доказательства бытия благого бога, опирающиеся на учение о конечных причинах, на порядок природы, ее благоденствия и т. д. Если же такие исследователи замечают беспорядок, бедствия, катастрофы, то и в этом они странным образом видят новые доказательства благодати, мудрости и разума своего бога, хотя факты подобного рода так же наглядно противоречат перечисленным качествам, как факты целесообразности природы кажутся подтверждением их. Эти наблюдатели под влиянием своих предубеждений приходят в восторг от периодических и правильных движений небесных светил, от органической жизни на Земле, от изумительной гармонии частей животного организма; они совершенно забывают в этом случае законы движения, силы притяжения, отталкивания, тяготения и приписывают все эти выдающиеся явления какой-то неизвестной причине, о которой не имеют никакого представления. Наконец, в пылу воображения они помещают человека в центре природы, предполагают, что он является целью всего существующего и все создано для него и его наслаждений, вовсе не замечая того, что нередко против него обращает свою ярость чуть ли не вся природа, а рок старается сделать из него несчастнейшее из существ.

Успехи здравомыслящей физики должны оказаться пагубными для религиозного суеверия, неизменно опровергаемого фактами природы. Астрономия изгнала судебную астрологию; экспериментальная физика, естествознание и химия мешают жрецам, фокусникам и колдунам творить чудеса. При более глубоком изучении природы призрак, посаженный на ее место невежеством, должен непременно исчезнуть.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 467—468, 469—470, 666—667.

Критика непоследовательности взглядов Фрэнсиса Бэкона

Даже самые талантливые люди, как мы уже указывали, не всегда решаются полностью порвать со своими религиозными взглядами; их воображение, столь необходимое для

блестящих талантов, часто оказывается в них непреодолимым препятствием для полного отказа от предрассудков: этот отказ гораздо больше зависит от рассудительности человека, чем от его природного ума. К этому обстоятельству, толкающему людей на путь иллюзий, присоединяется еще сила привычки... Не будем же поражаться при виде выдающихся людей, упорно закрывающих глаза на некоторые факты или же не обнаруживающих своей обычной проницательности, лишь только речь заходит о предмете, который они не решаются исследовать так же тщательно, как прочие вещи. Канцлер Бэкон утверждает, что *поверхностное знакомство с философией предрасполагает к атеизму, но более глубокое занятие ею вновь приводит к религии.*

...Афоризм Бэкона означает просто, что даже самые талантливые люди не в состоянии избавиться от иллюзий своего бурного воображения, над которым не властны никакие доводы разума.

Но достаточно внимательно и хладнокровно изучить явления природы, чтобы освободиться от всех подобных заблуждений. Изучая эти явления, человек заметит, что в природе все связано незаметными для поверхностного или нетерпеливого наблюдателя, но вполне явными для всякого хладнокровного исследователя узами; он убедится, что как редкие, загадочные явления, так и мелкие, повседневные факты одинаково необъяснимы, но и те и другие одинаково вытекают из естественных причин, и допущение причин сверхъестественных, как бы эти последние ни называть и какие бы качества им ни приписывать, только увеличивает трудности и порождает бесчисленные иллюзии. На основании самых простых наблюдений он должен будет убедиться, что все необходимо, что воспринимаемые им явления носят материальный характер и, следовательно, происходят из причин одного и того же порядка, хотя бы у него не было возможности проникнуть своими чувствами до этих причин. Таким образом, он увидит повсюду лишь материю, действующую в одних случаях доступным для его органов образом, а в других — незаметно для них...

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 664, 665—666.

НЕУБЕДИТЕЛЬНОСТЬ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ АПЕЛЛЯЦИИ КО «ВСЕОБЩЕМУ СОГЛАСИЮ»

Обыкновенно считают единодушное признание людьми существования бога лучшим доказательством его бытия. На земле нет народа, говорят нам, который не имел бы истинных или ложных идей о всемогущем существе, управляющем миром. Самые грубые дикари, как и самые цивилизованные народы, вынуждены задумываться над вопросом о первопричине всего существующего; на этом основании нас уверяют, что голос самой природы должен убедить нас в существовании бога, понятие о котором она запечатлела в умах всех людей; отсюда заключают, что идея бога — это врожденная идея.

Если, отказавшись от всяких предрассудков, мы станем анализировать это доказательство, кажущееся многим людям столь несокрушимым, то увидим, что единодушные люди по вопросу о предмете, которого ни один из них никогда не мог узнать, не доказывает ровно ничего; это единодушное доказывает только то, что люди обнаруживали свое невежество всякий раз, когда пытались составить себе какое-нибудь представление о скрытом существе, которое не могло стать объектом их опыта, или пытались рассуждать о природе этого существа, к которому они никогда не могли подступить с какой-либо стороны. Распространенные по всей земле пагубные понятия о божестве доказывают только, что люди повсюду испытали ужасные бедствия, были жертвами разных катастроф и переворотов, претерпели всяческие несчастья и страдания, не зная их естественных, физических причин. События, жертвами или свидетелями которых были люди, не могли не вызывать их восхищение или страх; но, не зная сил и законов природы, ее неисчерпаемых богатств, производимых ею при известных обстоятельствах действий, люди решили, что эти явления зависят от какого-то скрытого деятеля, о котором у них имелись лишь смутные представления, а побуждения и поведение которого они объясняли по аналогии со своими собственными побуждениями и поведением.

Таким образом, единодушное признание людьми бога доказывает лишь то, что, погрязая в невежестве, они испытали чувство восхищения или страха и в своем смятении

пытались усилиями воображения как-нибудь установить неизвестную причину поражавших или пугавших их явлений...

К тому же распространенность какого-нибудь взгляда нисколько не доказывает его истинности. Разве мы не видим, что даже теперь множество грубых заблуждений и предрассудков пользуются признанием почти всего человеческого рода! Разве мы не видим, что все народы на земле верят в магию, предсказания, чары, гадание, колдовство, привидения. Если наиболее просвещенные люди излечились от этих предрассудков, то у последних немало усердных сторонников среди большинства людей, верящих в них столь же твердо, как в существование бога. Но можно ли на основании этого утверждать, что эти химеры, признаваемые почти всем человечеством, обладают какой-нибудь реальностью? До Коперника все думали, что Земля неподвижна, а Солнце вращается вокруг нее; но разве от общепринятости этого взгляда он переставал быть заблуждением?..

Находились люди, похвалявшиеся тем, что они видели божество. Первый человек, осмелившийся сказать это своим согражданам, был, очевидно, обманщиком, желавшим извлечь выгоду из их простодушия и легковерия, или же восторженным мечтателем, выдававшим за истину бред своего воображения. Наши предки передали нам представления о божестве, полученные ими, таким образом, от тех, кто обманул их и чей обман, изменяясь из века в век, приобрел наконец всю силу освященного общественным мнением догмата. Таким образом, слово *бог* — одно из первых, которому нас обучали; нам говорили о нем без конца; нас заставляли лепетать его с благоговением и трепетом; нам вменили в обязанность преклонять колени перед призраком, к которому относилось это слово и который нам запрещено было исследовать, и обращаться к нему с молитвами. Без конца повторяя это бессмысленное слово, пугая себя этим призраком, рассказывая себе о нем старые басни, мы приучаем себя думать, будто обладаем врожденной идеей о нем, начинаем смешивать привычки с инстинктами нашей природы и наивно воображать, будто всякий человек от рождения приносит с собой идею божества.

Только забвением первоначальной обстановки детства, когда наше воображение было поражено именем бога и чудесными рассказами о нем, можно объяснить веру в то, буд-

то эта абстрактная идея присуща от природы и врождена всем людям...

Мы видим, таким образом, как представления о боге, первоначально порожденные невежеством, восхищением и страхом, а затем усвоенные в силу неопытности и легковерия и распространенные усилиями воспитания, примера, привычки, авторитета, стали неприкосновенными и священными; мы приняли их без размышлений, доверяя словам наших родителей, наставников, законодателей и священнослужителей; мы привязались к ним в силу привычки; никогда не делая попытки исследовать их, мы сочли их священными, так как нас постоянно уверяли, что они существенно необходимы для нашего счастья; мы вообразили, будто всегда обладали ими, потому что имели их с детства; мы сочли их несомненными, потому что никогда не дерзали сомневаться в них. Если бы по воле судьбы нам довелось родиться на берегах Африки, то мы поклонялись бы змее, почитаемой неграми, с тем же наивным невежеством, с каким теперь поклоняемся духовному и метафизическому богу, почитаемому в Европе. Если бы кто-нибудь стал оспаривать божественность этого пресмыкающегося, которое мы привыкли почитать с младенчества, то мы стали бы возмущаться так же, как возмущаются наши теологи, когда у их бога оспаривают приписываемые ему ими чудесные атрибуты.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 425—426, 429—430, 431—433.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
РЕЛИГИИ
И ЕЕ
ЭВОЛЮЦИЯ

МОНОТЕИЗМ — ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОДУКТ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ. ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ МОНОТЕИЗМА

Первая богословская система вначале заставила человека бояться и почитать стихии, материальные и грубые предметы; затем он стал поклоняться существам, управляющим стихиями,—могущественным гениям, гениям низшего порядка, героям или людям, одаренным великими доблестями. В ходе дальнейших размышлений он решил упростить эту систему, подчинив всю природу одному-единственному агенту — верховному разуму, духу, мировой душе, приводящей в движение эту природу и ее части.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 367—368.

Фетишизм

Если верить тому, что пишет президент де Бросс в своей превосходной «Истории фетишизма», т. е. культа земных предметов, то фетишизм¹, сохранившийся еще и в наше время почти во всей Африке, и особенно в Нигриции², не только был первой религией, но и был некогда всеобщим верованием. Известно, прибавляет де Бросс, что греки воплощали чтимую ими Венеру-Уранию в беотийские скалы, а в донском лесу они поклонялись дубам. Известно, что боги в образе собаки, кошки, крокодила, змеи, слона, льва, орла, мухи, обезьяны и т. д. имели свои алтари не только в Египте, но и в Сирии, Финикии и почти во всей Азии. Известно, наконец, что озера, деревья, море и бесформенные

¹ По де Броссу, «божественный фетиш не что иное, как первый материальный предмет, который любому народу или любому человеку захотелось избрать своим божеством... Это — дерево, гора, море, кусок древесины, хвост льва, камешек, раковина, соль, рыба, растение, цветок, животное какой-нибудь породы, например корова, коза, слон, овца; и, наконец, все, что можно представить себе похожего на эти вещи» (Шарль де Бросс о фетишизме. М., 1973, стр. 20).

² Нигриция (Нигрития) — так в XVIII в. многие европейские географы именовали часть Африки, населенную неграми.

скалы тоже были предметом поклонения европейских и американских народов. Но подобное единообразие ранних религий свидетельствует об еще большем единообразии умов, особенно учитывая, что то же единообразие встречается также в более современных, менее грубых религиях. Такова была кельтская религия. Персидский Митра повторяется в боге Торе; Ариман — в волке Фенрисе; греческий Аполлон — в Бальдуре; Венера — в Фрейе, а Парки — в трех сестрах Урде, Веранди, Скульде.

К. Гельвеций. О человеке. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 142—143.

Мы видим, что невежественные люди считают господами своей судьбы животных, камни, бесформенные и неодушевленные существа — фетиши, которые они превращают в божества, приписывая им разум, желания и волю.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 364.

Политеизм

Зрелище происходящих в мире противоположных и часто противоречивых явлений должно было наводить на мысль, что существует множество различных и независимых друг от друга сил, или причин; люди не могли представить себе, что столь различные явления, наблюдаемые ими, происходят от одной и той же причины; поэтому они допустили существование нескольких причин, или нескольких богов, действующих сообразно различным принципам; одних они считали дружественными человечеству, а других — враждебными ему силами. Таково происхождение древнего и распространенного повсюду учения о наличии в природе двух противоположных и постоянно враждующих между собой принципов, или сил, при помощи которых якобы можно объяснить вечное переплетение добра и зла, счастья и несчастья — одним словом, непрестанные перемены в судьбах людей. Вот источник мнений древних о борьбе между добрыми и злыми богами, между *Озирисом* и *Тифоном*, *Ормуздом* и *Ариманом*, *Юпитером* и *Титанами*, *Иеговой* и *Сатаной*. Но, руководствуясь собственными интересами, люди всегда считали исход этой войны благоприятным

для доброго божества; по их мнению, последнее должно было выйти победителем из такого поединка, ибо эта победа была выгодна им.

Даже тогда, когда люди стали признавать существование лишь одного бога, они все же допустили, что различные части природы были поручены им подчиненным ему силам, на которые верховное божество переложило заботу об управлении миром. Число этих второстепенных богов было умножено до бесконечности; каждый человек, каждый город, каждая область имели своих особых местных богов-хранителей; каждое счастливое или несчастливое событие имело божественную причину и являлось следствием верховного повеления; каждое естественное явление, каждое действие, каждая страсть зависели от какого-нибудь божества, которое разукрашивалось или уродовалось фантазией теологов, склонных повсюду видеть богов и совершенно не понимать природы, которое возвеличивалось и одухотворялось в творениях поэтов и которому покорно и поспешно подчинялось падкое на выдумки невежество.

Таково происхождение многобожия, такова основа иерархии, установленной людьми между богами из-за того, что они всегда чувствовали себя неспособными возвыситься мыслью до непонятого существа, признанного ими верховным господином, несмотря на полное отсутствие ясного представления о нем. Такова истинная генеалогия тех второстепенных богов, которых народы поместили между собой и первопричиной мира как некоторые промежуточные величины. В связи с этим мы видим, что у греков и римлян боги делились на две группы: часть их называлась *главными богами* и образовывала своего рода аристократию, в отличие от *второстепенных* богов, плебса языческих божеств. Но первые, как и последние, были подчинены фатуму, т. е. судьбе, которая есть, очевидно, не что иное, как природа, действующая по необходимым, строго неизменным законам; эта судьба считалась богом самих богов. Мы видим, что она есть просто олицетворение необходимости и что со стороны язычников было нелогично утруждать своими жертвоприношениями и молитвами богов, подчиненных, как полагали, неумолимой судьбе, повелений которой люди никогда не могли нарушить. Но люди всегда перестают рассуждать, лишь только дело коснется их теологических воззрений.

Все вышеизложенное показывает нам общий источник бесчисленного множества промежуточных сил, подчиненных

богам, но превосходящих своим могуществом людей. Им поклонялись под именем *нимф, полубогов, ангелов, демонов, добрых и злых гениев, духов, героев, святых* и т. д. Эти существа составили различные группы промежуточных божеств, ставших предметами надежд и тревог, утешений и страхов человечества; последнее выдумало этих богов, не будучи в состоянии понять непостижимое существо, верховного правителя мира, и отчаявшись в возможности иметь дело непосредственно с ним.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 388—390.

Монотеизм, его источники и противоречия

Идея единобожия явилась следствием взгляда, что бог — это душа вселенной; однако она появилась лишь позднее, как медленно созревший плод человеческих размышлений.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 388.

Некоторые мыслители в итоге продолжительных размышлений пришли к тому, что необходимо допустить существование во вселенной только одного божества, достаточно могущественного и мудрого, чтобы управлять ею. В этом боге видели какого-то ревнивого царя природы; полагали, что придать этому государю, который один имел право на поклонение со стороны обитателей Земли, союзников или соперников значило бы оскорбить его; думали, что он не может примириться с разделением власти; предполагали, что при своем бесконечном могуществе и безграничной мудрости он не нуждается ни в разделении власти, ни в помощи. Поэтому некоторые мыслители, более хитроумные, чем другие, признали существование лишь одного бога, воображая, что сделали этим очень важное открытие.

Однако с самого начала они должны были испытать большие затруднения ввиду крайней противоречивости явлений, творцом которых считался этот бог; им пришлось приписать ему противоречивые, несовместимые, исключаящие друг друга качества, так как в любое мгновение можно

было наблюдать производимые им противоположные явления. Предположив существование бога как единственного творца всех вещей, пришлось присвоить ему безграничную благодать, мудрость, могущество, соответствующие тем благодеяниям, тому порядку, тем чудесным явлениям, которые наблюдались в мире. Но с другой стороны, как не приписать ему коварства, неблагоразумия, прихотей при виде частых неурядиц и бесчисленных бедствий, жертвой которых так часто является человечество, а сценой — этот мир? Как не счесть его неразумным, видя, что он постоянно занят разрушением своих собственных дел? Как не заподозрить его в бессилии, неизменно видя невыполняемыми планы, которые ему приписывают?

Чтобы устранить эти затруднения, богу создали врагов, которые, хотя и подчинены ему, не перестают посягать на его власть и расстраивать его планы; из него сделали царя, придав ему противников, которые, несмотря на свое бессилие, желают оспорить у него корону. Таково происхождение сказаний о титанах, или восставших ангелах, которые из-за своей гордости были ввергнуты в пучину бедствий и превращены в демонов, или злых гениев, имеющих лишь одну заботу: расстраивать планы всемогущего, соблазнять и поднимать против него его подданных — людей.

Таким образом, согласно этой вздорной басне, царь природы постоянно находился в борьбе с врагами, которых сам себе создал; несмотря на свое бесконечное могущество, он не захотел или не смог окончательно справиться с ними; у него никогда не было вполне покорных подданных; он постоянно должен был бороться, вознаграждать своих подданных, когда они подчинялись его законам, и наказывать их, когда, на свое несчастье, они вступали в заговор с противниками его славы. Следствием этих идей, заимствованных из практики земных царей, почти всегда воюющих друг с другом, было то, что нашлись люди, которые стали выдавать себя за слугителей бога, заставляя его говорить, раскрывать его тайные намерения, объявлять нарушение его законов ужаснейшим из преступлений; невежественные народы без проверки приняли эти повеления божества; они не заметили, что с ними говорил человек, а не бог; они не поняли, что слабые творения не в состоянии действовать против воли божества, которое считалось творцом всего существующего и могло иметь в природе лишь тех врагов, которых само сделало своими противниками. Стали полагать, будто человек, несмотря на свою полную зависимость от

бога и всемогущество последнего, мог оскорблять его, противоречить ему, объявлять ему войну, расстраивать его планы, нарушать установленный им порядок; предположили, что бог — вероятно для того, чтобы блистать своим могуществом, — сам создал себе врагов, дабы иметь удовольствие бороться с ними, и не желал впоследствии ни уничтожить их, ни изменить их злые наклонности. Наконец, решили, что бог дал своим мятежным врагам, а также людям свободу нарушать его повеления и планы, раздражать его, заставляя умолкнуть его благодать, которая должна уступить место его правосудию. С тех пор стали рассматривать все блага этой жизни как заслуженные награды, а все ее бедствия — как заслуженные наказания. Учение о свободе воли человека, по-видимому, сочинено лишь для того, чтобы дать человеку возможность раздражать своего бога и оправдать бога за зло, причиняемое им человеку, осмелившемуся воспользоваться этим пагубным даром — свободой.

Несмотря на нелепость и противоречивость этих идей, они легли в основу всех религиозных суеверий на земле: с их помощью рассчитывали объяснить происхождение зла и указать причину бедствий человечества. Однако люди не могли не заметить, что они часто страдают на земле, не совершив никакого преступления, не сделав никакого нарушения, которое могло бы вызвать гнев божества; они наблюдали, что даже те, кто самым верным образом исполняет мнимые повеления бога, часто испытывают ту же участь, что и дерзкие нарушители его законов. Привыкнув уступать силе и считать ее источником права, привыкнув дрожать перед своими земными повелителями, наделенными правом быть несправедливыми, привыкнув никогда не оспаривать привилегий и не критиковать повелений власть имущих, люди еще меньше осмеливались критиковать поведение своего бога или обвинять его в беспричинной жестокости. Впрочем, служители царя небесного нашли средства обелить его и взвалить на самих людей всю вину за их бедствия, или наказания, тяжесть которых им приходится нести; ссылаясь на свободу, якобы данную человеку, жрецы стали утверждать, что человек согрешил, его природа испортилась и весь род человеческий терпит наказание за вину своих предков, которую неумолимый небесный царь вымещает на невинном потомстве последних. Такого рода месть нашли вполне правомерной, так как под влиянием постыдных предрассудков люди соразмеряют наказания не столько со значением проступка, сколько с могуществом и значе-

нием лица, потерпевшего от этого проступка. Руководствуясь данным принципом, полагали, что бог имеет бесспорное право без всякой меры мстить за оскорбление своего величия. Одним словом, теологическая мысль пустилась во все тяжкие, чтобы доказать вину людей и оправдать божество перед лицом бедствий, которые природа заставляет испытывать человечество. Придумали тысячи басен, чтобы объяснить, как в мире появилось зло; и месть неба оказалась вполне обоснованной, так как решили, что за преступления против великого и всемогущего существа полагаются бесконечно тяжкие наказания.

Кроме того, люди знали из опыта, что земные владыки, даже совершая самые вопиющие несправедливости, не терпят, чтобы их называли несправедливыми, сомневались в их мудрости и роптали на их поведение. Поэтому они остерегались обвинять в несправедливости деспота вселенной, сомневаться в его правах, жаловаться на его суровость; решили, что бог может позволить себе все по отношению к своим жалким творениям, что он не имеет никаких обязанностей по отношению к ним и вправе осуществлять над ними абсолютную и безграничную власть. Ведь так поступают земные тираны, произвол которых послужил образцом для поведения божества; на основании их нелепого и бессмысленного способа управления для божества сочинили какую-то особенную юриспруденцию. Мы видим, таким образом, что прообразами бога служили самые дурные люди и самые несправедливые правительства являлись образцом божественного управления. Несмотря на все жестокости и нелепости божества, его не переставали называть справедливым и мудрым.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1, М., 1963, стр. 390—394.

СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКИЙ АНТРОПОМОРФИЗМ — МАГИСТРАЛЬНЫЙ ПУТЬ

ОБРАЗОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ИЛЛЮЗИЙ

Может ли теолог искренне думать, будто он становится умнее оттого, что начинает употреблять туманные слова: *дух, бестелесная субстанция, божество* и т. д. — вместо понятных слов: *материя, природа, движение, необходимость*? Но как бы то ни было, раз эти темные слова были придуманы, то пришлось связать с ними какие-нибудь идеи, а эти последние можно было почерпнуть лишь из явлений столь презируемой природы, которые одни только доступны нашему познанию. Люди заимствовали эти идеи у самих себя: их душа послужила образцом всемирной души; их дух стал моделью духа, управляющего природой; их страсти и желания стали прототипом страстей и желаний бога; их разум стал прообразом его разума. То, что соответствовало потребностям людей, было названо порядком природы; этот мнимый порядок стал мерой божественной мудрости; наконец, качества, которые люди называют в самих себе совершенствами, стали миниатюрными прообразами божественных совершенств. Так, несмотря на все свои усилия, теологи всегда оказывались — да и будут оказываться впредь — антропоморфистами, видящими в человеке единственную модель своего божества.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1.
М., 1963, стр. 386.

О неизвестных нам предметах мы всегда умозаключаем по тем вещам, которые в состоянии познать. Человек по аналогии с самим собой приписывает всякой воздействующей на него неизвестной причине волю, ум, намерения, планы, страсти — одним словом, качества, подобные его собственным.

...Сообразно с этими представлениями, всегда заимствуемыми человеком у самого себя, из своего собственного способа действовать, он любит воздействующие на него предметы или боится их, приближается к ним доверчиво или с опаской, стремится к ним или избегает их, если думает, что может избежать их влияния. Вскоре он начинает

говорить с ними, призывать их, умолять их оказать ему свое содействие или перестать причинять страдания; он пытается снискать их благоволение покорностью, низкопоклонством, подарками, к которым сам так чувствителен; наконец, он оказывает им гостеприимство, предоставляет убежище, строит жилища и доставляет вещи, которые, по его мнению, должны им особенно нравиться, так он сам их очень ценит.

Действительно человек всегда видел и будет видеть в своем боге только человека; как бы он ни мудрил, как бы ни увеличивал могущество бога и ни умножал его совершенства, он может сделать из бога лишь гигантского, чрезмерно увеличенного человека, имеющего фантастический характер ввиду совмещения в нем противоположных качеств: бог всегда окажется каким-то до невероятности колоссальным, а потому совершенно непостижимым существом. Так, божеству приписывают разум, мудрость, доброту, справедливость, знание, могущество потому, что человек сам разумное существо и замечает мудрость у некоторых представителей человеческого рода, любит находить у них благоприятные для него самого склонности, уважает тех людей, которые обнаруживают справедливость, сам обладает знаниями и встречает других, более знающих людей, наконец, обладает некоторыми способностями, которые зависят от его организации. Вскоре он начинает слишком широко истолковывать или преувеличивать все эти качества; зрелище явлений природы, которых он не в состоянии воспроизвести и которым он не может подражать, заставляет его проводить различие между своим богом и самим собой; но он не знает, где остановиться, и боится обмануться, осмелившись установить границы приписываемых им божеству качеств; для характеристики их он пользуется туманным и абстрактным словом *бесконечное*. Человек говорит, что божественное могущество *бесконечно*; это значит, что при виде грандиозных явлений, творцом которых ему кажется божество, он не знает, где предел могущества последнего. Человек говорит, что доброта, мудрость, знание, милосердие божества *бесконечны*; это значит, что он не знает, где предел совершенства существа, могущество которого так безмерно превосходит его собственное могущество. Человек говорит, что этот бог вечен, т. е. бесконечен в смысле длительности, так как не представляет, чтобы бог мог начать или перестать существовать, считая это недостатком тех недолговечных

существ, которые, по его наблюдению, подвержены смерти. Человек предполагает, что причина явлений, свидетелем которых он является, необходима, неизменна, постоянна, а не подвержена переменам, подобно всем ее преходящим творениям, которые, как ему известно, доступны разложению, разрушению, перемене формы. Так как этот гипотетический двигатель не виден человеку и всегда действует скрытым и недоступным образом, то он предполагает, что бог, подобно скрытому принципу, одушевляющему его собственное тело, является движущей силой вселенной; вследствие этого он делает из него душу, жизнь, принцип движения природы. Наконец, в итоге утонченных умозрений человек приходит к убеждению, что принцип, движущий его тело, есть *дух, нематериальная субстанция*, и делает своего бога духовным, или нематериальным, необъятным, хотя и лишенным протяжения, неизменным, хотя и способным приводить в движение природу, считая его творцом всех происходящих в природе изменений.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 363—364, 387—388.

Люди заметили, что природа не внемлет им и никогда не нарушает своего хода, поэтому они подчинили ее в своих интересах некоему разумному существу, которое они по аналогии с собой предположили более склонным выслушивать их мольбы, чем бесчувственная и невнимательная природа. Следует, однако, проверить, можно ли считать интересы людей бесспорным аргументом в пользу существования некоего одаренного разумом существа и можно ли на основании того, что известная вещь необходима человеку, умозаключать, что она действительно существует. Наконец, следовало бы убедиться, удалось ли когда-нибудь человеку при содействии этого верховного существа действительно изменить ход природы.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 375.

Все черты, которыми Библия наделяет божество, всегда оказываются заимствованными у тщеславного человека или монарха, и мы убеждаемся, что не бог создал человека по

своему образу и подобию, а человек всегда творил бога по своему образцу, наделяя его своим умом, своими качествами, особенно — пороками.

П. Гольбах. Письма к Евгении.
«Письма к Евгении. Здравый смысл».
М., 1956, стр. 88.

Человек, говорил Фонтенель, создал бога по своему образу и подобию и не мог поступить иначе. Монахи создали представление о небесном дворе по образцу восточных дворов. Восточный государь, невидимый для большинства своих подданных, доступен только для своих царедворцев. Жалобы народа доходят до него лишь через посредство его фаворитов. Аналогичным образом монахи окружили трон царя Вселенной фаворитами под названием святых и изобразили дело так, что милость неба получается лишь благодаря вмешательству этих святых. Но что сделать, чтобы добиться их расположения? Собравшиеся с этой целью попы постановили, чтобы в церквах поместили изображения святых, выточенные из дерева или иные; чтобы перед этими образами преклонялись, как перед изображениями всевышнего; чтобы внешние знаки поклонения были одинаковы для всевышнего и его фаворитов; наконец, чтобы некоторые святые, почитаемые христианами, подобно тому, как пенаты и фетиши почитались язычниками и дикарями, например Николай-угодник в России и св. Януарий в Неаполе, пользовались бóльшим поклонением и уважением, чем сам бог.

На этих фактах основывается обвинение, выдвинутое против православной и католической церквей. Последней в особенности мы обязаны восстановлением фетишизма. Так, Франция имеет национального фетиша в св. Дени, а в св. Женевьеве — фетиша столицы. И нет такой общины или такого гражданина, которые не имели бы, помимо этого, своего особенного фетиша, именующегося Петром, Клодом или Мартином.

К. Гельвеций. О человеке. Сочинения
в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 63.

ЖИЗНЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ БАЗИС РЕЛИГИИ

Все явления природы неизбежно порождают в людях различные чувства. Одни полезны им, другие вредны; одни вызывают их любовь, восхищение, признательность, другие — беспокойство, отвращение, отчаяние. Люди сообразно различным испытываемым ими чувствам любят явления, вызывающие в них различные страсти, или боятся их; они соразмеряют эти чувства с испытываемыми ими воздействиями; их восхищение, их страх растут тем больше, чем обширнее, могучее, непонятнее, непривычнее, интереснее для них поражающие их явления...

Таким образом, если человек доволен своей участью, если все его дела в порядке, то он восхищается той причиной, в которой видит основу своего благополучия, или любит ее; если же человек недоволен своим существованием, то он ненавидит причину, по его мнению порождающую это неприятное состояние, и боится ее. Но благополучие сливается для нас с нашим существованием; когда оно привычно и длится непрерывно, мы перестаем его чувствовать, считаем его присущим нашей природе, заключаем, что созданы для вечного счастья, находим естественным, что все содействует нашему самосохранению. Совсем иначе мы относимся к тем явлениям, которые не нравятся нам: страдающий человек поражается происходящему в нем изменению; он считает это изменение противоестественным, так как оно противоречит его собственной природе; он думает, что причиняющие ему боль явления противны порядку вещей; он считает, что в природе произошло какое-то расстройство, если она не доставляет ему подходящих ощущений; он заключает на основании этого, что эта природа или приводящее ее в движение активное начало раздражены против него.

Мы видим, таким образом, что почти нечувствительный к добру человек очень живо воспринимает зло; считая добро естественным, он находит зло противоестественным. Он не знает или забывает, что составляет часть некоего целого, образованного совокупностью веществ, из которых одни находятся в соответствии друг с другом, а другие противоположны друг другу; что существа со сложной природой одарены различными свойствами, в силу которых они по-разному действуют на доступные их воздействию тела; что эти существа, лишённые доброты или злобы, поступают в соот-

ветствии со своей природой и свойствами и не могут действовать иначе, чем они это делают. Только благодаря незнанию этих вещей человек считает творца природы причиной испытываемых им бедствий и признает его злым, т. е. раздраженным против него...

Если бы человечество испытывало только восхищение перед творениями природы и благодарность к ней за ее благодеяния, то оно никогда не стало бы мучительно размышлять над вопросом об источнике этих вещей; быстро свыкаясь с благоприятными нам явлениями, мы не так трудимся над изысканием причин их, как над исследованием причин тех явлений, которые тревожат нас и доставляют нам неприятные ощущения. Таким образом, человек, размышляя о божестве, всегда задумывался над причиной своих бедствий; эти размышления всегда были напрасны, так как его бедствия, как и его благополучие, являются одинаково необходимым результатом естественных причин, и его мысль, собственно, должна была бы заниматься этими последними, вместо того чтобы придумывать фиктивные причины, о которых он мог составить себе только ложное представление, всегда заимствуя их из наблюдений над собой и из собственных переживаний. Упорно усматривая во всем только себя самого, человек никогда не замечал всеобъемлющей природы, ничтожную часть которой он составляет.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 370, 371, 372.

НЕВЕЖЕСТВО ПЕРВОБЫТНЫХ И ВАРВАРСКИХ НАРОДОВ—ПИТАТЕЛЬНАЯ ПОЧВА ДЛЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Если мы видим в действии какую-нибудь причину, то считаем ее следствия естественными; лишь только мы свыкаемся с ней, как начинаем думать, что знаем ее, и ее действия не поражают нас. Но лишь только мы замечаем необычное следствие и не видим его причины, как наша мысль начинает работать, и тем тревожнее, чем значительнее наблюдаемое нами явление. Наш ум в особенности волнуется тогда, когда ему кажется, что от такого явления зависит наше существование, и это волнение растет по мере того, как мы убеждаемся, что для нашего благополучия существенно важно познать эту причину, так сильно действующую на нас.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 93.

Даже в наше время мало людей с достаточным вниманием изучает природу или знакомится с физическими причинами и вызываемыми ими следствиями. Это невежество было, несомненно, еще значительнее в отдаленные времена, когда по-детски незрелая человеческая мысль не достигла благодаря опыту того прогресса, который мы наблюдаем в ней теперь. Разрозненно жившие дикари вовсе не знали законов природы или знали их крайне несовершенным образом; только общественная жизнь дает возможность развиваться человеческому знанию; чтобы разгадать природу, необходимы разнообразные и взаимодополняющие друг друга усилия. Если иметь это в виду, станет ясно, почему для наших диких предков все явления были чем-то таинственным, а вся природа — загадкой; все явления должны были казаться чудесными и грозными лишенным опыта существам; все, что они видели, должно было представляться им необычным, страшным, противоречащим порядку вещей...

Есть еще одно обстоятельство, которое вводит в обман дикаря и всегда будет обманывать всех тех, кого разум не научил не доверять видимости; это — случайное совпаде-

ние некоторых явлений с причинами, которые их не произвели, или же сосуществование этих явлений с причинами, не имеющими с ними никакой реальной связи. Так, дикарь станет приписывать доброту или желание сделать ему добро любому неодушевленному или одушевленному предмету, например камню какой-нибудь определенной формы, скале, горе, дереву, змее, животному и т. д., если обстоятельства складывались так, что при всякой встрече с этими предметами он пользовался удачей на охоте, в рыбной ловле, на войне или в каком-либо другом начинании...

Восходя от одной причины к другой, люди в конце концов перестали различать что бы то ни было, и в этом-то мраке они поместили своего бога; в этих темных безднах их встревоженное воображение продолжает фабриковать химеры, которые будут страшить людей до тех пор, пока познание природы не освободит их от веры в эти призраки — предметы их постоянного и бессмысленного поклонения.

Если мы захотим понять сущность наших представлений о божестве, то должны будем признать, что словом бог люди всегда обозначают наиболее скрытую, далекую и неизвестную причину наблюдаемых ими явлений; они употребляют это слово лишь в тех случаях, когда перестают разбираться в механизме естественных и известных им причин; утратив из виду последовательность и связь этих причин, они прекращают свои поиски; чтобы покончить с затруднениями, называют богом последнюю причину, т. е. ту, которая находится за гранью всех известных им причин; таким образом, они дают лишь туманное название некоторой неизвестной причине, перед которой останавливаются под влиянием лени мысли или ограниченности своих познаний.

Во всех тех случаях, когда говорят, что бог есть виновник какого-нибудь явления, это означает просто, что не знают, как могло произойти подобное явление при помощи известных нам в природе сил или причин. Так, невежественное большинство приписывает божеству не только поразительные и необычные явления, но и самые простые события, причины которых совсем нетрудно узнать всякому, кто поразмыслит над ними...

По-видимому, благодаря незнанию истинных причин страстей, талантов, поэтического дарования, опьянения и т. д., эти явления были обожествлены под именами *Купидона*, *Аполлона*, *Эскулапа*, *фурий*. У страха и лихорадки

тоже были свои алтари. Одним словом, человек охотно приписывал какому-нибудь божеству все те явления, которых он не мог понять. Вот, без сомнения, почему считали божественными явлениями сновидения, истерические припадки, галлюцинации. Магометане еще и поныне почитают сумасшедших. Христиане считают экстаз небесной милостью. Они называют *видениями* то, что другие называли бы безумием, галлюцинацией, мозговым расстройством; страдающие истерическими припадками женщины особенно подвержены видениям и экстазам; умерщвляющие свою плоть, предающиеся посту монахи находятся в особенно благоприятных условиях, чтобы получать милость всевышнего, т. е. предаваться бредням.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 360, 364—365, 368—369.

Всякое заблуждение пагубно; впав в заблуждение, человеческий род стал несчастным. Не познав природы, он создал себе богов, которые стали единственными предметами его надежд и опасений. Люди... не поняли, что человек должен искать в самой природе и в своих собственных силах средства удовлетворения своих потребностей, лекарства от своих страданий и пути к счастью. Они ожидали этих вещей от каких-то воображаемых существ, в которых видели виновников своих удовольствий и страданий.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 63.

Все боги, которым поклоняются люди, очень древнего происхождения, и вера в них зародилась еще в эпохи варварства; боги были выдуманы невежественными народами или же преподнесены тщеславными и хитрыми вождями простым и грубым людям, не обладавшим ни достаточными умственными способностями, ни мужеством, чтобы критически разобраться в вещах, которым их под страхом наказаний заставляли поклоняться.

Разбираясь в представлениях о боге, которому еще и в наши дни поклоняются самые цивилизованные нации, мы приходим к убеждению, что представления эти мало чем отличаются от верований дикаря. Быть дикарем — значит не признавать иного права, кроме права сильного; это значит

быть безгранично жестоким; это значит руководствоваться только собственной прихотью; это значит не обладать ни предусмотрительностью, ни осторожностью, ни рассудительностью. Так неужели же народы, считающиеся цивилизованными, не узнают в этой характеристике своего бога, которому они курят фимиам? Разве образ божества, рисуемый богословами, не воспроизводит, совершенно очевидно, этого безжалостного, ревнивого, мстительного, кровожадного, своенравного и безрассудного человека, еще не обладающего высокоразвитым разумом современного человека? О, люди! Вы поклоняетесь увеличенному до гигантских размеров дикарю и считаете его образцом, достойным подражания, милосердным повелителем и совершеннейшим из государей!

Религиозные убеждения людей всех национальностей представляют собой неизгладимые пережитки древнего невежества, легковерия и жестокости. Всякий дикарь — ребенок, жадный до всего чудесного, дающего пищу его умственным потребностям; этот младенец никогда не будет рассуждать о вещах, поражающих его воображение; неведение законов природы заставляет его приписывать духам, волшебству, магии все, что кажется ему непонятным и сверхъестественным; в его глазах священники — волшебники, которых он наделяет божественным могуществом, перед которым склоняется его смущенный разум; прорицания этих волшебников представляются ему непререкаемыми законами, которым опасно не повиноваться.

В делах религии большинство людей до сих пор пребывает в состоянии самого первобытного варварства. Все современные религии — не что иное, как пережитки древнего безумия, подновленные применительно к данному времени. Если древние дикари поклонялись горам, рекам, змеям, деревьям и бесконечному количеству разнообразнейших фетишей; если мудрые египтяне обожествляли крокодилов, крыс, луковицы, то разве теперь мы не наблюдаем, как народы, считающие себя и более мудрыми, и более цивилизованными, поклоняются хлебу, воображая, что в этом хлебе, по чудодейственному слову священников, воплощено само божество? Разве этот обожествленный хлеб христианских народов — не такой же фетиш, как и различнейшие вещи и явления, которым поклонялись дикари?

Жестокость, невежество и безрассудство дикаря неизменно во все века отражались и на их религиозных обрядах. Этой печатью варварства, сохранившейся и до нашего

времени, отмечены все религии, исповедуемые самыми цивилизованными народами. Разве не сохранились и сейчас человеческие жертвоприношения? Разве для усмирения гнева божества, которому приписываются жестокость, ревность, мстительность дикаря, не издаются и ныне кровавые законы, на основании которых все заподозренные в неугодном богу образе мыслей подвергаются самым изощренным пыткам? С помощью священников современные люди, пожалуй, даже превзошли в своей невероятной жестокости обычаи самых диких народов. Во всяком случае, никакому дикарю и в голову бы не пришло мучить себе подобных за убеждения, копаться в чужих мыслях и преследовать людей за невидимые, происходящие в их мозгу, мыслительные процессы.

П. Гольбах. Здравый смысл. «Письма к Евгению. Здравый смысл». М., 1956, стр. 340—342.

Люди верят в бога, полагаясь на слова других людей, которые и сами знают о боге не больше их. Первые наши наставники в вере — наши кормилицы; они рассказывают ребенку о боге, как и об оборотнях; они с малых лет учат детей механически складывать ручки для молитвы. Уж не известно ли кормилицам о боге больше, чем детям, которых они учат молиться?

Религия наследуется детьми от отцов как семейное добро вместе со всеми прочими обязательствами. Немногие люди на свете верили бы в бога, не позаботься об этом другие. Каждый из нас получает от родителей и воспитателей того бога, которого они в свою очередь сами унаследовали от своих родителей и учителей; но каждый из нас видоизменяет, перекрашивает и переименовывает этого бога в зависимости от своего собственного характера.

Человеческий мозг, особенно в детстве, — это мягкий воск, сохраняющий отпечатки всех представлений, которые хотят внушить человеку. Воспитанию человек обязан почти всеми своими убеждениями, которые внушаются ему в возрасте, когда он еще не может самостоятельно рассуждать. Мы считаем, что истинные или ложные представления, внушаемые нам в детстве, присущи нашей собственной природе, что мы с ними появились на свет; и эта-то уверенность и есть основной источник наших заблуждений.

П. Гольбах. Здравый смысл. «Письма к Евгению. Здравый смысл». М., 1956, стр. 265.

ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ
И
АНТИНАУЧНОСТЬ
РЕЛИГИОЗНЫХ
ДОГМАТОВ

ПОНЯТИЕ БОГА — ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХИМЕРА

Чем более мы будем вглядываться в бога теологии, тем более противоречивым и бессмысленным будет представляться нам это понятие, которое теология создает словно лишь для того, чтобы немедленно уничтожить. Действительно, что это за существо, стносительно которого нельзя утверждать ничего, что тотчас же не было бы опровергнуто? Что это за благой бог, который постоянно гневается; всемогущий бог, которому никогда не удастся осуществить своих планов; бесконечно блаженный бог, блаженство которого постоянно нарушается; любящий порядок бог, который никогда не может сохранить порядка; справедливый бог, допускающий, чтобы невиннейшие из его подданных вечно терпели несправедливость? Что это за чистый дух, который творит и приводит в движение материю? Что это за неизменное существо, которое является причиной движений и изменений, каждое мгновение происходящих в природе? Что это за бесконечное существо, сосуществующее вместе со вселенной? Что это за всеведущее существо, которое считает необходимым подвергать испытаниям свои творения? Что это за всемогущее существо, которое не может придать своим творениям желательное ему совершенство? Что это за существо, которое обладает всевозможными божественными качествами, но всегда ведет себя как обыкновенный человек? Что это за всемогущее существо, которое ни в чем не успевает и никогда не поступает достойным образом? Оно злобно, несправедливо, жестоко, завистливо, раздражительно и мстительно, как человек; оно терпит, подобно последнему, неудачи во всех своих начинаниях, обладая, однако, всеми атрибутами, способными гарантировать его от человеческих недостатков. Если мы захотим быть добросовестными, то должны будем признать, что это существо — простое ничто и что выдуманный для объяснения природы призрак находится в вечном противоречии с этой природой, ибо, вместо того чтобы объяснить все, он вносит во все хаос.

...Если мы захотим придать какой-нибудь смысл слову бог, о котором люди имеют такие смутные и ложные представления, то окажется, что оно означает просто действующую природу или сумму неизвестных сил, приводящих в движение вселенную и заставляющих все существа действовать согласно заключающейся в них энергии, а следова-

тельно, согласно необходимым и неизменным законам. Но в таком случае слово бог является синонимом слов *судьба, рок, необходимость*; и этой-то олицетворенной и обоготворенной абстрактной идее приписывают *духовность* — другую абстрактную идею, о которой мы не можем составить себе никакого представления. Этой абстракции приписываются разум, мудрость, благодать, справедливость — словом, атрибуты, субъектом которых не может быть подобное существо. Как нас уверяют, люди находятся в непосредственных отношениях с этой метафизической идеей. Эту олицетворенную, обожествленную, очеловеченную, одухотворенную абстракцию, снабженную самыми несовместимыми качествами, наделяют волей, страстями, желаниями и т. д. Эту олицетворенную абстракцию теологи заставляют высказываться с помощью различных откровений, которые они повсюду выдают людям за волеизъявления божества.

Теология поистине какая-то *бочка Данаид*¹. Нагромождая друг на друга противоречивые качества и рискованные утверждения, она, если можно так выразиться, связала своего бога и совершенно лишила его возможности действовать. Действительно, если даже предположить существование бога теологов и реальность его не совместимых друг с другом атрибутов, то отсюда все-таки ничего нельзя заключить относительно предписываемого религией людям богопочитания и определяемого ею поведения. Если бог бесконечно благ, то какой смысл нам бояться его? Если он бесконечно мудр, чего нам тревожиться о нашей судьбе? Если он всеведущ, зачем сообщать ему о наших нуждах и утомлять его нашими молитвами? Если он вездесущ, зачем воздвигать ему храмы? Если он владыка всего, зачем совершать ради него приношения и жертвы? Если он справедлив, то как можно считать его способным наказывать существа, которые он сам создал со слабостями? Если его благодать творит все за них, то на каком основании станет он их вознаграждать? Если он всемогущ, то можно ли его обидеть, можно ли ему сопротивляться? Если он разумен, то может ли он сердиться на слепцов, которым предоставил свободу безрассудства? Если он неизменен, то можем ли мы заставить его изменить свои повеления? Если он непостижим, то почему

---

¹ *Данаиды* — согласно древнегреческой мифологии, дочери царя Даная, которые за убийство своих женихов должны были до конца жизни наливать воду в бочки без дна. «Бочка Данаид» — символ бесконечной и бесплодной работы.

нам надо заниматься им? Если он возвестил свою волю, то почему вселенная не убеждена его словами? Если познание бога самое нужное для человека, то почему оно в то же время не самое очевидное и ясное?

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 449—450, 503, 591—592.

Соединяя в божестве несовместимые качества и противоречивые атрибуты, люди сами уничтожают его. Приписывая богу известные моральные качества, люди делают из него человека, но, награждая его отрицательными атрибутами теологии, они превращают его в химеру, уничтожают все предыдущие представления о нем, низводят его до чистого ничто. Так возвышенные науки, называемые *теологией*, *психологией*, *метафизикой*, становятся чисто словесным знанием, а зараженные ими мораль и политика приобретают характер необъяснимых загадок, раскрыть которые может только исследование природы.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 202.

Теологи, эти фабриканты богов, могут сколько угодно упражняться в своих хитросплетениях и преувеличивать мнимые совершенства бога, делая их в конце концов совершенно непонятными; во всяком случае, несомненно, что существо, способное сердиться и умиротворяющееся под влиянием молитв, не неизменно; существо, которое можно обидеть, не всемогуще, не вполне блаженно; существо, не препятствующее злу свершаться, когда оно могло бы воспрепятствовать этому, дает свое согласие на существование зла; существо, предоставляющее свободу грешить, решило допустить существование греха от века; существо, наказывающее за проступки, которые оно дозволило совершить, в высшей степени несправедливо и неразумно; бесконечное существо, заключающее в себе бесконечно противоречивые качества, нечто невозможное, простой призрак.

Пусть не говорят нам поэтому, будто бытие божье можно рассматривать хотя бы как проблему. Бог, каким его изображает нам теология, совершенно невозможен; все приписываемые ему положительные качества и совершенства немедленно ниспровергаются при малейшем прикосновении

критики. Что касается абстрактных и отрицательных качеств, которыми хотели украсить бога теологи, то они навсегда останутся непонятными, доказывая лишь тщетность усилий человеческой мысли в ее попытках определить существо, которое вовсе не существует.

Человек, перестав понимать самого себя и заблудившись в собственных вымыслах, воображает, будто он обрел бога, между тем как в действительности им выдуманное какое-то фантастическое существо. Бог, наделенный нравственными качествами, создан по образцу человека; бог, наделенный атрибутами теологии, не имеет никакого образца и вовсе не существует для нас: из нелепого смехотворного сочетания двух столь различных существ может получиться лишь простой призрак, с которым у нас не может быть никаких сношений и заниматься которым совершенно бесполезно.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 511—512, 534.

Метафизические и теологические атрибуты божества делают из него какое-то абстрактное и непостижимое существо, когда его начинают отличать от природы и всех заключающихся в ней существ; моральные качества делают из него человекоподобное существо, хотя при посредстве отрицательных атрибутов его пытаются отдалить от человека. Бог теологии — это какое-то изолированное существо, неспособное поддерживать отношения с каким-либо из известных нам существ. Бог нравственности — это всегда лишь человек, которого думали сделать совершенным, мысленно лишив его несовершенств человеческой природы. Нравственные качества людей основываются на существующих между ними отношениях или их взаимных потребностях. Бог теологии не может обладать нравственными качествами или человеческими совершенствами: он не нуждается в людях, он не находится ни в каких отношениях с ними, так как всякие отношения носят взаимный характер. Чистый дух не может вступать в отношения с хотя бы отчасти материальными существами; бесконечное существо не может иметь никаких отношений с конечными, а вечное — с бранными и преходящими существами...

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 448.

Все существующие на земле религии откровения полны таинственных догм, непостижимых доктрин, невероятных чудес, поразительных преданий, которые кажутся созданными с единственной целью помрачить наш разум и сбить нас с толку. Всякая религия проповедует невидимого бога, сущность которого — тайна; следовательно, и приписываемое этому богу поведение так же трудно поддается пониманию, как и его сущность. Во всех самых разнообразных религиях, насажденных богом в самых различных частях земного шара, этот бог высказывался самым загадочным и таинственным образом. Где бы божество ни являло себя людям, оно всюду возвещало о тайнах, то есть божество и не сомневалось в том, что люди столкнутся в его откровениях с непримиримыми противоречиями и непостижимыми прорицаниями, из которых они не смогут извлечь никаких сколько-нибудь ясных понятий.

П. Гольбах. Здравый смысл. «Письма к Евгению. Здравый смысл», М., 1956, стр. 333—334.

Уверяют, что божество решительно требует веры в тайны, которые оно открыло. Но в таком случае божество требует невозможного. Верить — значит быть убежденным. Чтобы быть убежденным в истинности какого-нибудь положения, надо ясно понимать его изложение. Надо чувствовать его очевидность. Но понятия, очевидность которых познаваема, относятся к ведению разума, они доступны человеческому разумению и, следовательно, не являются уже тайнами. Отсюда ясно, что нельзя искренне и твердо верить в тайны. Нельзя быть вполне убежденным в том, чего не понимаешь. Утверждать, что веришь в нечто, о чем не имеешь представления или что заключает в себе противоречивые понятия, — значит лгать или не понимать смысла своих слов. Утверждение, что отец — бог, сын — бог, святой дух — бог и что все-таки существует только один бог, представляет собою непостижимое положение, абсолютно противоречивое, в котором, следовательно, ни один человек на земле не может быть вполне убежден.

Между тем христианская религия полна таких непостижимых положений, которыми неустанно каждый день пичкают простаков. Какую же пользу может получить народ от непонятных догм, о которых ему постоянно жужжат в уши? Разве набожный человек становится умнее и лучше оттого, что ему каждый день говорят о неизреченных тай-

нах троицы, воплощения, искупления, евхаристии, предопределения, свободы воли, благодати и т. п.?

Многие учителя церкви вынуждены были признать, что христианские народы не способны были понять что бы то ни было в своей религии. «Народ,— говорит Григорий Назианский,— спасается благодаря своей неспособности разбираться». Блаженный Августин говорит, что «не способность понимать, а простота веры — вот в чем спасение для толпы».

Нам станут ссылаться на божественное внушение, на откровение самого бога, подтвержденное чудесами. Но ведь само это откровение — непостижимая тайна. Чтобы в него поверить, надо обладать такой же верой, как и для того, чтобы поверить в самые туманные религиозные догматы. Разве не требуется веры, не считающейся ни с какими противоречиями, для того чтобы поверить, что благой бог захотел открыться только нескольким избранным людям? Что справедливый бог ненавидит и осуждает всех тех, кому он не захотел открыться? Разве не требуется непоколебимой веры для того, чтобы вообразить, что благой и мудрый бог, желая открыться своим созданиям, счел нужным возвестить им тайны, то есть говорить им о вещах, которые им невозможно понять?

Что касается чудес, на которые, говорят, опирается это откровение, то требуется много веры, чтобы в них поверить. Чудеса — явления сверхъестественные, которые бесконечно превосходят силы человеческие и которых разум постичь не может.

Впрочем, как это можно понять, чтобы справедливый бог мог творить чудеса для доказательства откровения, противоречащего тем представлениям, которые мы можем иметь о справедливости, мудрости, доброте? Самые эти представления оказались бы непостижимыми тайнами, если бы христианское откровение было истинно. Отсюда следует, что, поскольку откровение само представляет собою тайну, оно никак не может служить обоснованием таинственных догм, которым оно учит христиан, и что те, кто им эти догмы проповедует, не могут быть более осведомлены о них или более убеждены в них, чем люди, которые слушают их, ничего не понимая.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 290—291, 291—292.

Что же такое тайна? Ознакомившись ближе с этим понятием, я очень скоро убеждаюсь, что всякая тайна в основном сводится лишь к противоречию, к явной нелепости, к очевидной бессмыслице, на которые, по желанию богословов, человек должен закрыть глаза; одним словом, тайна — это то, чего нам не в состоянии объяснить наши духовные пастыри.

П. Гольбах. Здравый смысл. «Письма к Евгении. Здравый смысл». М., 1956, стр. 333.

Чем больше будете вы исследовать религию, тем больше найдете поводов убедиться в том, что так называемые *тайны* богословов — не что иное, как камни преткновения, о которые сами же они спотыкаются, не будучи в состоянии связать концы с концами и разобраться в бессмыслице, к которой неизбежно приводят их ложные положения. Само слово «*тайна*» ничего нам не говорит; глубокомысленные же богословы сами ничего не смыслят в вещах, о которых они нам непрестанно толкуют; они придумывают слова, так как не в состоянии объяснить вещи, и именуют *тайнами* все, что понимают не лучше нас.

П. Гольбах. Письма к Евгении. «Письма к Евгении. Здравый смысл». М., 1956, стр. 111.

Приходится, таким образом, прийти к заключению, что у наиболее искренних богословов, когда они нам заявляют, что они вполне убеждены, их вера, которую они называют убежденностью, в сущности говоря, лишь молчаливое присоединение к взглядам людей, которых они считают боговдохновенными, или учителей, к авторитету которых они привыкли относиться с почтением.

В самом деле, во всех странах и во всех сектах изучение богословия состоит исключительно в заучивании *наизусть* мнений, принятых главарями секты, и в механическом следовании их системам...

Наконец, приходится признать, что христиане и их священники либо ни во что не верят, либо не имеют подлинного представления о том, во что веруют. Вера народов представляет собой лишь слепое доверие к знаниям руководителей. А вера этих руководителей тоже основана лишь на доверии к знаниям и добросовестности их святых предшественников; но эта последняя инстанция — святые объявляют

себя боговдохновенными сами. Правда, они доказали это чудесами, но эти чудеса засвидетельствованы опять-таки только ими самими, или о них сообщают нам писатели, связанные с этими святыми или преданные их партии. Вот и все обоснования веры.

Как бы ни обстояло дело с законностью этих притязаний и с достоверностью этих показаний, мы ясно видим, что проповедники христианства не могут быть в большей степени убеждены в проповедуемых ими догмах, чем их послушные слушатели, спокойно воспринимающие те глубокие тайны, которые вероучители каждый день на наших глазах им подносят. Почему же эти краснобаи не перестают сотрясать воздух звуками, с которыми они сами не могут связать никакого представления и которых, следовательно, они не могут осмыслить и для других? А потому, что тьма совершенно необходима для всех тех, кто желает обманывать. Потому, что злодей боится света. Потому, что понятная и ясная религия не принесла бы никакой выгоды духовенству. Потому, что туманные речи, загадки, двусмысленные изречения импонируют черни, которая ценит лишь то, чего она не понимает. Потому, что если кто хочет управлять людьми и располагать ими по своему произволу, то для него важно повергать их в состояние вечного смущения и тревоги. Это самое удобное средство удерживать их под игом обманщиков, взявших на себя попечение об их спасении. Если тайны бесполезны для народа, то они, во всяком случае, очень полезны духовенству. Оно подносит свои речи от имени божества, остающегося всегда скрытым от слабого зрения смертных.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 292, 293—294.

«Верить» на языке христиан означает соглашаться с мнением или верованием священников или ссылаться в затруднительных случаях на своих духовных руководителей.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 291.

Подобно скифам, которые выкалывали глаза своим рабам, чтобы лишить их возможности избавиться от своего несчастья, священники стараются всеми мерами ослеплять народы, чтобы утвердить над ними свою власть и спокойно наслаждаться плодами своих рук.

Таков истинный мотив, по которому христианские учителя придают величайшее значение вере, то есть слепой и неразумной приверженности ко всем мнениям, из которых священники могут извлечь какую-либо выгоду для себя. Не удивительно поэтому, что они в течение стольких веков позорят, преследуют и истребляют всех тех, кто не придерживается этой покорной веры. Такого рода люди, по их мнению, гордецы, подлежащие наказанию, бунтовщики, осмеливающиеся восстать против самого божества, ведь жрецы и боги всегда одна компания. Небо хочет, чтобы безжалостно наказывали тех, кому оно не дало в удел веры, столь полезной для целей наших достопочтенных пастырей.

С другой стороны, наши богословы возвеличили и возвели в святые всех обладателей этой высшей добродетели. Ее достаточно для них, чтобы покрыть все пороки и даже оправдать величайшие преступления.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 17—18.

Государь, если вы желаете иметь священников, вы не можете желать философов, а если желаете философов, не можете желать священников. Ведь философы по самой профессии своей — друзья разума и науки, а священники — враги разума и покровители невежества, и если первые делают добро, то вторые делают зло; вы же не можете желать в одно и то же время добра и зла.

Д. Дидро. Речь философа, обращенная к королю. Избранные атеистические произведения. М., 1956, стр. 242.

Есть наука, предмет которой непостижим. В полную противоположность всем прочим наукам эта наука занимается лишь вещами, не воспринимаемыми человеческими чувствами. Гоббс называет ее *царством тьмы*. Это область, где все подчинено законам, противоположным тем, которые люди в состоянии постичь в обитаемом ими мире. В этом удивительном царстве все светлое и ясное становится темным и смутным, все очевидное — обманчивым или ложным, невозможное — вероятным; законы разума оказываются неверными, а здравый смысл превращается в безумие. Эта наука называется *богословием* и представляет собой непрестанное попрание человеческого разума.

П. Гольбах. Здравый смысл. «Письма к Евгении. Здравый смысл». М., 1956, стр. 253.

Власть священника зависит от суеверия и тупой доверчивости народов. Ему вовсе не нужно, чтобы они были просвещенными. Чем меньше они знают, тем более они покорны его решениям. Интересы духовной власти связаны не с интересами какого-нибудь народа, но с интересами определенной религии (Secte).

*К. Гельвеций. О человеке. Сочинения
в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 34.*

Во всех религиях первая задача, которую ставят себе священники,— это притупить любознательность человека и сделать не подлежащим критическому исследованию всякий догмат, нелепость которого не могла бы ускользнуть от его внимания.

*К. Гельвеций. О человеке. Сочинения
в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 147.*

Учение, поведение попов — все доказывает их любовь к власти. Что защищают они? Невежество. Почему? Потому, что невежда доверчив; потому, что он мало пользуется своим разумом, думает так, как другие; потому, что его легко обмануть и одурачить грубейшими софизмами.

Что преследуют попы? Науку. Почему? Потому, что ученый не принимает ничего на веру без исследования; потому, что он хочет видеть своими собственными глазами и его трудно обмануть. Врагами ученого являются бонза, дервиш, брамин¹, наконец, служитель любой религии. В Европе попы поднялись против Галилея; они подвергли отлучению Вергилия за его открытие антиподов, а Шейнера — за открытие солнечных пятен; они изгнали в лице Бейля здравую логику, а в лице Декарта — единый метод исследования, заставив этого философа покинуть отечество; они обвиняли прежде всех великих людей в колдовстве, а в настоящее время, когда колдовство вышло из моды, они обвиняют в атеизме и материализме тех, кого прежде сожгли бы как колдунов.

Попы всегда старались удалить истину от людского взора. Разве людям запрещается всякое поучительное чтение? Попы запираются с ними в темную комнату и стараются там лишь заткнуть отверстия, через которые мог бы проникнуть свет. Они ненавидят и всегда будут ненавидеть философов. Они всегда будут бояться, чтобы просвещенные люди не свергли власти, основанной на заблуждении и ослеплении.

К. Гельвеций. О человеке. Сочинения
в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 227.

Христианство всегда объявляло войну науке и человеческим знаниям, на них смотрели как на препятствие к спасению. Наука заставляет человека возомнить о себе, говорит апостол. Людям, которые обязаны подчинить свой разум вере, не нужны ни разум, ни наука. Христиане сами признают, что основатели их религии были люди простые и невежественные; ученики их не должны быть просвещеннее их, в противном случае они не будут верить басням и фанта-

---

¹ *Бонза* — европейское название служителя буддийского культа в Японии. *Дервиш* — мусульманский монах, член суфийского ордена. *Брамин* — брахман — жрец индуистских религий, почитающих бога Брахму.

зиям, унаследованным от этих высокопочитаемых невежд. Всегда констатировали, что самые просвещенные люди обычно являются плохими христианами. Наука не только может поколебать веру, она отвращает христианина также от забот о своем спасении — от единственно истинно важного дела. Если наука приносит пользу государству, то невежество еще гораздо полезнее религии и ее слугам. Века, не знавшие науки и промышленности, были золотым веком для церкви Иисуса Христа. Это было время, когда государи находились в наибольшем подчинении у нее, время, когда служители церкви захватили в свои руки все богатства общества...

В свое время папа Григорий Святой велел уничтожить множество языческих книг. На заре христианства св. Павел велит принести книги и сжечь их на его глазах; с тех пор церковь всегда практиковала этот метод. Основатели христианства должны были бы запретить под страхом вечных мук учиться грамоте. Католическая церковь поступила очень умно, изъяв священное писание из рук народа. С тех пор как стали в XVI столетии читать его, повсюду возникали ереси и происходили восстания против попов. Для церкви было счастливое время, когда грамотны были одни монахи, когда грамотность была их монополией. Для тех, кто сомневается в том, что отцы церкви ненавидели и презирали науку, приведем следующие цитаты. Св. Иероним говорит: «Геометрия, арифметика и музыка содержат истину в своей области, но наука благочестия из другой области. Наука благочестия заключается в том, чтобы знать писание и понимать пророков, верить в евангелие и знать пророков». Св. Амвросий говорит: «Что за безумие заниматься астрономией и геометрией: измерять глубину воздушных пространств, забывать то, что дает спасение, предаваться заблуждениям!» Св. Августин говорит: «Астрология, геометрия и подобное в большом презрении у наших, потому что бесполезны для спасения». Геометрию следовало бы запретить во всех христианских государствах, так как она приучает ум логически мыслить.

П. Гольбах. Разоблаченное христианство. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 318—319.

Теология, это сверхъестественная наука, от рождения враждебная опыту, была непреодолимым препятствием для развития естественных наук, почти всегда встречавших ее

на своем пути. Физике, естествознанию, анатомии было разрешено смотреть на все лишь через темные очки суеверия. Очевиднейшие факты с презрением или ужасом отвергались, если их не удавалось согласовать с религиозными гипотезами. Одним словом, теология постоянно противилась счастью народов, прогрессу человеческой мысли, полезным исследованиям, свободе мысли; она удерживала человечество в невежестве; все его шаги под ее руководством были направлены по ложному пути. Можно ли считать решением проблем физики утверждение, что какие-нибудь удивляющие нас факты, малоизвестные явления (извержение вулкана, наводнение, появление кометы и т. д.) представляют собой знаки божьего гнева или же противоречат законам природы?

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. I. М., 1963, стр. 581—582.

Если верить защитникам религии, то без нее ничего в мире объяснить невозможно; природа без религии оставалась бы для нас вечной загадкой, а человек никогда бы не смог понять самого себя. Что же, однако, разъясняет религия? Чем ближе мы к ней присматриваемся, тем мы больше убеждаемся в том, что богословские представления способны лишь запутать человека; богословие из всего делает тайну; оно объясняет нам трудно понимаемые вещи вещами невозможными. Можно ли назвать объяснением приписывание явлений неизвестным побудителям, невидимым силам и нематериальным причинам? Много ли выиграет человеческий ум от того, что в трудных случаях его отсылают к глубинам божественной премудрости, одновременно убеждая его в том, что эти глубины недоступны для смертных? Может ли божественная природа, где все непостижимо, объяснить природу человеческую, которая сама по себе достаточно трудно поддается пониманию?

Попробуйте спросить у христианского философа: как произошел мир? Он ответит вам, что вселенная создана богом. А что такое бог? Это никому не известно. А что значит создать? Этого тоже никто не знает. Что служит причиной эпидемий, недородов, войн, засух, наводнений, землетрясений? Божий гнев. Какие меры можно противопоставить этим бедствиям? Молитвы, жертвоприношения, религиозные процессии и церемонии — вот, говорят нам, истинные средства, способные обезоружить небесный гнев. Поче-

му же, однако, бог может гневаться? Потому, что люди злы. А почему люди злы? Потому, что природа их развращена и порочна. Почему же человеческая природа развратилась? Да потому, не замедлит ответить вам любой европейский богослов, что первый мужчина, обольщенный первой женщиной, вкусил от яблока, к которому бог запретил прикасаться. Кто же побудил эту первую женщину совершить такую глупость? Дьявол. А кто же создал дьявола? Тот же бог. Зачем же бог создал дьявола, которому суждено было совратить род человеческий? Об этом ничего не известно; это тайна, сокрытая в лоне божества.

П. Гольбах. Здравый смысл. «Письма к Евгении. Здравый смысл». М., 1956, стр. 428—429.

ПОДАВЛЕНИЕ РАЗУМА — ПРЕДПОСЫЛКА СУЩЕСТВОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ВЕРЫ

По мнению учителей церкви, первая из добродетелей — вера. Без нее самый честный человек является гнусным чудовищем, достойным наказания, уготованного для преступников.

Но что же представляет собой эта вера, столь необходимая для спасения? Что это за добродетель, которой не знали мудрецы, герои, святые древности? Это — благочестивое недомыслие, заставляющее принять на веру, без проверки, детские сказки, смешные таинства, тайные догмы, безумные мнения и бессмысленные действия, придуманные корыстными вождями для того, чтобы поработить человеческий разум; это — идиотское ослепление, делающее человека рабом страстей и прихотей церкви.

Не удивительно поэтому, что христианское духовенство возвышает веру над всеми человеческими добродетелями и возводит ей трон на развалинах разума. А между тем этот разум — единственное преимущество, отличающее человека от животного. Даже по учению христианства, разум — луч божества. По какой странной прихоти верховный бог мог бы требовать принесения в жертву того самого разума, который он создал? Неужели самому мудрому из существ было бы приятно, чтоб ему служили лишь дураки или автоматы, не способные на самостоятельное мышление?

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 17.

Богословы! Вы говорите, что «безумие в глазах людей — мудрость перед богом, которому угодно ставить в тупик земных мудрецов». Но разве сами же вы не считаете, что человеческая мудрость — дар неба? Говоря же, что эта мудрость негодна богу, что она в его глазах — лишь безумие, что бог направляет ее по ложному пути, вы тем самым утверждаете, что бог может быть другом только людей непросвещенных и что всех здравомыслящих людей он наделил роковым даром, за который в один прекрасный день этот своенравный тиран сам же их жестоко покарает. Не странно ли, что быть в хороших отношениях с вашим богом можно, лишь порвав с разумом и здравым смыслом!

П. Гольбах. Здравый смысл. «Письма к Евгению. Здравый смысл». М., 1956, стр. 355.

Если разум — дар неба и если то же самое можно сказать о вере, значит, небо ниспослало нам два дара, которые несовместимы и противоречат друг другу.

Д. Дидро. Прибавление к философским мыслям, или Разные возражения против сочинений различных богословов. Избранные атеистические произведения. М., 1956, стр. 45.

По словам богословов, вера есть признание *неочевидной истины*. Отсюда следует, что религия требует, чтобы мы твердо верили в вещи недоказуемые и неочевидные, в положения маловероятные и глубоко противоречащие разуму. Но ведь признать разум несостоятельным в вопросах религии — значит признать одновременно и несовместимость веры с разумом? Стало быть, раз служители религии решились устранить разум, они, очевидно, поняли невозможность совместить разум с верой, которая, по-видимому, заключается лишь в слепом повиновении священникам, чей авторитет для многих людей выше любой очевидности и свидетельств наших органов чувств.

«Уничтожьте разум; откажитесь от опыта; не доверяйте своим органам чувств; примите без критики то, о чем мы вам возвещаем именем неба!» — вот к чему неизменно сводится проповедь всех священников на свете; единственное положение, в отношении которого они приходят к единогласному признанию, — это необходимость запретить людям рассуждать, когда они преподносят им доктрины, имеющие якобы первостепенную важность для их счастья.

П. Гольбах. Здравый смысл. «Письма к Евгению. Здравый смысл». М., 1956, стр. 355—356.

Я заблудился ночью в дремучем лесу, и слабый огонек в моих руках — мой единственный путеводитель. Вдруг предо мною вырастает незнакомец и говорит мне: «*Мой друг, задуй свою свечу, чтобы верней найти дорогу*». Этот незнакомец — богослов.

Д. Дидро. Прибавление к философским мыслям, или Разные возражения против сочинений различных богословов. Избранные атеистические произведения. М., 1956, стр. 46.

РАЗРУШЕНИЕ
БОГОСЛОВСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ
ПРОИСХОЖДЕНИЯ
И
РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ХРИСТИАНСТВА

РАЗВЕНЧАНИЕ МИФА О БОГОВДОХНОВЕННОСТИ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

В доказательство своего божественного происхождения христианская религия ссылается на книги, которые считает священными, внушенными самим богом. Посмотрим, обоснованы ли эти притязания. Посмотрим, действительно ли эти произведения носят печать мудрости, всеведения и совершенства, которые мы приписываем божеству.

В почитаемой христианами Библии, в которой якобы каждое слово внушено богом, собраны без разбора священные книги евреев, известные под именем *Ветхого завета*, и более поздние произведения, написанные основателями христианства, тоже по наитию от бога, и известные под именем *Нового завета*. Эти книги служат основой и кодексом христианской религии.

Первыми следуют в Библии пять книг, приписываемые Моисею; он писал их, так сказать, в качестве секретаря бога.

П. Гольбах. Разоблаченное христианство. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 274.

Библейские воззрения на природу — продукт человеческого невежества

Я не собираюсь затруднять вас перечислением скучнейших подробностей, неудач и промахов, которыми пестрит история Моисея, продиктованная якобы самим богом; если прочесть это повествование с некоторым вниманием, мы на каждом шагу столкнемся в нем с нелепостями из области физики и астрономии, непростительными для автора, вдохновленного свыше; таких ошибок не смог бы допустить человек, хотя бы поверхностно изучавший или даже просто наблюдавший природу. Вы узнаете, например, что свет был создан раньше Солнца, тогда как совершенно очевидно, что оно — единственный источник света для земного шара. Вы найдете там смену дня и ночи, происходящую также до создания Солнца, хотя только его присутствие может означать день, а отсутствие — ночь. Вы прочтете, что Луна — светя-

щееся тело, подобное Солнцу, тогда как известно, что эта планета излучает только отраженный солнечный свет. Эти грубые ошибки доказывают, что бог, явившийся Моисею, плохо разбирался в созданном им же из ничего мире и что вы в этом отношении осведомлены гораздо лучше творца вселенной.

Мне, конечно, известно, что у наших богословов имеется готовое оправдание таких нелепостей, компрометирующих божественный разум, оказывающийся по своему уровню много ниже Галилея, Декарта, Ньютона и даже тех юнцов, которые приступают к изучению основ физики: богословы скажут вам, что бог, чтобы быть понятым дикими и невежественными иудеями, сообразовался с их грубыми понятиями, с темным и невразумительным языком первобытного народа. Этот довод, представляющийся вполне убедительным нашим докторам богословия и столь часто повторяемый ими, когда им приходится защищать Библию от обвинений в безграмотности и невежестве, удовлетворить нас не может. Мы возразим, что бог, все сотворивший и всемогущий, мог бы единственным словом вразумить невежественный народ и дать ему возможность понять природу вещей более совершенно, чем это сделали много позднее наши ученые. Если нам скажут, что откровение не имеет целью сделать из людей ученых, а заботится лишь об их благочестии, я отвечу, что откровение не должно все же распространять ложных представлений; что богу не подобает заимствовать язык у невежд и лжецов; что наука о природе не только не может повредить благочестию, но должна бы быть лучшим свидетельством божьего величия; что религия была бы непоколебимой, если бы не противоречила истинной науке; что священное писание и повествование Моисея не вызывали бы никаких возражений, не грешили они на каждом шагу против законов физики и наших познаний в астрономии и геометрии. Утверждать противное и говорить, что бог волен извращать человеческую науку и делать ее бессмыслицей,— значит считать, что он находит удовольствие в том, чтобы обманывать человека, держать его в невежестве, что ему неуютен какой бы то ни было прогресс человеческого разума, творцом которого мы все же должны его считать. Говорить, что бог должен был в своих откровениях применяться к человеческому языку и пониманию,— значит утверждать, что он не захотел просветить разум людей для понимания его откровений или не смог подготовить их к восприятию языка истины. Это замечание

не следует упускать из виду при изучении священного писания, в котором на каждой странице бог допускает недостойные его выражения.

П. Гольбах. Письма к Евгении. «Письма к Евгении. Здравый смысл». М., 1956, стр. 86—87.

Что касается возвышенных знаний Моисея, то, за исключением магических фокусов, которым он мог научиться у египетских жрецов, славившихся в древности своим шарлатанством, мы в писаниях еврейского законодателя не находим ничего, что свидетельствовало бы об истинном знании. Множество ученых справедливо отмечают ошибки, которыми этот вдохновенный писатель наполнил свою космогонию, или историю сотворения мира. Из его рук вышла лишь сказка, от которой покраснел бы в наши дни самый скромный физик.

То же самое относится к его рассказу о сотворении человека. Он говорит, что бог сотворил человека «из праха земного». Это представление он, несомненно, позаимствовал в Египте, где считали, что человек создан из праха, или ила реки Нила. Что касается первой женщины, то, по Моисею, она вышла из ребра первого человека. Созданных таким образом супругов он помещает в сад, орошаемом реками, которые никак не могли оказаться в одном и том же месте. Этот сад, который евреи называют Ган-Эден, или Ган-Адонай, а христиане — земным раем, долго тщетно занимал умы богословов, которые производили глупые изыскания, чтобы узнать его настоящее местоположение. Эти ученые-географы сберегли бы много бессонных ночей, если бы у них хватило здравого смысла, чтобы понять, что сад этот существовал лишь в воображении автора сказок, украсившего по-своему известные ему понаслышке сведения о «садиках Адониса», бывших предметом культа в Сирии.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 30—31.

Различные народы, которым поочередно были подвластны евреи, передали им множество догматов, взятых из языческих религий. Таким образом, иудейская религия, возникшая в Египте, переняла обряды, понятия и часть верований от тех народов, с которыми евреи приходили в соприкосновение. Поэтому не удивительно, что евреи и следовавшие за ними христиане прониклись идеями, заимствованными у финикиян, у персидских магов, у греков и римлян. Рели-

гиозные заблуждения людей обладают общими чертами и различаются только по своим комбинациям. Сношения евреев и христиан с греками познакомили их, в частности, с философией Платона, столь близкой восточной романтике и столь родственной по духу религии, которая вменяла себе в обязанность стать недоступной для разума.

По всему видно, что космогония евреев сплетена исключительно из басен и аллегорий; она не в состоянии дать нам ни малейшего представления о вещах и может удовлетворить только дикий, грубый и невежественный народ, чуждый науке и размышлению.

В прочих книгах, приписываемых Моисею, мы находим множество неправдоподобных сообщений чудесного характера и ворох смешных и произвольных законов, а под конец автор рассказывает о своей же смерти. Книги, написанные после Моисея, свидетельствуют о таком же невежестве: Иисус Навин приказывает солнцу остановиться, между тем как оно вообще не вращается; Самсон, еврейский Геркулес, сокрушает храм... Подобные фантазии и ошибки можно цитировать без конца, они на каждом шагу встречаются в этом произведении, которое имеют наглость приписывать духу святому.

П. Гольбах. Разоблаченное христианство. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 233—234, 275.

Нелепость ветхозаветных представлений о боге

...Из писаний Моисея видно, что, несмотря на его близкие отношения с богом, никто никогда не имел более нелепых, обидных и смешных представлений о божестве. Не успел этот бог создать человека, как он уже замышляет его гибель; он подставляет ловушку этому простаку; он запрещает ему есть от древа познания; он угрожает ему смертью за неосторожное прикосновение к этому дереву, но разрешает дьяволу искусить женщину; последняя искушает своего мужа, и бог, который благодаря своему всеведению должен был предвидеть, что отсюда произойдет, осуждает на смерть наших прародителей за проступок, который совершен, по крайней мере, при его попустительстве. Не довольствуясь

тем, что столь жестоко наказал их за съеденное яблоко, бог несправедливо распространяет свое осуждение на все их потомство, которое тогда еще не существовало и не могло, следовательно, участвовать в прегрешениях первых людей.

В результате греха Адама все человечество стало грешным и несчастным. По мере того как оно размножалось, оно все более и более развращалось.

Его беззакония умножились до того, что бог Моисея, который никогда ничего не предвидел и не предупреждал, раскаялся в том, что создал человека. Чтобы исправить свою глупость, он подвергает потопу весь человеческий род. Единственные, кого бог спасает от всеобщего разрушения,— это Ной и его семейство. Этому патриарху предназначено вновь заселить землю, новой породой людей, которая окажется, однако, не лучше первой. Иегова не предвидел, что новые обитатели земли не будут ему более угодны, чем те, которых он погубил. Потомки Ноя вновь предаются преступлениям, они скоро забывают бога, потопившего род человеческий. Словом, весь мир обращается к идолопоклонству и покидает «истинного» бога ради ложных божеств...

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 31—32.

Мы уже указывали на те отвратительные и порою абсурдные черты, которые Библия придает богу. Все поведение его в Библии смешно и нелепо; он непостоянен, на каждом шагу противоречит себе, поступает опрометчиво, раскаивается в своих делах, десница его разрушает то, что воздвигнуто шуйцей его, устами одного пророка он отрекается от того, что возвестил устами другого; этот бог, карающий смертью весь род человеческий за прегрешение одного человека, объявляет устами Иезекииля, что он бог праведный и не карает детей за грехи отцов. Устами Моисея он приказывает сынам Израиля обокрасть египтян, а в десяти заповедях, обнародованных в законе того же Моисея, запрещает им воровство и убийство. Одним словом, этот Иегова, постоянно сам себе противоречащий, применяется в книге, внушенной его духом, к обстоятельствам, никогда не соблюдает одной, твердой линии поведения и часто проявляет такие деспотические черты, которые должны заставить покраснеть самого отъявленного негодяя.

П. Гольбах. Разоблаченное христианство. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 276.

О недостоверности евангелий

Обращаясь к Новому завету, мы тоже не находим в нем следов того духа истины, который якобы диктовал этот труд. Четыре историка или рассказчика сказок написали чудесную историю мессии; они передают обстоятельства его (т. е. Иисуса Христа.— *Ред.*) жизни, уклоняясь друг от друга, и местами впадают в самые резкие противоречия между собой. Родословная Христа у св. Матфея отличается от родословной его у св. Луки; в передаче одного евангелиста Христос отправляется в Египет, другой ни словом не упоминает об этом бегстве; у одного миссия Христа продолжается три года, у другого — только три месяца. Такой же разноречивой в изложении подробностей событий. Согласно св. Марку, Иисус умер в третьем часу, т. е. в девять часов утра; св. Иоанн говорит, что он умер в шестом часу, т. е. в полдень. Согласно св. Матфею и св. Марку, жены, пришедшие после кончины Иисуса к его гробу, встретили только одного ангела; по словам св. Луки и св. Иоанна, они встретили двух ангелов. По словам одних, эти ангелы были внутри гробницы, по словам других — вне ее. Несколько чудес Иисуса Христа эти евангелисты тоже рассказывают каждый на свой лад, хотя якобы были очевидцами их или пишут по наитию от бога. Такая же разноголосица в описании явлений Христа после его воскресения.

Не должно ли все это внушить нам сомнения в непогрешимости евангелистов и в их боговдохновенности?

П. Гольбах. Разоблаченное христианство. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 276—277.

Беспримерное бесстыдство ссылаться на согласованность евангелий; как известно, в одних евангелиях повествуется об очень важных событиях, о которых ни словом не упоминается в других.

В первые века христианской эры существовало шестьдесят евангелий, которые пользовались почти одинаковым авторитетом. Пятьдесят шесть из них были отброшены как

ребяческие и вздорные. Не осталось ли кое-что из этого и в тех, которые были сохранены?

Д. Дидро. Прибавление к философским мыслям, или Разные возражения против сочинений различных богословов. Избранные атеистические произведения. М., 1956, стр. 52, 55.

Марк¹, один из первых поселенцев аллеи терний², надевшийся, может быть, завербовать Мениппа³ в свое войско, принялся подробно рассказывать обо всех художествах своего начальника (имеется в виду Иисус Христос.—*Ред.*), о том, как он родился от девы, как волхвы и пастухи признали его божественность, когда он был еще в пеленках, о чудесах, сотворенных им в детстве и в последние годы, о его жизни, смерти и воскресении. Ничто не было позабыто. При этом Марк не ограничился одними делами сына человеческого (так называл себя иногда его господин, особенно в тех случаях, когда было опасно величать себя более пышными титулами), но воспроизвел также его речи, проповеди и заповеди. Словом, это было исчерпывающее изложение как его биографии, так и установленных им законов.

Когда Марк кончил, Менипп, слушавший его терпеливо и не перебивая, взял слово и стал говорить, но таким тоном, который явно показывал, что он не очень-то намерен увеличить собою войска Марка...

«Ваш начальник,— сказал он,— жил совсем недавно; все пожилые люди были его современниками. Неужели вы серьезно думаете, что в такой часто посещаемой римской провинции, как Иудея, могли происходить столь необычайные дела, и происходить три-четыре года подряд, а никто об них и не услышал? В Иерусалиме находятся наш губернатор и многочисленный гарнизон; в вашей стране то и дело бывают римляне; между Римом и Яффой все время идет торговля, а мы даже и не знали о существовании вашего вождя. Его соплеменники могли видеть или не видеть творимые им чудеса, как им было угодно; но остальные люди видят обыкновенно то, что у них перед глазами, и

¹ Марк — один из мифических евангелистов.

² Аллея терний — символическое обозначение церковно-религиозного мира христианства.

³ Менипп — образ здравомыслящего философа (обитателя «аллеи каштанов»), вскрывающего недостоверность религиозных преданий и выступающего против церковников.

только это и видят. Вы мне говорите, что наши солдаты засвидетельствовали чудеса, произошедшие во время его смерти и воскресения,—и густой мрак, затмивший на три часа солнечный свет, и землетрясение, и все прочее. Но когда вы мне рассказываете, что они были поражены, объ- яты ужасом, повержены в прах и пустились в бегство при виде ангела, сошедшего с неба, чтобы отвалить камень от его гробницы; и когда вы затем уверяете, что те же солдаты из низкой корысти отказались подтвердить чудеса, столь их поразившие, что они чуть не умерли со страха,—то вы забываете, что это были люди, или, по крайней мере, превращаете их в идумейцев¹, точно воздух вашей родины обладает свойством завораживать глаза и расстраивать ум иноземцев, которые им дышат. Поверьте, если бы ваш вождь совершил хоть малейшую часть того, что вы ему приписываете, об этом узнали бы император, Рим, сенат, весь мир. Этот божественный человек сделался бы темой наших бесед и предметом всеобщего изумления, а между тем о нем все еще ничего не знают. Вся иудейская провинция, за исключением небольшой кучки людей, считает его обманщиком...»

Ну, так как же, Арист², что ты думаешь об этой беседе? Я предвижу твой ответ. Согласен, скажешь ты, что эти идумейцы, наверное, были большими дураками; но невозможно, чтобы в целом народе не нашлось ни одного человека с головой... И мне хотелось бы услышать беседу Мениппа не только с апостолом Иоанном или евангелистом Марком, но также с историком Иосифом или философом Филоном. Толпе дураков всегда было позволительно верить в то, что не гнушались признать даже немногие разумные люди; и безмозглая доверчивость первых никак не может опорочить просвещенного свидетельства вторых. Поведай же мне: что говорит Филон о начальнике аллеи терний?.. *Ничего*. Что думал о нем Иосиф?.. *Ничего*. Что рассказывает о нем Юстус Тивериадский? *Ничего*. И как же ты хочешь, чтобы Менипп беседовал о жизни и делах этого человека с лицами хоть и весьма образованными, но никогда ничего о нем не слыхавшими? Они не забыли ни об Иуде Галилейском, ни о фанатике Ионафане, ни о бун-

---

¹ *Идумейцы* — так именуются здесь обитатели «аллеи терний», т. е. христиане.

² *Арист* — собеседник Мениппа, усваивающий его взгляды на религию и церковь.

товщике Тевде; но они умолчали о сыне твоего государя. Как же это так? Неужели они не различили его в толпе плутов, которые восставали один за другим в Иудее и, едва появившись, тотчас же исчезали бесследно?

Обитатели аллеи терний были задеты унижительным для них молчанием современных историков об их вожде и еще бóльшим презрением, которое испытывали к ним старинные обитатели аллеи каштанов. Что же они надумали в этом тяжелом положении? Они решили уничтожить следствие, уничтожив причину. «Как это,— воскликнешь ты,— уничтожив причину? Я тебя не понимаю. Неужели же они заставили говорить Иосифа через несколько лет после его смерти?..» Представь себе, что ты догадался: они вставили в его историю похвалу их начальнику. Но подивись их неумелости: так как они не сумели ни придать правдоподобие сочиненному ими отрывку, ни выбрать для него подходящее место, то подлог вышел совершенно явным. Иосифу, еврейскому историку, человеку священнического звания, очень преданному религиозным законам своего народа, они вложили в уста слова своих вожатых; и куда же они вставили эти слова? В такое место, где они нарушают весь смысл речи автора.

Д. Дидро. Прогулка скептика, или Аллеи. Избранные атеистические произведения. М., 1956, стр. 78—81.

Неубедительность ссылок на ветхозаветные пророчества

...Пророчества еврейских пророков темны, и в них можно найти все, чего захочешь. Так, некоторые пророчества их христиане относят к Иисусу Христу, между тем как евреи не толкуют их в этом смысле и все еще ожидают своего мессию, пришедшего, по мнению христиан, уже 18 веков назад. Еврейские пророки всегда предсказывали своему беспокойному, недовольному своей долей народу пришествие избавителя; такого избавителя ожидали также римляне и почти все народы мира. Все люди надеются, что наступит конец их бедам — это естественная черта; все думают, что провидение не может отказать им в этом...

Так или иначе, предумышленная двусмысленность пророчеств позволяет приложить пророчества о мессии, или

освободителе, Израиля ко всякому незаурядному человеку, ко всякому мечтателю или пророку, появлявшемуся в Иерусалиме или Иудее. Христиане, воспламененные своим Христом, видели его повсюду и вбили себе в голову, что определенно открыли его в самых загадочных местах Ветхого завета. С помощью аллегорических толкований, замысловатых комментариев и натяжек они уверили себя, что нашли подлинные предсказания пришествия Христа. Они нашли их в нескладных фантазиях, туманных пророчествах и несуразном пустословии пророков.

При желании можно найти в Библии все, если поступать, как св. Августин, который нашел в Ветхом завете весь Новый завет. Согласно Августину, жертва Авеля есть прообраз жертвы Иисуса Христа, две жены Авраама — это синагога и церковь; лоскут червленной шерсти, с помощью которого блудница предала Иерихон, означает кровь Иисуса Христа; агнец, козел, лев — образы Иисуса Христа; медный змий знаменует крестный путь Христа; даже таинства христианской религии возвещаются в Ветхом завете: манна означает евхаристию и т. д. Каким образом человек, будучи в своем уме, может видеть в Эммануиле, возвещаемом Исайей, мессию, имя которого Иисус? Как можно отождествлять безвестного, преданного казни еврея с царем, который будет править народом израильским? Как можно видеть царя-избавителя, восстановителя еврейского народа, в человеке, который не только не освобождает своих соотечественников, но пришел уничтожить закон Израиля, в человеке, после прихода которого небольшая Иудея была разгромлена римлянами? Только совершенно невменяемые люди могут видеть мессию в этих предсказаниях. Что касается пророчеств самого Иисуса, то, как видно, они тоже не были более ясными и более удачными. В евангелии от Луки, гл. 21, он, очевидно, возвещает страшный суд; он говорит об ангелах, которые при звуках труб соберут людей, чтобы они предстали перед ним. И прибавляет: истинно говорю вам: не прейдет род сей, как все это будет. Между тем мир все еще существует, и христиане вот уже восемнадцать веков ждут страшного суда.

П. Гольбах. Разоблаченное христианство. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 254, 256—257.

Учение ессенов как источник формирования христианских воззрений

Нам уже не раз приходилось отмечать, что христианство стремится отчуждать людей друг от друга, делать их суровыми и дикими, разрывать наиболее приятные для них узы. Добрый христианин обязан смотреть на себя как на странника и путешественника в этом мире. По мнению Тертуллиана, самое неотложное дело — покинуть землю. Все рассеянные в евангелиях заповеди Христа имеют целью оторвать человека от семьи, заставить его отречься от родных, жены и друзей, чтобы всецело отдаться мрачным размышлениям над химерами, которые выдают за вечные истины.

Эти заповеди Христа, распространенные после него апостолами, заимствованы, очевидно, из поведения некоторых набожных и фанатичных евреев, известных под именем ессенов, ессеев и терапевтов, обычаи которых сохранил нам Филон Еврей. Вот что он о них сообщает: «Терапевты бросали свое имущество, жен, детей, отцов, всех родных, чтобы теснее сблизиться с богом. У них было несколько книг древних авторов и главарей секты, в которых священное писание толковалось аллегорически. Они встречались в различных странах, они жили сообща, имели священников, дьяконов, дев, монастыри, или обители, священные мистические трапезы. Они собирались ночью, проводя время в пении гимнов, они молились богу, обратившись на восток». Тот же автор прибавляет, что они соблюдали строгий пост и часто оставались без пищи три дня и даже шесть.

Имя ессены, или ессеи, ученый Леклерк выводит из сирийского слова, означающего «святой», «благочестивый», «добрый». Он полагает, что их было два вида — «деятельные, или активные», и «теоретики, или созерцатели». Последние не приносили жертв богу и этим явно отличались от других евреев. Утверждают также, что они воздерживались от всяких клятв. Они с величайшей строгостью соблюдали субботу, не позволяя себе в этот день даже сдвинуть посуду с места или удовлетворять самые настоятельные потребности. Они презирали несчастья и с радостью встречали смерть. У них были, говорят, взгляды на характер души и на бессмертие, сходные со взглядами Платона. Леклерк утверждает, что «созерцательные ессеи» — то же самое, что и терапевты, о которых говорил Филон.

Легко заметить поразительное сходство между образом жизни этих фанатиков-евреев и первых христиан. Действительно, многие авторы полагают, что под именем терапевтов Филон хотел обозначить христиан. Таково было почти всеобщее мнение древних отцов церкви, которые имели возможность знать истинное происхождение своей собственной секты. К этим свидетельствам мы прибавим еще, что некоторые ученые предполагали, не без достаточного основания, что сам Иисус мог быть одним из этих ессеев, или терапевтов, который странствовал по Иудее, чтобы вербовать сторонников, и по примеру всех реформаторов вообразил, что кое-что изменил в установлениях секты. Все его нравственные заповеди, имеющие действительно монашеский характер, кажутся заимствованными из учения этих евреев-фанатиков, от которых он отличается лишь тем, что часто проявляет пренебрежение к субботе. Что касается его пристрастия к аллегориям, то это доказывается евангелием, и мы видим, что апостолы дали аллегорическое толкование всему Ветхому завету.

Есть все основания считать, что ессеи, или терапевты, скоро смешались с учениками Христа. Некоторые критики считали, что ессеи, жившие по соседству с Александрией, были обращены в христианство евангелистом Марком. Наконец, надо полагать, что эти самые евреи без труда принимали религию Христа, столь сходную с их обычаями и взглядами. Это предположение подтверждается еще одним замечанием: в эпоху историка Иосифа Флавия были у евреев три секты — фарисеи, саддукеи¹ и ессеи. Но после этого времени уже нет речи о ессеях. По всей видимости, они перестали так называться, поскольку они приняли христианскую религию.

Как бы то ни было, нет сомнения, что первые христиане в Иерусалиме во всем подражали образу жизни терапевтов, или ессеев. То были, по всем данным, настоящие монахи, которые имели все общее, постились, молились, непрерывно размышляли о писании, которое их вожди толковали аллегорически. Они пели гимны или псалмы, «пророчествовали», то есть кривлялись, плясали и произносили бессвязные речи, думая, что они вдохновлены духом господа. Таково

---

¹ *Фарисеи* — древнеиудейская религиозно-политическая секта, выражавшая интересы средних слоев рабовладельческого общества Иудеи. *Саддукеи* — древнеиудейская религиозно-политическая секта, выражавшая интересы верхушки рабовладельческого общества Иудеи и представленная жреческой аристократией.

было христианство в колыбели. И таково было, собственно говоря, начало монашества, целью которого было вернуть христиан к их первоначальным установлениям.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 248—250.

Христианство не более обоснованно и истинно, чем другие религии

У нас имеются законные основания подвергать сомнению еврейское и христианское откровения. Впрочем, в этом отношении у христианства нет преимущества перед любой другой религией; все они, при всем различии между собой, объявляют себя богоустановленными и монопольными обладательницами милости божьей. Индус уверяет, что его религия установлена самим Брамой. Народы Скандинавии получили свою религию от грозного Одина. Если евреи и христиане получили ее от Иеговы через посредство Моисея и Иисуса Христа, то магометанин уверяет, что его религия дана ему пророком, получившим вдохновение от того же бога. Таким образом, все религии утверждают свое небесное происхождение, все они запрещают обращаться к разуму для проверки их священных притязаний, каждая из них объявляет себя истинной религией, а все остальные религии ложными, все они грозят громами небесными тем, кто откажется подчиняться их авторитету. Наконец, все они носят печать лживости; вот доказательства: сплошь да рядом все религии состоят из явных противоречий, все они дают нескладные, темные и подчас отвратительные представления о божестве, приписывают ему несуразные законы, все они вызывают споры среди своих последователей, и, наконец, все религии до единой представляют собой сплошное нагромождение лжи и фантазии, одинаково возмущающих разум. Итак, притязания христианской религии не имеют никакого преимущества перед другими суевериями, которыми наводнен мир. Божественное происхождение ее оспаривается у ней всеми прочими религиями с таким же правом, с каким она оспаривает его у них.

П. Гольбах. Разоблаченное христианство. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 248—249.

События, которые кладутся в основу религий, древни и чудесны, т. е. самое сомнительное, что только может быть, приводится в доказательство самого невероятного.

Доказывать евангелие с помощью чуда значит доказывать нелепость с помощью противоестественного явления.

Д. Дидро. Прибавление к философским мыслям, или Разные возражения против сочинений различных богословов. Избранные атеистические произведения. М., 1956, стр. 48.

РУКОТВОРНОСТЬ ХРИСТИАНСКОГО ВЕРОУЧЕНИЯ И КУЛЬТА: АПОСТОЛЫ, ПЕРВЫЕ ЕПИСКОПЫ, ЦЕРКОВНЫЕ СОБОРЫ

Решающая роль обрядовых
и доктринальных новшеств,
приписываемых апостолу Павлу,
в отмежевании христианства от иудаизма

Деяния апостолов сообщают нам, что мир в церкви скоро был нарушен ожесточенными спорами и настоящим расколом. Зачинщиком этих споров был один из величайших христианских святых, которого церковь почитает как одного из основоположников христианства, — я имею в виду Павла. Вначале он был ярким врагом христиан. Но бог чудесным образом изменил его сердце, и он стал одним из самых пламенных проповедников новой секты. Так как его рвение навлекло на него преследования со стороны евреев, он был вынужден бежать из Иерусалима. Недовольный израильтянами, он начал проповедовать среди язычников.

Деяния апостолов сообщают, что его проповедь имела огромный успех в Малой Азии и Греции. Он понимал, что для того, чтобы облегчить свои духовные завоевания среди язычников, надо проявить снисходительность к ним. Он поэтому освободил их от выполнения некоторых еврейских обрядов и церемоний, которые были им противны. В частности, он счел полезным для успешности пропаганды избавить обратившихся в новую веру язычников от такой нелепой и болезненной церемонии, как обрезание.

Уступчивость Павла не понравилась прежним апостолам. Они рассматривали это как ересь. Будучи, как и их учитель Иисус, евреями, они сначала находили, что очень нехорошо освобождать прозелитов из язычников от обрезания, этого удивительного знамения завета между всевышним и Авраамом и его потомками. Так как Христос выдавал себя только за реформатора, не собиравшегося уничтожать законы Моисея, апостолы не могли так легко согласиться на то, чтобы выбросить из религии обряд, который считали необходимым для спасения.

Павел прибыл в Иерусалим, чтоб поддержать свою точку зрения против остальных апостолов. Последние вы-

нуждены были уступить. Они боялись, должно быть, погубить зарождающееся движение ссорой с таким буйным по характеру человеком, как Павел, к тому времени сколотившим себе уже довольно многочисленную группу сторонников. Апостолы собрались на собор в Иерусалим и от имени святого духа заявили, что, хотя сам бог объявил обрезание необходимым для спасения евреев, в нем нет необходимости для спасения язычников...

Деяния апостолов и послания нашего святого доказывают, что он был изобретателем религии, сильно отличающейся от религии, которую исповедовал его божественный учитель. Последний ведь жил и умер последователем религии своей страны, подчинялся предписаниям Моисеева закона и был, как и все евреи, обрезанным.

Одним словом, легко убедиться, что святой Павел стал вожаком течения, отличавшегося во многих отношениях от направления остальных апостолов. Последние хотели сохранить иудаизм и сочетать его с христианством, которое в первое время заключалось лишь в признании Иисуса мессией и в обряде крещения. Между тем апостол язычников требовал полной отмены закона Моисея. Он всюду изображает его как религию аллегорическую и несовершенную, которую Иисус отменил. Так как партия святого Павла усилилась благодаря обращению язычников, апостолом коих он являлся, то она одержала верх над иудействующими христианами и над апостолами-евреями.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 96—97, 98—99.

Неопределенность и противоречивость новозаветных основ христианства

Отсюда видно, что христианское учение было в первые века существования церкви еще очень слабо обосновано. К тому же, как мы уже видели, апостолы, хотя их якобы наставлял Иисус Христос и просветил дух святой, сильно расходились между собой. Мы видим, что ересиархи создают секты уже во времена апостолов, которые ведь должны были бы уметь разрешать все вопросы, касающиеся веры. Уже в то время христиане подвергали сомнению основные догмы христианской религии. Мы видим, наконец, непрерывный ряд еретиков, раскалывающих церковь с самого ее зарождения. При этом все основывали свои

мнения на евангелии и писаниях апостолов. Все нападали и защищались, ссылаясь на одни и те же произведения.

Не будем, однако, удивляться этому. Эти произведения, которые христиане считают божественными откровениями, являются таковыми лишь по признаку исключительной туманности, двусмысленности, загадочного стиля, противоречивости.

Речи, влагаемые евангелием в уста Иисуса, часто оставляют нас в недоумении насчет его самого. На основании его собственных слов невозможно решить, бог ли он в самом деле или только человек, посланный богом. Он называет себя то «сыном человеческим», то «сыном божьим». Он говорит, что он ниже своего отца. Он знает только то, что отец ему открыл. Он не может определить время своего второго пришествия, или конца света, и т. п. А ведь его подчиненное положение и незнание не согласуются с представлением христиан об Иисусе как о бже, равном в знании, мудрости и могуществе своему богу-отцу.

Одним словом, евангелия своими противоречиями оставляют нас в потемках по основным пунктам, которые считаются самыми важными для спасения. Получается, что они обеспечивают успех самым противоречивым воззрениям, что они как бы специально написаны для того, чтобы дать возникнуть ересям. Бог в них открывается только для того, чтоб поставить ловушки верующим.

То же относится и к писаниям, приписываемым апостолам. У кого слишком мало веры, чтобы принимать все противоречия и находить в книгах то, чего в них нет, видят в произведениях апостолов, особенно Павла, пышную галиматью, сплетение неудобоваримых мыслей, беспорядочную кучу фанатических понятий — раввинских, каббалистических, платонических и т. п., — которые с равным успехом могут служить основой для диаметрально противоположных богословских воззрений. Так, современные богословы находят в посланиях Павла подходящие места для доказательства самых противоречивых взглядов на благодать, предопределение, оправдание, на пользу или бесполезность добрых дел для спасения христиан и т. п.

Церковь, именующая себя ортодоксальной, часто, как мы видели, расходится с мнениями, утвердившимися в писаниях апостолов, и с предписанными ими правилами. Так, вопреки формальному постановлению Иерусалимского собора апостолов, вдохновленного святым духом, церковь разрешает христианам есть «кровь и удавленину», тогда как

эта пища категорически была запрещена первым христианами.

Святой Павел расходился с нынешним воззрением церкви на природу человека, когда писал (I послание к фессалон., 13), что человек состоит из трех частей: тела, души и духа...

Таким образом, евангелия и писания апостолов недостаточно ясно фиксировали христианское учение. В результате во все последующие века возникают новые мнения, ереси и новые догматы веры.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 102—104.

Борьба различных группировок в первоначальном христианстве за право определять его вероучение и культ

...Евангелие и прочие произведения апостола Иоанна встретили серьезные возражения со стороны христиан уже с первых шагов христианства. Алогиане¹, отвергавшие платоновское понятие о Слове, которое мы находим у Иоанна, отвергали и евангелие его, приписав его еретiku Керинфу. В самом деле, чрезвычайно трудно поверить, чтобы апостол Иоанн был настолько сведущ в платоновской философии, как автор евангелия, фигурирующего под его именем. А может быть, платонизм был ему сообщен в откровении?

Между прочим, авторитет этого апостола-платоника утвердил в церкви удивительный догмат троицы. В главе 5, стихе 7 первого своего послания он пишет: «Три свидетельствуют на небе — отец, слово и святой дух; и сии три суть едино». К несчастью, критики обнаружили, что это решающее место отсутствует в большинстве древних рукописей. Отсюда возникает подозрение, что оно было впоследствии вставлено в послание Иоанна каким-то благочестивым фальсификатором, сторонником непонятного догмата троичности.

Апокалипсис, принадлежащий или приписываемый тому же Иоанну, тоже претерпел ряд нападков даже в первые века христианства. Многие святые богословы оказали ему эту честь. В их числе были Иустин, Ириней, Тертуллиан, Климент Александрийский, Ориген, Киприан. Другие, как

¹ Алогиане (алоги) — еретическая секта в раннем христианстве (III в.), отвергавшая учение о божественности «Слова» («Логоса»).

Василий, оба Григория — Нисский и Назианский, — не поместили его в ряду канонических книг. А Кай, весьма ортодоксальный писатель, приписал этот изуверский роман еретику Керинфу, утверждая, что тот написал его, чтобы укрепить свои видения авторитетом знаменитого апостола. Действительно, в Апокалипсисе мы находим высказывания насчет плотского, светского царства Иисуса на земле, осужденные впоследствии церковью как ересь. Но наши богословы при помощи аллегорий спасают честь святого Иоанна и приписываемого ему Апокалипсиса.

«Священное» писание во все времена было настоящим камнем преткновения для тех, кто хотел его изучить. Мы видели уже, что изучение его привело к появлению множества ересиархов, расплодившихся в церкви уже в первые века ее существования. Вот почему, надо полагать, главари христиан стали впоследствии осмотрительнее, чем их святые предшественники, и отняли у верующих те произведения, которые, по их мнению, могли подвергнуть опасности их веру и вызвать брожение умов, опасное для их духовных руководителей.

Но изучение «священного» писания одинаково опасно как для мирян, так и для попов. Обычно основателями секты оказываются попы и монахи. Нет ничего легче, чем впасть в заблуждение, обращаясь к произведениям, наполненным туманными речами, загадками, бессвязными правилами. Нет ничего труднее, чем привести в соответствие разрозненные части сложной машины, детали которой таковы, что могут только мешать одна другой. Только слепая вера может держать христиан в согласии.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 101—102, 105.

Фальсификация апостольских писаний

...Так как на апостолов смотрели как на божественных оракулов, то все хотели заручиться их авторитетом. Поэтому стали выпускать писания под их именем или вставлять в уже существующие якобы их произведения соответствующие тексты для подтверждения того или иного мнения. Самые ортодоксальные христианские ученые вынуждены признать, что в первые века христианства появилось множество фальсификаторов, набожно трудившихся над под-

делкой трудов, которые они публиковали от имени апостолов, чтобы вернее воздействовать на верующих авторитетом почитаемых учителей. Мы видим, что в первое время церковь наводнена подложными Деяниями, евангелиями, посланиями, которые выдумывали набожные мошенники для обмана простаков. Плутство дошло до того, что еще теперь известны заглавия около пятидесяти евангелий, которые были отвергнуты и уступили место четырем, признанным единственно достойными оставаться в руках верующих. Но у нас нет никаких гарантий, что принятые ныне евангелия действительно принадлежат тем авторам, которым их приписывают, а не принадлежат к числу благочестивых подделок или по крайней мере фальсификаций древних еретиков. Гарантией их подлинности и чистоты содержащегося в них учения служат лишь весьма подозрительная традиция и авторитет церкви, которая сама о себе свидетельствует нам, будто она вдохновлена богом и не может ошибаться. Но если даже предположить, что имеющиеся у нас четыре евангелия действительно принадлежат апостолам или авторам, чье имя они носят, то как мы можем полагаться на таких свидетелей, раз их нравственный облик нам неизвестен, невежество доказано, а показания пристрастны, ибо речь идет у них о богочеловеке, учение которого давало им средства к жизни? Можно ли полагаться на свидетелей, выступающих в собственном деле, особенно когда мы видим, что они противоречат друг другу в изложении событий, расходятся между собой в описании обстоятельств одного и того же события, ничего не разъясняют и обнаруживают повсюду глубокое невежество? Можно ли принимать показания таких подозрительных свидетелей, когда они рассказывают о чудесах и о неправдоподобных вещах, где не приходится верить даже собственным глазам? Наконец, как можно признать наличие откровения божьего в писаниях, наполненных сказками, непонятными вещами, вредными правилами и неясными мнениями, которые привели и до сих пор приводят к возникновению ересей, расколов, споров, преследований и ужасов на земле?

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 104—105.

Роль церковных соборов в конституировании христианской религии

Несмотря на трудности, связанные с созывом соборов, церковь прибегала к этому средству, чтобы покончить со спорами, возникавшими каждую минуту между ее служителями. Как только какой-нибудь богослов высказывал мнение, к которому ухо его собратьев не привыкло, его обвиняли в ереси, созывали собор, учение подвергалось обсуждению. Если оно оказывалось соответствующим взглядам большинства епископов или наиболее влиятельных, его принимали; если нет, новатора наказывали и преследовали. Епископы часто проводили сборы также для того, чтобы регламентировать важные церемонии, обряды, дисциплину и, особенно, чтобы сочинять себе привилегии и создавать права против мирян и светской власти.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 184.

Подписи на протоколах очень многих соборов показывают, что многие епископы, являвшиеся на собор для разрешения самых тонких, самых абстрактных, самых непостижимых вопросов богословия, не умели даже подписываться и бывали вынуждены обратиться к своим более грамотным собратьям, которые расписывались за них на протоколах собрания.

Нельзя ли предположить, что под покровом такого невежества часто находились благочестивые подделыватели, готовые удостоверить фальшивой подписью решения, которые им хотелось поддержать в интересах своей группы и которые они выдавали за догмы, необходимые для вечного спасения? Могли ли епископы, до того тупоумные, что писать не научились, иметь какое-нибудь мнение о вещах, которые и теперь еще непонятны даже богословам, наиболее искушенным в жаргоне и увертках своего ремесла, все более изощряющегося в процессе споров в течение такого большого количества веков?..

Мы должны, таким образом, прийти к заключению, что пастыри были в такой же мере лишены знаний, как и их овцы, и в такой же степени предрасположены были принимать на веру все сказки, чудеса и подложные писания, какие им преподносили.

Не будет поэтому дерзостью предположить, что на соборах вожаки отдельных партий, то есть наиболее хитрые

епископы, наиболее красноречивые пастыри, наиболее влиятельные при дворе интриганы, продвигали свои мнения, определяли, что считать ортодоксией, собирали голоса бараньеголовых тупиц и тупоумных святош, насилиями и угрозами запугивали противников, вызывая согласие у трусов и яростно преследуя тех, кто пытался противиться им. Такова правдивая история всех церковных соборов, от апостолов до наших дней.

К тому же интересы вожаков групп часто менялись. Часто случалось, что какая-нибудь группа, к которой государь прислушивался, сменялась при дворе интригами противной стороны. В таких случаях приходилось менять и непогрешимые постановления церкви, собравшейся на собор и вдохновленной святым духом. Епископы, имевшие государя на своей стороне, имели за себя и дух святой. В церкви, как и на войне, бог дарует победу тому, у кого самая многочисленная армия. Епископы могли бы всегда говорить по примеру Фаворина: «Разве я не вынужден думать, что человек, владеющий тридцатью легионами, искуснейший в мире человек?»

Таким образом, государи и солдаты всегда служили решающим средством, заставляющим святой дух заговорить и принуждающим принять его пророчества...

Вся история церкви показывает, как один собор выступает против другого, одни отцы церкви — против других, согласное мнение учителей одного века противоречит учению другого века. Словом, церковь решительно меняет свои взгляды, даже по важнейшим пунктам.

Таким образом, несмотря на такое большое число соборов, от которых имеются огромные собрания Деяний, верование все время остается неопределенным и колеблющимся, и мы не знаем, не будут ли впоследствии всеобщие соборы вносить исправления во все принятые до сих пор решения предшествующих соборов. Христианская религия представляется настоящим трудом Пенелопы¹. Ее служители вечно заняты установлением ее верований, но никогда не могут дойти до конца. Ни бог, ни его святой дух, ни боговдохновенные апостолы не сумели выразиться доста-

---

¹ Пенелопа — по древнегреческой мифологии — жена Одиссея, которая ночью распускала ткань, сотканную ею днем. «Труд Пенелопы» — символ нескончаемого труда, в ходе которого постоянно разрушается ранее сделанное.

точно ясно, чтобы предупредить споры и кривотолки, которые могли возникнуть в будущем по поводу их богооткровенного учения.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 177—178, 181.

Влияние своекорыстных интересов участников соборов на толкование христианских догматов

Пусть не думают, что только неверие заставляет смотреть с презрением на споры церковников и их соборов. Святой Григорий Назианский, епископ, богослов и святой, который, несмотря на это, все же больше, чем его собратья, по-видимому, любил мир, собственными глазами видел эти смешные сборища. Будучи приглашен в 337 г. на собор, происходивший в Константинополе, он отвечает пригласившим его следующим образом: «Если надо писать вам правду, я скажу вам, что всегда буду избегать всякого собрания епископов, ибо я никогда не видел собора, который привел бы к успешному концу или который не увеличил бы зла вместо того, чтобы его уменьшить. Дух раздора и честолюбия там, без преувеличения, настолько велик, что его описать нельзя». Таким же образом наш святой высказывается во многих письмах. А так как он был поэтом, то он и в стихах изложил свое презрительное отношение к соборам. «Нет,— говорит он,— я никогда не буду участвовать в соборах; там слышно только, как гуси или журавли дерутся, не понимая друг друга. Там можно видеть лишь раздоры, распри и постыдные вещи, остававшиеся раньше скрытыми. Все это собрано воедино в одном месте, где находятся злые и жестокие люди».

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 183.

Нам не пришлось обнаружить что-либо назидательное в поведении, нравах и учености отцов церкви, которых она почитает как оракулов и предлагает своим служителям в качестве образцов.

История церкви нас знакомит с поведением рядовых епископов первых веков и с соборами, или собраниями, на которых прелаты устанавливали, переделывали и изменяли христианские верования. Гроциус говорит, и вполне

правильно, что, кто читает историю церкви, не находит в ней ничего, кроме пороков епископов. В самом деле, поведение этих христианских пастырей представляет собой, даже в первые века существования церкви, сплошной ряд ужасных пороков.

Христианские епископы отнюдь не были людьми смиренными, бескорыстными, свободными от алчности и честолюбия. Все данные свидетельствуют о том, что они пускали в ход всевозможные происки для достижения своих целей. Всюду мы видим, что избрание главарей церкви было результатом заговоров, интриг, склок и плутовства. Выборы часто превращались в сцены ужаса, вызывая кровопролития и убийства. Лица, домогавшиеся сана епископа, пускали в ход все средства, чтобы добиться поста, обеспечивавшего им неограниченную власть и неизмеримые богатства.

Если кто думает, что нарисованная нами картина преувеличена, пусть он обратится к церковным историкам, которые обычно и сами были епископами или священниками. Неправда обычно сама обращается против себя и помогает себя разоблачить. Святой Григорий Назианский, имевший основания быть недовольным тем жалким постом, который он занимал в винограднике господ... рисует нам епископов своего времени (IV в.) такими чертами, которые делают мало чести этим главарям церкви.

«Они смотрят,— говорит он,— на этот сан не как на пост, на котором надо быть образцом добродетели, а как на средство обогащения; не как на службу, о которой надлежит давать отчет, а как на магистратуру, не подлежащую контролю. Их (епископов) почти больше, чем тех, которыми они руководят... и я думаю, что, поскольку зло увеличивается с каждым днем, им скоро нечем будет руководить, все станут учителями, и Саул окажется среди пророков». Тот же святой сообщает, что на пост епископа назначали невежд и детей; что церковники не лучше, чем книжники и фариисеи; что в них не было ни капли любви, а лишь озлобленность и страстность; что их благочестие состояло в том, что они осуждали нечестивость других, шпионя за их поведением не для того, чтобы исправить, а чтобы опозорить их; что они порицали или хвалили людей не за тот или иной образ жизни, а лишь в зависимости от интересов партии, к которой принадлежали; что они восхваляли друг в друге то, что резко порицали в сторонниках противоположного лагеря; что их споры между собой напоминали ночные побоища, где не разбирают друга и недруга; что они придирались к пу-

стякам под прекрасным предлогом защиты веры; наконец, что они были предметом отвращения для язычников и презрения для порядочных христиан. Вот как великий святой рисует нравы епископов и церковников своего времени. Эти нравы были точно такими же и до, и после него...

Что касается выборов епископов, то нельзя сомневаться в том, что они сопровождались ужаснейшими заговорами. Выборы происходили в церкви, и чрезвычайно беспорядочно, так как пастырей выбирала христианская масса. Глупая чернь становилась игрушкой честолюбивых претендентов на должность епископа. Многочисленные постановления соборов против симонии¹ доказывают, что сан епископа обычно получал тот, кто имел чем подкупить голоса...

Нам, конечно, возразят, что многие епископы, правда, вели весьма скандальный образ жизни и были лишены образования, но бог во все века воздвигал людей святых, безупречной нравственности, одаренных глубокими знаниями. Благодаря божественной помощи они не давали церкви потерпеть крушение, боролись против ересей, сохраняли чистоту учения и предания...

Прошедшая перед нами галерея портретов отцов церкви дала нам правильное представление об этих великих людях, о святости их поведения и об их просвещенном учении. Мы видели среди них сплошь вожаков партий, людей достаточно мужественных либо достаточно ловких интриганов, чтобы суметь внушить уважение к своим взглядам и навязать их другим на соборах или собраниях, призванных разрешать вопросы веры. Эти соборы всегда состояли из большого количества невежд или добросовестных фанатиков, шедших на поводу у своих собратьев, которых они считали искуснее себя и на сторону которых они становились, не зная часто сути вопроса.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 172—173, 175, 176, 177.

---

¹ Симония (от мифологического Симона-волхва, желавшего купить у апостолов за деньги «благодать святого духа») — осуждаемая критиками католицизма и широко распространенная в средние века практика продажи церковных должностей папами и другими католическими иерархами.

ВЫЯВЛЕНИЕ ЯЗЫЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ХРИСТИАНСТВЕ КАК ЕГО РЕАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Все религии мира являются хаотическим нагромождением догм, таинств, древних обрядов в соединении с позднейшими выдумками. Восходя к источнику большей части христианских обычаев и взглядов, мы найдем их у египтян, халдеев, финикийян, греков, римлян и кельтов. Эта религия представляет собой хаос, в котором можно найти следы всех древних сумасбродств. Новые откровения, возглашавшиеся людям, всегда были новой прививкой на почве старых. Культы, как и языки, базируются один на другом и, как и последние, тоже подвержены постоянным изменениям. Большинство догм и таинств христианской религии явно заимствованы у Пифагора и Платона, которые в свою очередь могли взять свое учение от египетских жрецов. Другими словами, самые почитаемые у нас взгляды являются лишь измышлениями некоторых экзальтированных или лживых язычников. Паллавичини соглашается, что без Аристотеля церковь не имела бы ряда положений своего символа веры.

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 196.

Догмат троичности божества явно заимствован из фантазий Платона или, возможно, из тех аллегорий, под которыми этот философ-романтик старался скрыть свое учение. Как видно, ему христианство обязано большинством своих догматов. Платон допускал три *ипостаси*, или вида существования божества. Первая — это *всевышний бог*, вторая — *логос*, слово, божественный разум, порожденный первым богом, и третья — *дух*, или душа мира. По-видимому, первые учителя христианства были платониками; надо думать, что в своем энтузиазме они находили у Платона учение, сходное со своей религией. Будь они благодарны, они должны были бы объявить Платона пророком или отцом церкви.

П. Гольбах. Разоблаченное христианство. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 261.

Платон рассматривал божество под тремя видами — благодости, мудрости и могущества. Надо сознательно закрыть глаза, чтобы не увидеть в этом христианскую троицу. Около трех тысяч лет назад афинский философ называл логосом то, что мы называем словом.

Д. Дидро. Прибавление к философским мыслям, или Разные возражения против сочинений различных богословов. Избранные атеистические произведения. М., 1956, стр. 52.

Второй из этих богов, или — говоря языком христиан — второе лицо троицы, принял человеческий образ, воплотился в чреве девы. Отказавшись от своей божественной природы, он принял на себя все немощи человека и даже претерпел позорную смерть, чтобы искупить грехи мира. Это христианская религия называет *тайной воплощения*. Кто же не видит, что эти абсурдные представления заимствованы у египтян, индусов и греков, которые в своей детской мифологии принимали богов в образе человека, считали их подверженными человеческим слабостям!..

По-видимому, у египтян боги впервые принимают телесный образ. Бог китайцев *Фо* рожден от девы, оплодотворенной солнечным лучом. В Индии все верят в воплощение бога *Вишну*. Как видно, богословы всех наций, отчаявшись в возможности подняться до бога, заставили его снизойти к ним.

П. Гольбах. Разоблаченное христианство. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 262.

Можно ли для того, чтобы обосновать фактами горделивые притязания человека, предполагать, как это делают некоторые религии, что божество, покинув небо для земли, спустилось на нее в виде рыбы, змеи, человека, с тем чтобы попросту беседовать со смертными?

К. Гельвеций. О человеке. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 143.

Даже все ваши непреложные догмы: ваш бог в трех лицах, ваши злые ангелы, которые восстают против своего творца и пытаются свергнуть его с трона; ваша Ева, созданная из ребра Адама; ваша пресвятая дева, которую посещают молодой человек и голубь и которая беременеет, но

не от молодого человека, а от птицы; пресвятая дева, которая родит и остается девственницей; этот бог, который умирает на кресте, чтобы умиловить бога, а затем воскресает и возносится на небо (куда на небо?), — все это, дорогой аббат, мифология, язычество, всему этому та же цена, что и мифам об Уране, Сатурне, Титанах, о Минерве, выходящей в полном вооружении из головы Юпитера, о Юноне, забеременевшей от Марса только потому, что она вдохнула запах цветка, об Аполлоне — Фебе, управляющем колесницей солнца... Все это один и тот же бред.

Д. Дидро. Беседа с аббатом Бартеlemi. Избранные атеистические произведения. М., 1956, стр. 230—231.

В христианской религии нашли место *Тартар* и *Елисейские поля* языческой мифологии, переименованные в *рай* и *ад*. Тартар и Елисейские поля выдуманы обманщиками для того, чтобы пугать людей или соблазнять их.

Кто же не видит, что *сатана*, это пугало христиан, заимствован из учения о двух враждебных началах, принятого некогда в Египте и на всем Востоке? Не подлежит сомнению, что вечный поединок между христианским богом и его страшным противником скопирован с Озириса и Тифона египтян, Ормузда и Аримана персов и халдеев. Таким образом люди пытались объяснить себе добро и зло, встречающиеся им в этом мире. Всемогуший дьявол должен оправдать божество в неизбежных и незаслуженных несчастьях, которым подвергается человечество.

...Одна многочисленная христианская секта (имеется в виду католицизм.— *Ред.*) допускает промежуточное звено между адом и раем, так называемое *чистилище*. Сюда попадают временно души, менее преступные, чем те, которые заслужили адские муки; в чистилище душа проходит тяжелые испытания и искупает таким образом грехи, совершенные на земле; после этого она допускается в вечную обитель блаженных. Этот догмат, явно заимствованный из мечтательных умозрений Платона, стал в руках католических попов неистощимым источником обогащения: они присвоили себе ключи от врат чистилища и уверяют, что сила их молитвы может смягчать суровый приговор бога и сокращать муки душ, осужденных богом праведным на пребывание в чистилище...

В ребяческих обрядах, которым христианский фанатизм придает величайшее значение, нельзя не видеть весьма заметных следов *теургии* (разновидность магии.— *Ред.*), бывшей в ходу у народов Востока. Божество повинуетя голосу своих жрецов или людей, обладающих секретом заставлять его действовать, и творит чудеса; его принудила к этому магическая сила определенных слов и формул, сопровождаемых соответственными церемониями. Этот вид *магии* все время практикуется христианскими попами. Они уверяют своих учеников, что могут с помощью традиционных формул, приемов и телодвижений заставить бога мироздания отменить законы природы, подчиниться их желаниям и пролить свою благодать. Таким образом, в этой религии священник получает право приказывать своему богу. На этой несомненной теургии, на этом таинственном общении земли с небом покоятся те смешные и ребяческие обряды, которые христиане называют *таинствами*. Мы уже нашли эту теургию в таинствах крещения, конфирмации и причащения; мы найдем ее также в таинстве *исповеди*, т. е. в праве священника отпускать именем бога исповедуемые ему грехи,—такое право присвоили себе попы в некоторых сектах. Та же теургия в таинстве *рукоположения*, т. е. в обрядах, придающих некоторым лицам священный характер, в отличие от простых смертных, мирян. Та же теургия в ритуале и действиях, смущающих покой умирающего. Та же теургия в таинстве *брака*; верующий христианин воображает, что этот естественный союз не может быть одобрен богом, если священник своими обрядами не узаконит его и не снизовет на него благословения всевышнего.

Мы находим эту белую магию, или теургию, в христианских *молитвах* и формулах, в литургии и всех обрядах. Мы находим ее в вере христиан, что расположенные в известном порядке слова в состоянии изменить волю их бога, заставить его изменить свои нерушимые решения. Теургия сказывается в *заклинаниях бесов*: окропляя человека магической водой и произнося сакральные слова, изгоняют из него злых духов, врагов рода человеческого. *Святая вода* христиан, заменившая *очистительную воду* римлян, обладает в глазах христиан самыми удивительными свойствами; она освящает места и предметы, не имевшие прежде священного характера. Наконец, христианская теургия имеет место также в обряде миропомазания или коронования

королей; этот обряд совершается каким-нибудь высоким духовным лицом и придает главе государства особый авторитет в глазах народа, сообщает ему чисто божественный характер.

Итак, всюду тайна, всюду магия... А между тем нас уверяют, что эта богооткровенная религия дана богом, который хотел освободить род человеческий от его ослепления.

П. Гольбах. Разоблаченное христианство. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 267, 269, 269—270, 272—274.

ПРИЧИНЫ ВЫЖИВАНИЯ И УСИЛЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Нам... возразят, что самым поразительным чудом, в котором проявляется могущество божие, является самый факт утверждения христианской религии, здание которой, скрепленное кровью мучеников, воздвигнуто среди бушующего моря гонений. Нам будут в напыщенных фразах твердить, что христианская вера вышла победительницей из всех боев с врагами. Мы на это ответим, что многовековой опыт, в частности утверждение христианства и безумства мучеников, показывает не силу справедливого, всемогущего и благодетельного бога, а силу оболыщения, фанатизма и убеждения. В умелых руках эти средства могут довести людей до такого безумия, что они сами идут на смерть.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 126.

Финансовые и организационные опоры первоначального христианства

В числе средств, какие придумали апостолы, чтобы вербовать прозелитов, было одно, несомненно внушенное им святым духом и сильно содействовавшее росту их секты. Они уговорили своих последователей устроить общую кассу. Это мероприятие должно было, по всей видимости, сильно расположить бедняков к учению апостолов. С другой стороны, такое положение вещей было очень выгодно апостолам, которые стали распорядителями и совладельцами тех средств, которые верующие сносили в общую кассу.

Благодаря этому остроумному средству апостолы скоро соединили духовную власть над душами с властью над земными благами и не замедлили создать себе положение, льстившее их честолюбию и удовлетворявшее их жадность. Как бы ни были ограничены, на наш взгляд, эти две страсти у людей грубых и бедных, какими были первые основатели христианской религии, нельзя все же не признать, что эти страсти были достаточно сильны, чтобы руководить их поведением. Всякий человек любит властвовать над другими. Всякому человеку лестно поучать других и вербовать

себе сторонников. Наконец, всякий человек рад существовать за чужой счет и пользоваться уважением.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 92.

Что проповедовало христианство, когда оно утвердилось? *Общность имущества*. Кто выступил в качестве хранителя этого общего имущества? Попы. Кто похитил это вверенное им имущество и завладел им? Попы, когда распространились слухи о близком конце мира. Кто способствовал распространению этих слухов? Попы. Слух этот благоприятствовал их намерениям, они надеялись, что люди, охваченные паническим ужасом, будут иметь только одну (действительно важную) заботу — заботу о своем спасении. Жизнь, говорили им, — вещь преходящая, истинным отчеством людей является небо — зачем же отдаваться земным привязанностям?

К. Гельвеций. О человеке. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 35.

Все данные говорят за то, что апостолы уж очень рано задумались над тем, чтобы создать свою собственную юрисдикцию и особые доходы. Хотя их учитель Иисус в нескольких случаях хотел как будто отменить институт жречества, хоть он и выступал часто против духовенства своей страны, его ученики вскоре после его смерти заложили фундамент духовной власти, очень выгодной для них и очень приятной для их честолюбия.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 93.

Те, кто убеждают себя или, по крайней мере, других, будто апостолы в своей проповеди евангелия были бескорыстнейшими из людей, будут разочарованы, читая противоречащие этому факты в Деяниях апостолов и особенно в Посланиях святого Павла. Все здесь доказывает, что первые христианские пастыри старались при помощи веры основать секту, совершенно изолированную от всего общества, не зависящую от гражданских властей, зависящую исключительно от своих духовных вождей, поставивших себе целью стать подлинными владыками своих набожных прозелитов под видом заботы об их спасении...

Обеспечив себе доверие большинства своих духовных подданных, которые благодаря получаемым подачкам не

очень были склонны оспаривать то, что им преподносили, апостолы сами о себе засвидетельствовали, что они могут уделить и другим от духа святого, который на них сошел. Короче, они стали епископами и священниками и познали вскоре прелесть этого ремесла...

Чтобы упрочить свою власть, пастыри церкви заключили нечто вроде молчаливого соглашения о взаимной поддержке. Неудобного епископу христианина или священника отлучали от церкви. После этого его не принимали ни в одну христианскую общину, хотя бы подчиненную другому епископу. Для этой цели пастыри церкви информировали друг друга о наиболее важных событиях, то есть о таких, которые имели значение для утверждения власти епископов. Мы видим поэтому, что уже в первые века существования церкви отлучение влекло за собой мирские последствия: отлученный лишался преимуществ пребывания в общине, общения с верующими и доли в милостыне.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 92—93, 94, 115.

Восприимчивость социальных низов к христианству

Распоряжаясь средствами общины, апостолы, надо полагать, находили верных приверженцев в лице наиболее жалких нищих. Надежда на долю в благотворительности вовлекала, должно быть, в зарождающуюся секту множество голодных. Поскольку им давали возможность существовать, они были привержены своим священникам и склонны верить во все, что тем угодно было проповедовать им. Впрочем, для вступления в секту от прозелитов ничего не требовалось, кроме признания, что Иисус — мессия, и крещения.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 93—94.

Христианство при своем зарождении вынуждено было обращаться к простонародью; новую веру принимали низшие слои населения среди евреев и язычников; на людей этого склада больше всего действует чудесное. Страдающий бог, невинная жертва злобы людей, враг богачей и сильных мира сего, должен был стать утешением для несчастных. Суровые нравы, презрение к богатству, кажущееся беско-

рыстие первых проповедников евангелия, стремившихся только управлять душами, равенство, которое религия провозглашала среди людей, общность имуществ, взаимопомощь и солидарность членов этой секты — все это весьма способно было возбудить желания неимущих и умножить число христиан. Честные души привлекала проповедь единения, согласия и взаимной любви, с которой постоянно обращались к первым христианам. Покорность властям, долготерпение в страданиях, нищета и темнота христиан делали эту новую секту неопасной в глазах режима, привыкшего терпеть всякого рода секты. Итак, у основателей христианства был большой наплыв приверженцев из народа; противниками и врагами выступали только некоторые языческие жрецы и евреи, заинтересованные в сохранении существующих религий. Мало-помалу новая вера, под покровом тайны и невзрачности своих последователей, пустила весьма глубокие корни и достигла такого распространения, что ее уже нельзя было подавить. Римское правительство слишком поздно заметило успехи презираемой им секты. Ставши многочисленными, христиане осмелились выступить против языческих богов даже в самих храмах. Встревоженные этим, императоры и власти пытались уничтожить секту, внушавшую им опасения. Христиан нельзя было урезонить мерами увещания, фанатизм делал их упорными; начались преследования. Но казни вызывали сочувствие к христианам, преследования лишь увеличивали число симпатизирующих; кроме того, стойкость христиан во время пыток казалась очевидцам сверхъестественной, идущей от божества. Энтузиазм мучеников заражал других, и тирания лишь создавала новых защитников секты, которую она хотела задушить.

Итак, перестаньте превозносить перед нами чудесные успехи христианства. Оно стало религией неимущих, оно провозглашало нищего бога, бедняки проповедовали эту религию беднякам и невеждам, она давала им утешение в их положении, сами мрачные идеи ее отвечали душевному состоянию этих жалких и несчастных людей.

П. Гольбах. Разоблаченное христианство. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 234—235.

«ЗЕМНЫЕ» МОТИВЫ ПРИНЯТИЯ ХРИСТИАНСТВА ПОЗДНЕРИМСКИМИ ИМПЕРАТОРАМИ. ПРЕВРАЩЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В ГОСУДАРСТВЕННУЮ, ГОСПОДСТВУЮЩУЮ РЕЛИГИЮ

Начиная с Константина и до наших дней христианская вера вводилась и утверждалась на земле лишь посредством насилия, резни и преступления...

Как известно, Константин, приняв христианскую веру, не только прекратил гонения против ее служителей, но и осыпал их почестями, богатством и ласками.

Обращение Константина, которое христианские наставники выдают за чудо, имело в своей основе чисто житейские мотивы. Этот император, бывший, по всем данным, очень жестоким и злым человеком, видя, что христианская секта широко распространилась в Римской империи, стала весьма многочисленной и грозной, сделал противное политике своих предшественников, которые безуспешно преследовали ее, чтобы подавить. Он считал более разумным привлечь на свою сторону главарей христианских — епископов, бывших владыками этой республики. С их помощью он мог распоряжаться всей сектой и с успехом использовать ее для того, чтобы возвыситься над своими соперниками. Желая угодить своим новым друзьям, христианам, он, по примеру всех обманщиков, постоянно дурачивших их, пустил слух о видении, в котором якобы Иисус показал ему крест и обещал, что этот знак принесет ему победу.

С другой стороны, если верить историку Зосиме, в «обращении» Константина не было ничего такого, что делало бы честь христианской религии. Этот писатель сообщает, что император под бременем ужасных преступлений — в том числе убийство тестя, зятя, племянника, собственного сына Криспа и своей жены Фаусты — искал в языческих суевериях способов искупления, чтобы заглушить укоры совести. Не найдя среди языческих жрецов человека достаточно снисходительного, чтобы отпустить ему его грехи, он обратился к христианским священникам, которые ему разъяснили, что при помощи веры в Иисуса Христа и крещения он совершенно переродится и грехи с него будут сняты.

Нам, конечно, скажут, что Зосима был язычником и нельзя поэтому ссылаться на его суждение о Константине. На это мы ответим, что все историки единодушно приписывают этому императору злодеяния, о которых мы говорили, и еще многие другие, явно свидетельствующие о его свирепости и ужасной жестокости.

Однако в награду за услуги, которые он оказал церкви, христианские писатели, особенно Евсевий Кесарийский, превратили Константина в героя, в образец доброго государя. Немного только не хватало, чтобы объявить его святым. И он действительно стал святым, если не за свои добродетели, то за то усердие, с каким он преследовал язычников, религию которых он бросил. Он, очевидно, стал дурно относиться к этим людям, которые, как он предполагал, должны были возмущаться его лицемерием. Упреки, какие ему приходилось выслушивать в Риме по поводу происшедшей в нем перемены, побудили его оставить столицу, воздвигнуть соперничающую с ней новую столицу, которую он построил. Он дал ей свое имя и перенес туда свою резиденцию.

В самом деле, историк Зосима сообщает, что после того, как Константин объявил себя сторонником христиан и принял их веру, он не захотел во время публичной церемонии подняться на Капитолий и стал насмехаться над этой церемонией. Этим он навлек на себя такие ужасные проклятия и стал столь ненавистен народу, что решил удалиться из Рима и перенести свою резиденцию в другое место. Этот переезд, по мнению многих, был одной из главных причин ослабления мощи римлян. Во всяком случае, Италия из-за этого оказалась беззащитной против набегов варваров, которые впоследствии уничтожили эту изумительную империю.

Учредители христианской религии обыкновенно изображают нам утверждение христианства как явное чудо, в котором проявилось всемогущество божие. Но кто захочет поближе рассмотреть этот вопрос, увидит, что утверждение христианства было чудом, в котором проявились всемогущество и жестокость Константина и его преемников. Кодекс Феодосия (titul. X de paganis) вполне достаточно разоблачает те кровавые методы, которыми в течение ста с лишним лет пользовались подстрекаемые христианскими епископами благочестивые императоры, чтобы распространить христианскую веру и искоренить язычество. Эти святые, которым незадолго до этого предстояло претерпеть мученичество, поспешили в свою очередь создавать мучеников...

В самом деле, чтобы удовлетворить свою собственную ярость против религии, которую он оскорбил, или чтобы показать свою готовность услужить благочестивым епископам, он вскоре распорядился закрыть храмы богов, убрать оттуда все статуи и снять крыши с этих зданий, чтобы помешать народу собираться в них. Он запретил под страхом смерти жертвоприношения и приказал, чтобы приносящих жертву безжалостно убивали «мечом-мстителем» (*gladio ultore sternantur*). Кроме того, он распорядился конфисковать имущество казненных и таким же образом и с такой же строгостью наказывать правителей провинций, которые проявят небрежность в исполнении столь жестоких распоряжений. Он сам распорядился разрушить храм Аполлона в Киликии. Кроме того, он захотел насильно крестить всех евреев и заставить их есть свинину в день пасхи.

Такова евангельская кротость, которую внушило Константину христианство через епископов, палачом у которых он стал, побыв у них некоторое время в роли льстеца. В течение всего своего царствования он занят тем, чтобы снизить благоволение этих высокомерных учителей. Он только о том и думал, чтобы расширять их привилегии, богатства, величие. Чтобы привлечь к ним сторонников из рабов, он в 316 г. распорядился, чтобы отпуск на волю рабов совершался в церкви в присутствии епископов, которым дал право отпускать на волю. В 321 г. он предоставил это право всем чинам духовенства. Этот благочестивый государь установил празднование воскресенья, или дня солнца, он приказал, чтобы в этот день в городах прекращались все работы, разрешив работать только сельским жителям. Одним словом, этот великий император трудился на пользу духовенства, которое он старался сделать цветущим и могущественным в награду за великие услуги, которые оно ему оказало, помогая ему одолеть его соперников. На соборе в Арле собравшиеся отцы составили специальный канон отлучения от церкви всех солдат-христиан, «которые, пусть даже в мирное время, бросят службу императору». Вот почему, надо полагать, мы видим у Константина такую любовь к соборам, которые он собирал многократно, сам появлялся на них в полном блеске, диктовал своими императорскими устами кровавые указы против еретиков, произносил богословские речи на темы, о которых не имел ни малейшего представления...

Легко понять, что при тех приемах, какие применял Константин для утверждения веры, христианская религия

должна была получить распространение и процветать. Царедворцы, разделяющие обычно религиозные воззрения своего господина, уверовали и обращались массами. По крайней мере, они притворно принимали религию, от которой зависела их карьера. Дети этих лицемеров, воспитанные уже смолоду в принципах этой религии, верили в нее уже искренне. Когда цари усваивают какое-либо мнение, оно скоро становится мнением знати и всех тех, кто старается выдвинуться.

Простонародье дольше держится старых взглядов. То же произошло и при Константине и его преемниках. Язычников не допускали в императорские дворцы. Жители богатейших городов обращались в христианство, чтобы получить доступ к муниципальным должностям, а население сельских местностей, так называемые *рагани*, долгое время еще сохраняло привязанность к богам своих предков...

Сыновья Константина пошли по его стопам. В 341 г. его сын Констанций подтвердил суровые указы своего отца...

В следующем году Констант, брат Констанция, в указе, обращенном к префекту Рима, распорядился сохранить в целости лишь храмы, расположенные за городом, ради зрелищ, которых еще не решались отнять у народа. Но в остальном он требует, чтобы все языческие суеверия были уничтожены, чтобы храмы были повсюду закрыты и никому не было дозволено к ним приближаться. Жертвы были запрещены под страхом смерти и конфискации имущества. Те же наказания грозили правителям, если они упустили покарать эти преступления. Этот же император приказал убрать из места собраний сената алтарь Победы, пред которым римляне, по обычаю, приносили присягу. Он строго запретил обращаться к гаруспикам¹, гадалцам, магам, астрологам и т. д.

Все эти законы показывают нам, какими благочестивыми средствами пользовались уже в раннюю эпоху для распространения веры. Они доказывают, что при такого типа императорах христианство без всяких чудес могло быстро распространиться в короткое время...

Преследуемые столь жестоко язычники ожили в царствование императора Юлиана. Последний безуспешно пытался восстановить культ, которому предыдущие царствования уже нанесли смертельные удары...

---

¹ *Гаруспики* — древнеримские истолкователи божественных «знамений», гадалы по внутренностям животных.

Набожное бешенство снова прорвалось при императорах, сменивших Юлиана. Среди гонителей язычества особенно выделяется жестокий Феодосий, которого христианские вероучители выставляют образцом добродетели. В самом деле, духовенство, надо полагать, было бы радо, если бы все государи были такими же послушными исполнителями их кровавых декретов. Этот тиран... довел свое варварство до того, что хладнокровно велел перебить семь тысяч граждан Фессалоники за незначительное оскорбление, нанесенное его статуе в пылу народного возбуждения. За это злодеяние он отделался тем, что выразил свое смирение перед миланским епископом. Одного свирепого рвения, которое он проявлял по отношению к язычникам и еретикам, было достаточно, чтобы обелить этого отвратительного властителя в глазах набожных христиан, полагающих, что кровью людей можно смыть любые злодеяния... Аркадий и Гонорий показали себя достойными сыновьями такого отца. Первый отнял все привилегии у языческих жрецов Востока. На Западе их давно уничтожили другие государи. Грациан отменил в числе других привилегии языческих жрецов в Риме... При императорах Валентиниане и Мартиане язычников принуждают крестить своих детей и самим обучаться «священному» писанию...

Приведенного достаточно для доказательства того, что христианские императоры распространяли христианство путем насилий и тиранических действий, которые делают этой религии так же мало чести, как и гнусные способы, которые впоследствии применял Мухаммед для пропаганды своего Корана. Наши богословы, которым корысть всегда диктовала противоречивые суждения, находят поведение мусульманского пророка бесчеловечным, отвратительным, и в то же время они смеют расхваливать Константина и Феодосия как совершенных государей, как достойные подражания образцы.

Читая историю утверждения христианства среди варварских народов Запада и Севера, мы видим, что миссионеры, которым было поручено распространять евангелие, ловко пользовались двумя средствами, чтобы привлечь государей к выполнению своих заданий. Обычно они почти во всех странах стараются залучить жен этих диких воителей, вкрадываются к ним в душу, чтобы получить доступ ко двору, и ловко используют влияние этого невежественного пола, чтобы постепенно завоевать доверие государей... Обеспечив содействие жен, можно было уже без труда завоевать

и мужей, которые начинали к ним прислушиваться. Тогда святые проповедники давали им понять, что при помощи новой религии они сумеют стать богами в глазах народов, что у них будет абсолютная власть над подданными, которым будут проповедовать самую смиренную покорность царям, как «живым образам всевышнего», как имеющим власть над судьбами человеческими. Поэтому варварские короли легко поняли, что им выгодно принять религию, которая их обожествляет и уничтожает дух свободы у народов.

Такими путями благочестивые миссионеры легко добились того, что самые дикие правители прониклись их задачами и целями и вскоре стали пламенными защитниками их дела.

Доказательство всему вышесказанному мы имеем в обращении великого Хлодвига, франкского короля. Бог воспользовался прелестями его жены, святой Клотильды, и ее ходатайством, чтобы смягчить свирепое сердце мужа. Королева склонила его к тому, чтобы он стал прислушиваться к святому Ремигию, епископу реймскому, который вскоре сумел ему втолковать, что для того, чтобы насладиться плодами своих побед, ему было бы хорошо связаться с галльским духовенством и принять религию народа, только что им покоренного. Эта религия поможет ему получить более неограниченную власть даже над свободными воителями, оружие которых он был обязан своим успехом. Крестив Хлодвиг и с ним три тысячи солдат, святой Ремигий продолжал и впредь руководить его действиями. Это мы видим по дошедшему до нас письму, которое он писал королю. В этом письме святой рекомендует королю «выбирать себе в советники людей мудрых и особенно почитать служителей господа». Эти служители господа втянули нашего обратившегося разбойника в войну с королем Аларихом, который был арианом¹. Христианство отнюдь не излечило Хлодвиг ни от честолюбия, ни от жестокости. Все его царствование запятнано злодеяниями и преступлениями, поистину достойными варвара.

Между прочим, приведенные факты помогут нам понять, как мы должны отнестись к мнению тех, кто утверж-

---

¹ *Ариане* — последователи священника Ария (IV в.), отрицавшие ортодоксально-христианский догмат о триединстве бога и стремившиеся к последовательному проведению монотеизма. Арианство было осуждено как ересь в 325 г. на Никейском соборе.

дает, что проповедь евангелия «сильно содействовала цивилизации и просвещению» диких народов. Если под цивилизацией и просвещением народа понимать его порабощение, если это значит вытянуть его из его лесов, чтобы сделать игрушкой королей и попов, то нельзя не согласиться, что христианская религия «цивилизовала» много наций. Но если под цивилизацией понимать средство просветить народ, сделать его обходительным и разумным — одним словом, сделать счастливее, то можно совершенно смело отрицать, что христианство привело к этим спасительным результатам. Народы, бывшие кочевники, жившие войной, в течение веков содержались в грубейшем невежестве. Вместо того чтобы сражаться за свои собственные интересы, они стали биться ради споров своих священников. Вместо того чтобы жить свободно, они стали игрушкой двух сил, объединившихся, чтобы их угнетать, и раздиравших их своими постоянными распрями...

Приблизительно в эпоху Карла Великого бои — племя, происходящее из Галлии, — поселились в стране, известной ныне под именем Баварии. До принятия христианства их короли были выборные, и, если они осмеливались нарушить законы, их свергали с престола. Но владычество епископов, установившееся у них вместе с христианством, постепенно приручило бои и превратило их в рабов. Одаряемые королями, епископы проповедовали этим свободным народам безграничную покорность, которая вскоре превратила их в крепостных короля...

...Служители христианской религии, чтобы вкрась в душу государям, превратили их в богов, а их подданных — в рабов. На основании этой лестной доктрины государи считали, что в их интересах вступать в союз с духовенством и действовать с ним сообща, чтобы царствовать, опираясь на общественное мнение. Таким образом, христианские государи, запутавшись в силках священников, большей частью становились либо добросовестными тиранами, то есть искренне преданными религии, которую считали полезной, либо они были лицемерными тиранами, последовавшими совету Аристотеля и Макиавелли, обращенному ко всем злым и честолюбивым правителям, — проявлять много рвения и почтения к религии, чтобы иметь возможность спокойно угнетать подданных.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 215, 217—220, 221, 222—223, 224, 225, 230—231, 232, 233, 245.

Какие взгляды наиболее широко распространены? Бесспорно, религиозные взгляды. Но устанавливаются они не разумом и не истиной, а насилием. Магомет желает навязать свой Коран — он вооружается, он льстит воображению людей, он пугает его. Страх и надежда пробуждают в народах интерес принять его закон, и вскоре видения пророка становятся взглядами половины мира.

*К. Гельвеций. О человеке. Сочинения
в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 475.*

ПАГУБНАЯ РОЛЬ
РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ
В СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ

ВЛАСТОЛЮБИЕ ДУХОВЕНСТВА — ПРИЧИНА ВЕЛИЧАЙШИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ БЕДСТВИЙ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СТРАДАНИЙ

Неискоренимость стремления духовенства к абсолютной власти над людьми

Всякая религиозная корпорация жадно стремится к богатству и власти, нет никаких пределов ее честолюбию...

Духовенство утверждает, что оно лишено честолюбия. И ему верят даже тогда, когда оно объявляет себя первым сословием государства.

Епископы и кардиналы называют себя смиренными. Им верят на слово, хотя в то же время они сами дают себе звания монсеньоров, высокопреосвященств и преосвященств и хотя кардиналы претендуют на равенство с королями.

Монахи называют себя бедными. И их считают нуждающимися даже тогда, когда они захватывают большую часть владений в государстве.

К. Гельвеций. О человеке. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 130, 471.

Попы честолюбивы, но им ненавистно честолюбие светского человека. Оно противоречит их намерениям. Попы хотели бы погасить в человеке всякое желание, внушить ему отвращение к своим богатствам и к своей власти и воспользоваться этим отвращением, чтобы присвоить себе и то и другое. Можно с уверенностью утверждать, что все религии всегда руководствовались этой целью.

К. Гельвеций. О человеке. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 35.

Этим словом (речь идет о священниках.— *Ред.*) обозначают всех тех людей, которые обслуживают религиозные культы, установленные у всех народов земли.

Внешний культ предполагает церемонии, имеющие целью воздействовать на чувства людей, укрепить в них благоговение к божеству, которому они воздают почести. Суеверие

умножило церемонии различных культов, а лица, назначенные для их обслуживания, не преминули образовать особое сословие, которое предназначалось исключительно для служения алтарям. Стали верить, что те, кому поручаются столь важные занятия, превращаются в божества. С тех пор эти люди начали разделять почести с богами. Обычные труды стали казаться ниже их достоинства, и народы сочли себя обязанными поддерживать существование этих людей, облеченных самыми святыми и самыми важными обязанностями. Эти люди, замкнувшись внутри своих храмов, вели уединенную жизнь, что должно было еще увеличить уважение к ним. На них привыкли смотреть как на любимцев богов, как на хранителей и истолкователей божьих велений, как на посредников между богами и смертными.

Сладко властвовать над подобными себе. Священники сумели воспользоваться высоким мнением, которое они насадили в умах сограждан; стали думать, что боги открываются им; объявляли их веления; обучали догматам; предписывали, во что следует верить и что нужно отвергнуть; указывали, что нравилось или не нравилось божееству; занимались прорицаниями; предсказывали будущее беспокойному и любопытному человеку; заставляли его трепетать от страха перед мучениями, которыми боги угрожали смельчакам, сомневающимся в миссии священников или подвергавшим обсуждению их учение.

Д. Дидро. Священники. Избранные атеистические произведения. М., 1956, стр. 105.

Одна и та же политика всегда руководила духовенством, от Моисея до наших дней. Мы видели, что основоположники христианской религии верно шли по стопам иудейских жрецов и пророков. Целью и тех и других было господствовать над умами и привольно жить за счет тех, кому они проповедовали свое учение. В этом, очевидно, заключается план всех обманщиков, использовавших во всех странах имя божества для обмана людей.

Апостолы и их ученики, вожаки зарождающегося движения, встретив помехи на пути к выполнению своих задач, применяли все средства, чтобы воздействовать на души и вербовать приверженцев. Сначала они демонстрировали большую кротость, неистощимое терпение и — особенно — абсолютное бескорыстие. Когда секта окрепла, епископы,

преемники апостолов, приобрели деспотическую власть над верующими, стали абсолютными господами над ними и их имуществом и, наконец, возбудили в них достаточно безрассудное неистовство, благодаря которому те предпочитали идти на пытки и смерть, чем отказаться от удивительного учения, которое они получали от своих учителей...

Вся религиозная система христиан от ее возникновения до наших дней имела целью возвышение духовенства и унижение мирян. При помощи веры, необходимость которой служители церкви настойчиво проповедовали, народы застыли в своем первоначальном невежестве, в вечном детстве, и это заставило их оставаться под опекой своих наставников. И короли и их подданные в одинаковой степени не в силах были поднять свои веки, отягощенные верой, и все время только тем и заняты были, чтобы трудиться ради величия и богатства церкви и поддерживать ее власть.

Служители церкви в каждый век изобретали разные догмы, создавали себе новые права, придумывали обряды, дававшие повод взимать новую дань с народов. Никто не смел сомневаться в законности их прав, вожди указывали на божественный источник их или они ухитрялись найти их официально установленными в «священном» писании. Королям и народам приходилось склоняться под небесным игом этих толкователей воли всевышнего. Короли становились исполнителями их решений, мстителями за их обиды, преследователями их врагов. Если короли отказывались угождать их святой воле, их объявляли тиранами и лишали власти, которой духовенство признавало их недостойными, раз оно не могло извлечь из нее пользу. Нравственность этих людей, почерпнутая из двусмысленных изречений Библии, была всегда неустойчива и тем самым подчинена политическим целям тех, кто выступает от имени божества. Религиозная система поработила королей, заключила народы в оковы, осудила разум, отменила науку, задушила искусства и промышленность, сделала нравственность сомнительной. А богословы добились того, что стали царствовать над миром, который они покрыли густым мраком.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 312—313, 313—314.

БОРЬБА ПАП ЗА ГЕГЕМОНИЮ В ХРИСТИАНСКОМ МИРЕ

...Уже с самых отдаленных времен римские епископы проявляли чрезвычайное честолюбие, величайшее властолюбие, непомерную жажду обогащения, огромное рвение в пропаганде веры, то есть в расширении своей власти. Эти страсти они, очевидно, передали всем своим преемникам. И они по традиции сохранились до сих пор и у ныне правящих первосвященников римской церкви...

Об интригах и насилиях, какие пускали в ход, чтобы добиться папского достоинства, можно составить себе представление по обстоятельствам избрания Дамасия, который своими происками побил другого кандидата, Урсицина. Обе стороны дошли до такой степени ярости, что, невзирая на уважение к церкви, где они собрались, сторонники обоих претендентов вступили в рукопашную, и на месте осталось 137 убитых, не считая раненых. По словам Аммиана Марцеллина, нет ничего удивительного в том, что люди, стремившиеся лишь к величию и богатству, боролись с таким жаром и яростью за обладание этим саном, ибо они были уверены, что, получив его, они скоро разбогатеют благодаря приношениям матрон, приобретут блестящую внешность, будут выделяться великолепием экипажей, богатыми пирами, роскошью, превосходящей царскую роскошь.

Из истории мы знаем, что богатые приношения, проходившие через руки римского епископа, давали ему возможность распространить свою благотворительность на верующих в провинции. Римские верующие посылали им вспомоществования, которые должны были поддержать их веру. Эти щедроты, которые распределял папа, в сочетании с уважением, которое питали к императорскому городу, естественно, давали римским первосвященникам превосходство над епископами более бедных провинциальных городов, которые, нуждаясь в помощи, попадали в некоторого рода зависимость от римской церкви. Римские епископы умело использовали эту зависимость, и пастыри многих церквей охотно признали их превосходство. Кроме того, римское духовенство было многочисленно и состояло из столичных церковников, обыкновенно более образованных. Поэтому многие епископы обращались за советами к римскому епископу, считались с его мнением и с постановлениями его клира. В результате папы понемногу присвоили себе в неко-

тором роде юрисдикцию, которую они ловко сумели превратить в свое право...

Богатство не замедлило развратить римских епископов и их духовенство. Это чувствовалось уже в эпоху язычества, но проявилось особо непристойным образом после того, как Константин избавил церковь от гонений. В IV в. святой Василий жаловался на гордость, заносчивость и чванство римской церкви. «Я ненавижу,— говорил он,— гордыню этой церкви».

Святой Иероним очень резко выступает против той же церкви, которую называет «великой вавилонской блудницей». Римские епископы ничего не сделали, чтобы рассеять представления, какие дают нам эти святые учителя о поведении своих предшественников. Более того, мы скоро увидим, что папы как бы нарочно старались уничтожить хорошее мнение, которое можно было бы иметь об их святости...

Власть восточных императоров в Италии была шаткой и непрочной. Им грозила даже полная потеря власти, если бы они не сохранили добрых отношений с римским епископом, имевшим в этой стране больше власти, чем они. Цари, таким образом, вынуждены были договариваться со своим подданным, который мог бы очень легко лишить их и той тени власти, которая оставалась еще у них над страной, окруженной варварами, готовыми ее захватить. Папа сумел использовать это положение, чтобы стать независимым от своих господ и расширить свою власть за их счет. Вскоре он, видя их слабость, обратился к варварам и, играя на их честолюбии и алчности, сумел при их помощи создать себе государство. Так щедрость Карла Великого сделала папу светским государем.

Вначале римский епископ был сговорчив по отношению к своим новым господам и признавал их власть. Западные императоры пользовались правом утверждать избрание пап. Но хитрые папы сумели использовать к своей выгоде раздоры между потомками Карла Великого, вечно занятыми тем, что вырывали друг у друга поделенные между ними королевства. Короли, столь же дурные, как и суеверные, часто брали папу в арбитры в их недоразумениях, и, таким образом, они дали ему юрисдикцию, которую он сумел использовать против них и против их преемников. Их раздоры, войны и постоянные бедствия послужили причиной величия римской церкви. Кроме того, Европа погрязла в глубоком невежестве, малограмотные короли и дикие вояки умели только сражаться и предоставляли

первосвященнику, лучше разбиравшемуся в их интересах, царствовать над ними и их государствами. Благодаря этому безумству королей и глупости народов «смирненные служители бога» стали владыками Запада, подлинными господами над королями и их подданными, раздавателями корон, деспотами и даже богами христиан...

Папам помогали в осуществлении их планов епископы, которых они поставили во всех странах Запада. Они получали средства к жизни и власть от римского первосвященника.

Папы обратили в христианство большинство европейских государств. В разное время папы посылали к германцам, англам, северным народам, полякам и др. миссионеров, задачей которых было расширить власть пославшего их первосвященника. Таким образом, большинство епископов должно было признать римский престол источником могущества и богатств, которыми эти прелаты пользовались у народов, впервые завоеванных для христианской религии. В своих собственных интересах они проповедовали народу слепую покорность своему главе, а отсюда вытекала слепая покорность им самим и их прибыльным догмам.

Таким образом, епископы стали повсюду опорой могущества папы и орудием его величия. Управление церковью, бывшее вначале, как мы указали, аристократическим, превратилось на Западе в абсолютную монархию, выродившуюся в ужасный деспотизм...

Папа считался центром христианского единения, и по степени единения с этим видимым главой церкви судили о правоверии, или чистоте веры. Те, которые отделялись от духовного монарха, считались еретиками, схизматиками и нечестивцами и тем самым лишенными духовных благ, уготованных для верных, то есть для остающихся постоянно в оковах, наложенных на них святым отцом. Кардинал Каетан постановил, что «церковь родилась рабыней святого Петра и его преемников и не имеет права распоряжаться».

Эти соображения могут нам разъяснить, почему ересь в глазах католиков представляется величайшим преступлением, которое римский епископ и его духовенство преследуют с величайшим остервенением. Им выгодно, чтобы все думали, как они, чтобы верующие считали выгодными для себя выдуманные попами догмы и обряды. Для них важно было, чтобы ничего не проверяли, ибо всякая проверка могла оказаться невыгодной первосвященнику и его при-

верженцам. Одним словом, без нерассуждающей веры ни духовенство, ни его глава не могли бы существовать...

Ловко используя мрак невежества, покрывавший весь христианский мир, папы выбирали подходящие моменты для фабрикации документов против королей, народа и даже самого духовенства. Тогда-то и выплыли подложные декреты, подложные постановления, подложные церковные законы; а всеобщая глупость не позволяла опротестовать эти подлоги. При помощи таких мошенничеств святейший отец стал судьей христианского мира. Он определял законность прав, договоров, особенно браков, он все подчинил своей юрисдикции, и короли, как последние из их подданных, вынуждены были прибегать к святому престолу, чтобы узаконить все свои действия.

Народное образование зависело исключительно от римского первосвященника. Он присвоил себе исключительное право основывать университеты. Короли утратили право воспитывать юношество и оказались вынуждены прибегать к иностранному священнику, чтобы просветить ум и сердце своих подданных. Понятно, что римские эмиссары, монахи и служители церкви, на которых исключительно возложена была эта забота, не преминули вдолбить юношеству принципы, выгодные интересам церкви и ее видимому главе. К тому же в те несчастные времена только они и занимались наукой.

Раздавались было слабые голоса против сумасбродных претензий и тирании папы, но они скоро заглушались голосами множества крикунов, преданных интересам пап. Всякого врага тирании первосвященника объявляли врагом бога.

Короли, отчасти из корысти, отчасти из набожности, отчасти из страха, вынуждены были защищать дело папы, поднимать оружие в его защиту, убивать те жертвы, которые святой отец предписывал им принести для удовлетворения своей мести или честолюбия или даже только из-за подозрения.

В течение целых веков земля обгагралась кровью из-за раздоров, вызванных попом, который ради своих интересов возбуждал королей друг против друга, народы против государей, народы друг против друга, отцов против сыновей, граждан против граждан, правоверных против еретиков. Среди этих смут и массовых убийств святая римская церковь преуспевала и спокойно наслаждалась плодами бедствий народов. Перебив своих врагов руками своих

приверженцев, папы спокойно царствовали над тем, кто стал орудием их бешенства. Покорность папе в те блаженные времена была единственным мерилом преданности вере. Тогда-то первосвященник, чтобы обеспечить свою власть от нападений разума, учредил трибунал инквизиции, о котором мы еще будем говорить дальше.

Таковыми-то путями святые римские епископы достигли мирового господства. Они стали судьями в делах веры, а вера эта была чистой только тогда, когда они находили ее соответствующей своим практическим целям.

Вплоть до нашего времени — а ведь оно считается веком просвещения — римский первосвященник в больших странах все еще имеет возможность царствовать над народами и королями. Эти слепые государи, связавшиеся с духовным государем, который всегда вел борьбу со светской властью, продолжают и теперь служить господину, которому униженно целуют ноги и чьи выполняют распоряжения. Приказа из Рима достаточно, чтобы повергнуть в смятение некоторые государства. Короли достаточно слабы, чтобы верить, будто религия и политика требуют от них принесения в жертву врагов по па, который сам был всегда злейшим врагом всех королей на земле.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 195, 197, 198, 199—201, 202—205, 210—211.

МОНАШЕСКИЕ ОРДЕНА — ЗЛОВЕЩЕЕ ОРУДИЕ ПАПСКОГО ВЛАСТОЛЮБИЯ

Для упрочения своей власти, или могущества веры, папа в различные времена с большим успехом пользовался монахами и монастырями, которые зависели только от него и не находились в подчинении у епископов, иногда оказывавших непослушание своему духовному суверену. Монахи эти были, так сказать, папскими волонтерами. Они жили привольно во всех странах, обязанных повиновением папе, они держали в страхе епископов и внушали почтение народам своей святостью, смирением и таинственным жаргоном.

Таким образом, римский первосвященник содержал во всех государствах воинство, которое было всегда под рукой, получая содержание и пропитание от народов, которые они держали в глубоком невежестве, зато в очень покорной преданности святому отцу. При помощи этих эмиссаров папа рекламировал свои притязания, подавлял протесты епископов, завладевал их паствой, заставляя всюду трубить о его праве на величие, о его верховенстве над епископами, о его непогрешимости, о его превосходстве над соборами, о его правах над светскими государями — словом, о его неограниченной власти на небе и на земле...

Все учредители монашества предписывали своим ученикам евангельскую бедность, абсолютное воздержание и, особенно, *слепое повиновение* главарям. Каждый основатель ордена создавал себе неограниченную власть над большим числом людей, для которых он становился деспотом или государем. Неограниченная власть всегда была предметом стремлений честолюбивых людей. Приятно царствовать хотя бы над монахами, если нельзя царствовать над другими. Но эта абсолютная власть была вредна для общества.

Монах всегда считает себя больше обязанным повиноваться своим духовным властям, чем государям или законам и правительству своей страны. Монах не знает в мире ничего более священного, чем распоряжения его руководителя, в руках которого он должен быть, «как палка в руках старика». В силу этого слепого повиновения пылкие монахи, возбуждаемые своими наставниками, во все времена были настоящими поджигателями в христианских странах. Монах

подчинен своему настоятелю, последний получает распоряжения от папы, который получает, таким образом, возможность сеять смуты во всем христианском мире...

В XIII в., период, известный невежеством народов и развращенностью духовенства, появляются все новые монашеские ордена, учреждаемые либо обманщиками, либо фанатиками, задавшимися целью подогреть веру народов. Среди этих знаменитых героев особенно выделяются Франциск Ассизский, основатель ордена братьев-миноритов, и Доминик, основатель ордена братьев-проповедников. Эти два героя создали под покровительством папы два знаменитых ордена, которые в течение многих веков были прочной опорой римского первосвященника против государей, народов и самого духовенства. Святой престол всегда находил в них верных эмиссаров, опору своей деспотической власти, пламенных защитников его узурпаций. Он особенно их любил и защищал против врагов. При помощи изощренной и туманной теологии они углубили невежество христиан и сотни раз потрясали весь мир своими пустыми, презренными спорами...

Доминик оказал римскому престолу особенно выдающиеся услуги. В голове этого пылкого фанатика зародилась идея трибунала инквизиции, о которой мы говорили. Монахи учрежденного этим чудовищем ордена стали судьями людей, палачами совести, ужасными исполнителями жестокостей святейшего отца, который, подобно Сатурну, вечно пожирал своих собственных детей. В результате изобретения этого проклятого трибунала все граждане были отданы во власть мрачного террора. У целых народов отец боялся сына, жены, близких. Набожность вменяла в обязанность каждому доносить по делам ереси даже на кровного, близкого родственника. Узы родства, дружбы, общественности были совершенно порваны религией, изощрявшейся в способах делать своих последователей дурными. Она вменила в священный долг становиться доносчиком и предателем. Она изгнала из обращения доверие и свободу. Таковы важные услуги, оказанные великим Домиником роду человеческому.

Мы не станем здесь распространяться о тех гнусностях, которые творились всегда в этом отвратительном трибунале. Его участники имели бесстыдство назвать его «святой службой», в то время как эти чудовища всегда используют его для удовлетворения своей жадности, мстительности, стремления к роскоши. Заметим только, что учреждение это, воистину достойное канибалов, оказывается в прямом

противоречии с принципами христианства, которое всегда лицемерно проявляло огромное усердие в делах спасения души. В самом деле, разве они, предавая упорного еретика огню, не посылали его, по понятиям богословов, прямо в ад? Оставляя такого человека в живых, гонители разве не могут надеяться, что промысел божий может когда-нибудь отвратить его от заблуждений? Но религиозное бешенство не умеет рассуждать. Свою жестокость к врагам оно доводит до того, что хочет осудить их и на том свете, после того как их подвергли жесточайшей казни на этом свете. Правильнее сказать, что инквизиторы были всегда обманщиками, закрывавшими глаза на все, когда дело шло об интересах духовенства. А между тем, чтобы обелить церковь, заявляющую, что она гнушается крови, от подозрения в жестокости, гнусные инквизиторы притворно умоляют светские власти о снисхождении к несчастным, которых они осудили и выдали властям. Они вполне уверены, что судьи не снизойдут к их просьбе. Ведь им грозит отлучение, если они посмеют помиловать тех, кого инквизиция признала виновными.

Таким образом, христиане стали подражать самым варварским народам в своих религиозных жестокостях. В то время как эти слепые твердят нам, что почитают благого бога, они не перестают совершать ужаснейшие жестокости, чтобы ему угодить. Они приносят ему человеческие жертвы. И у них хватает безумия называть «делами веры» эти возмутительные дела свирепости попов. Могущественные цари имеют низость предоставлять свой аппарат к услугам этих извергов. Они допускают, чтобы монахи распоряжались жизнью и имуществом их подданных. Они терпят, награждают, одаряют кровавый трибунал, созданный для того, чтобы изгнать из их государств науку, просвещение, индустрию, деятельность и особенно разум, без которого нельзя обладать нравственностью...

Среди орденов, возникших в последние века, особенно замечателен орден иезуитов. Он был учрежден святым Игнатием, испанским фанатиком, у которого под влиянием чтения одной легенды окончательно помутился разум. Так как его голова романтика склонила его в сторону набожности, он поставил себе задачей искать опасных приключений и стать Дон-Кихотом римской религии, которая в то время подвергалась атакам многочисленных ересей. Воспитанный в военной среде, он в своем воинственном пыле задумал

учредить монашеское воинство, предназначенное для неустанной борьбы с врагами церкви. Он получил одобрение у папы, увидевшего в этих новых солдатах воинственные отряды, которые с успехом могли бы служить ему для поддержания его власти, подвергшейся со всех сторон нападениям многочисленных мятежников.

Орден, учрежденный Игнатием, в короткое время затмил все существовавшие до него в христианстве. Последние, работавшие в течение веков, благодаря благочестию верующих коснели в бездействии и думали только о том, чтобы в праздности наслаждаться богатствами, полученными от государей и народов. Не таков был дух «Общества Иисуса». Оно вспомнило, что его божественный учитель явился, чтобы принести «не мир, но меч». Поэтому война стала его стихией, и оно служило римской церкви с необыкновенным пылом. Мы видим поэтому, что за два столетия один этот орден дал почти столько же святых, сколько все прочие ордена, вместе взятые. В самом деле, нет таких монахов, которым римский первосвященник был бы так много обязан. Обязавшись специальной клятвой слепо следовать воле святейшего отца, иезуиты, казалось, были чудесным образом специально созданы для того, чтобы в нашу эпоху поддержать, расширить и защитить деспотизм наместника Иисуса Христа. Правда, несмотря на свои клятвы, они довольно часто выходили из повиновения. Но это всегда бывало лишь для того, чтобы лучше услужить. Чтобы вернее достигнуть этой цели, они во всех странах затевают заговоры, замышляют перевороты, сеют раздоры, смуты и мятежи, покушаются на особу королей, и все это, как они заверяют, «для вящей славы бога».

Воинственный и беспокойный дух этих монахов-воинов не мог удовлетвориться тем, что сеял смуту в пределах нашего полушария при помощи благочестивых фанатиков, которых орден сумел сделать орудием для выполнения своих широких замыслов. Он посылал людей в самые отдаленные страны, чтобы там завоевывать души для бога, подданных для папы и богатство для себя. По примеру святого Павла иезуит стал «всею для всех». В Индии он сочетал культ идолов с культом Иисуса и тем облегчил успех евангелия и торговых операций «Общества».

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 203, 254—255, 255—258, 266—267.

Подчиняясь жесточайшему деспотизму в своем ордене, иезуиты являются самыми гнусными защитниками тирании и в государстве. Они проповедуют безграничное повиновение государям и независимость последних от закона, но призывают их слепо подчиняться воле папы; последнего они объявляют непогрешимым и обосновывают его права на всемирное господство, чтобы, властвуя над ним, властвовать над всеми...

Едва успел этот орден возникнуть, как стал богатым, многочисленным и мощным. За короткое время он обосновался в Испании, Португалии, Франции, Италии, Германии, Англии, на Севере и Юге, в Африке, Америке, Китае, Индии, Японии. Повсюду иезуиты проявляли свое честолюбие, устрашали, неистовствовали; повсюду они ставили себя выше законов, утверждали и отстаивали свою независимость; всем своим поведением они как бы давали знать, что призваны управлять миром.

Со времени учреждения ордена не проходило года без того, чтобы иезуиты не прославили себя каким-нибудь громким злодеянием...

Добавлю, что нет более развращенных учений, чем те, которые распространялись ими.

Д. Дидро. Иезуиты. Избранные атеистические произведения. М., 1956, стр. 94, 96, 99.

КОРЫСТОЛЮБИЕ ДУХОВЕНСТВА. РАЗОРИТЕЛЬНОСТЬ РЕЛИГИОЗНОГО КУЛЬТА ДЛЯ НАРОДОВ И ГОСУДАРСТВ

Религия, проявляющая нетерпимость, религия, требующая огромных расходов для своего культа, есть, бесспорно, вредная религия. С течением времени ее нетерпимость должна повлечь за собой обезлюдение государства, а ее слишком дорогой культ — разорить его. Есть такое католическое государство, где насчитывают почти 15 тысяч монастырей, 12 тысяч приорств, 15 тысяч часовен, 1300 аббатств, 90 тысяч священников, обслуживающих 45 тысяч приходов; где насчитывают, кроме того, бесчисленное множество аббатов, семинаристов и духовных лиц всякого рода. В совокупности их имеется по крайней мере около 300 тысяч человек! На расходуемые на них суммы можно было содержать значительный флот и сухопутную армию. Столь обременительная для государства религия не может оставаться в течение долгого времени религией просвещенного и цивилизованного королевства. Народ, подчиняющийся ей, трудится только для содержания в роскоши и довольстве священнослужителей. И каждый из его граждан есть лишь крепостной духовенства...

В стране, где насчитывается 30 тысяч разных кюре, епископов, прелатов, монахов, священников, каноников и т. д., расходы на жилище, отопление, пищу, одежду и т. д. каждого такого попа должны в среднем обходиться государству ежедневно в 1 экю. Но чтобы иметь необходимые для этого деньги, какие огромные суммы должно взимать с народа духовенство в виде земельных участков, рент, десятин, пенсий, плат за обедни, постройки зданий, ремонта церковных зданий и часовен, садовых участков, сокровищниц приходов и братств, церковных украшений, серебра, милостынь, сдачи внаем церковных стульев, крестин, пожертвований, свадеб, похорон, служб, сборов подаяний, отпущений грехов, оплаты проповедников, миссий и т. д.!

Одной только десятины духовенство взимает с обрабатываемых земель государства почти столько же, сколько все его собственники...

Если принять общее число попов в 200 тысяч, то содержание их все же должно обходиться в 600 тысяч ливров в день и, следовательно, в 210 миллионов в год. Но какие

флот и сухопутную армию можно было бы содержать на такие деньги! Таким образом, мудрое правительство не может быть заинтересовано в сохранении столь разорительной и столь обременительной для его подданных религии. В Австрии, Испании, Баварии и, может быть, даже во Франции попы (за вычетом процентов, уплачиваемых рантье) богаче, чем государи.

К. Гельвеций. О человеке. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 47—48.

...Я окажусь из всех философов самым опасным для священников, ибо самый опасный философ тот, который показывает монарху, каких колоссальных сумм стоят его государству эти надменные и бесполезные бездельники;

который говорит ему — как это делаю я, — что у вас сто пятьдесят тысяч человек получают от вас и ваших подданных ежедневно почти сто пятьдесят тысяч экю за то, чтобы бормотать чепуху в храмах и оглушать нас своими колоколами.

Д. Дидро. Речь философа, обращенная к королю. Избранные атеистические произведения. М., 1956, стр. 244.

Нет такой лжи, таких хитростей, обмана, злоупотребления доверием, наконец, низких и подлых средств, к которым не прибегали бы для своего обогащения попы. Составленный Балюзом сборник капитуляриев (том II) показывает нам, каким образом церковники добились некогда во Франции того, чтобы им платили десятину. «С неба якобы снизошло послание Иисуса Христа. В этом послании спаситель угрожал язычникам, колдунам и тем, кто не станет платить десятины, поразить их поля бесплодием и наслать на их дома крылатых змей, которые-де будут пожирать сосцы их женщин». Когда это первое послание не имело успеха, церковники обратились к дьяволу. Они изображают его (см. те же самые капитулярии, том I) говорящим на народном собрании, и дьявол, сделавшийся вдруг апостолом и миссионером, принимает здесь близко к сердцу благо французов. Он старается призвать их к выполнению их обязанности спасительными наказаниями. «Откройте наконец глаза, — говорило духовенство, — сам дьявол — виновник последнего голода, сам дьявол пожрал зерно в колосьях, бойтесь его ярости. Среди деревенского люда он объявил со страшными

завываниями, что найдет самые суровые наказания на ожесточившихся христиан, отказывающихся вносить нам десятину». Весь этот обман со стороны духовенства доказывает, что во времена Карла Великого десятину платили только набожные люди. Если бы духовенство имело право взимать ее, то оно не обращалось бы за помощью то к богу, то к дьяволу.

К. Гельвеций. О человеке. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 63—64.

...Монахи, предаваясь праздности, утопая в богатстве, не замедлили использовать те блага, которые доставляла им простоватость верующих, чтобы дать волю своим страстям. Они предавались пьянству, обжорству, распутству, они даже не считали нужным соблюдать внешнее приличие, и, по-видимому, не боялись шокировать народы, вера которых, казалось, должна была рушиться при виде того, как неизмеримо далеко эти святые отошли от духа своих учреждений...

Это распутство монахов привело к окончательному упразднению монашеских орденов в тех странах, где победила Реформация, но они остались в странах, сохранивших покорность римскому первосвященнику, прирожденному главе этого священного воинства. В наиболее набожных странах эти монахи продолжают безнаказанно проявлять то же своеволие, которым они отличались повсюду в эпоху невежества. В других государствах, менее суеверных, монахи, став предметом презрения порядочного общества и просвещенных людей, продолжают еще взимать с несчастного народа обычную дань, демонстрировать ему время от времени чудеса, вытягивать у него деньги благочестивыми обманами и, во всяком случае, растрачивать без всякой пользы огромные доходы с имущества, доставшегося некогда их монастырю в дар.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 260—261, 262—263.

ТЯГОСТНОЕ ИГО НАД ЛЮДЬМИ ПРОТЕСТАНТСКОГО ДУХОВЕНСТВА

Жертвы наглых мероприятий папы и его сторонников тщетно в течение веков требовали «реформы церкви в главе и в членах». Созывали соборы, много говорили на них о злоупотреблениях, но эти злоупотребления отнюдь не прекращались...

Реформы, провозглашенные епископами, никогда не имели успеха. Духовенство продолжало свои грабежи, а папа — свои вымогательства у самого духовенства. Алчные легаты объезжали по распоряжению папы Европу и налагали контрибуции на епископов, священников и народ — без различия. Между прочим, они через духовных маклеров торговали индульгенциями, искуплениями, диспенсациями, разрешениями оскорблять бога. Наконец, папы, вожди религии, выдающей себя за величайшую опору нравственности, довели свое бесстыдство до того, что выработали тариф на грехи и на суммы, потребные на их искупление. Тариф этот известен под именем «Апостольской таксы римской канцелярии». Каждый может здесь с одного взгляда увидеть, сколько ему будет стоить у святейшего отца прощение прошлых, настоящих и будущих злодеяний.

Когда это распутство дошло до крайнего предела, оно произвело наконец переворот в умах. В Европе началось возрождение наук, книгопечатание сделало книги более доступными, кое-кто начал задумываться.

Недовольные или ревнивые к своим собратьям, священники начали выступать против пороков римской церкви, против злоупотреблений духовенства, против некоторых, наиболее вопиющих обманов, которыми издавна дурачили людей.

Измученные злобой духовных тиранов, оскорбленные их безнравственностью, раздраженные их вымогательствами, народы стали с удовольствием прислушиваться к рассуждениям новых учителей.

При помощи своих государей северные королевства, Англия и большая часть Германии сбросили с себя и разбили цепи Рима и его духовенства...

Апостолами реформы руководили не разум, и не любовь к истине, и не искреннее желание обеспечить благосостояние народов. Ими руководили скорее тщеславное желание отличиться, желание блеснуть новыми открытиями или

выдумками, ревнивое недовольство главарями господствующей церкви, стремление оспаривать их мнения, чтобы их опорочить, повредить им и получить господство вместо них. Таковы были во все времена истинные побуждения ересиархов, главарей христианских сект.

В Германии Лютер, августинский монах, из зависти к братьям-проповедникам, которым, в ущерб его ордену, поручили продажу папских индульгенций, начал опорочивать этот духовный товар. Этой дерзостью он навлек на себя гнев святого престола. Лютер тоже в свою очередь входит в раж, гнев делает его главарем секты, охватившей вскоре все северные страны. Его учение проникает далеко и находит во всех странах людей, не желающих более носить цепи, в которых развратное духовенство держало их столько веков.

Реформаторы отнюдь не были добродетельными людьми, искренне увлеченными желанием освободить род человеческий от его оков. Они откололись от римской церкви только для того, чтобы самим создать новое царство, где они могли бы пользоваться неограниченной властью над своими новыми последователями. Переменив руководителей, народы лишь заменили одних тиранов другими.

Протестанты, избавившись от ига папы, объявившего себя непогрешимым, подпали под иго своих церковнослужителей и их вождей, которые, хоть и не претендуют на непогрешимость, требовали все-таки точного выполнения своих решений.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 208, 209—210, 211, 214.

РЕЛИГИОЗНАЯ НЕТЕРПИМОСТЬ И ФАНАТИЗМ — ОРУДИЯ НАСИЛИЯ И УГНЕТЕНИЯ

Все без исключения религии были проникнуты фанатизмом и утоляли его жажду потоками человеческой крови.

Здесь христиане, имеющие возможность, как доказывает Варбуртон, свободно отправлять свое богослужение, если бы не желали уничтожать идолопоклонство, сами своей нетерпимостью вызывают преследование со стороны язычников.

Здесь различные секты христиан с ожесточением борются друг против друга и раздирают Византийскую империю.

Там, в Аравии, возникает новая религия, повелевающая сарацинам обойти землю с мечом и огнем в руках.

За нашествием этих варваров следует война против неверных под знаменем креста: целые государства покидают Европу и наводняют Азию, производя по дороге ужасные грабежи и погибая в песках Аравии и Египта. Далее, фанатизм вкладывает оружие в руки христианских государей и заставляет католиков избивать еретиков; на земле снова появляются пытки, изобретенные Бузирисами, Фаларисами и Неронами; фанатизм воздвигает и зажигает в Испании костры инквизиции, в то время как благочестивые испанцы покидают свои порты и переплывают моря, чтобы водрузить крест и внести опустошение в Америку. Обратим ли мы наши взоры на север, юг, восток и запад земного шара, всюду мы увидим священный нож религии, занесенный над грудью женщин, детей и старцев, и всюду земля, дымящаяся от крови жертв, принесенных ложным богам или высшему существу, представляет обширное, отвратительное и ужасное зрелище жертв нетерпимости.

К. Гельвеций. Об уме. Сочинения в двух томах, т. 1. М., 1973, стр. 313—314.

Что получается из религиозной нетерпимости? Несчастье народов. Что освящается нетерпимостью? Честолюбие духовенства. Чрезмерная жадность монахов к власти породила их чрезмерное варварство. Жестокый по своей теории, монах жесток еще и по своему воспитанию. Всякий католический поп, слабый, лицемерный и трусливый по своему положению, как правило, должен быть жестоким. Поэтому

в странах, находящихся под их властью, эти попы во все времена делали все, что только может придумать самая утонченная несправедливость и жестокость. Нет ничего удивительного в том, что из религии, основанной для того, чтобы учить кротости и милосердию, они сделали орудие преследования и убийств; что, забрызганные кровью, пролитой на аутодафе, они осмеливаются у алтаря воздымать к небу руки, обагренные человеческой кровью. Монах таков, каким он должен быть. Покрытый кровью еретиков, он должен считать себя мстителем за божество. В какие минуты умолять его о милосердии? Станут ли его руки чистыми от того, что церковь объявит их такими? А какая корпорация не признавала законными самые гнусные поступки, если они имели целью рост ее могущества?

Этого, по признанию церкви, достаточно, чтобы освятить любое преступление. Я изучил различные религии и нашел, что их различные последователи вырывают друг у друга факелы, с помощью которых они хотят сжигать своих ближних. Я нашел, что различные суеверия служат опорой гордости духовенства.

К. Гельвеций. О человеке. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 229—230.

Нетерпимость этого рода самая опасная. Действительным мотивом ее является любовь к власти, религия же служит предлогом. Кого наказывают в лице еретика или безбожника? Того, кто достаточно мужествен, чтобы мыслить самостоятельно, кто больше доверяет своему разуму, чем разуму попов, и считает, что правом мыслить в равной мере обладают все. Мнимый мститель неба всегда мстит лишь за свою униженную гордость. Попы в этом отношении одинаковы почти во всех религиях.

К. Гельвеций. О человеке. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 221.

...Все религии... всегда поклонялись некоему жестокому божеству; жрецы его в своих интересах — им надо было запугивать людей — придавали культу этого божества ужасный, отвратительный характер. Финикияне, тиряне, карфагеняне приносили своих собственных детей в жертву своему богу. Религия ожесточала сердца женщин и заставляла их победить в себе материнское чувство; они присутствовали при этих страшных жертвоприношениях, обязаны

были созерцать их, не проронив ни единой слезинки. Они хладнокровно слышали крики жертв, отрываемых от их груди. Жрецы алтаря почти везде превращались в палачей, брали в руки священный нож и с любознательностью рассматривали трепещущие внутренности человека. Эти жрецы не только не старались открыть глаза народу на всю гнусность подобного ритуала, они видели свой интерес в том, чтобы поддерживать эти мрачные и свирепые обычаи и сделать религию грозной и страшной. Культ Дианы, требовавшей человеческих жертв, показывает, что и религия древних греков, которую обычно считают жизнерадостной, была жестока и кровожадна, во всяком случае вначале. В первые годы республики римляне приносили в жертву людей. Как известно, бои гладиаторов были священным обычаем. Если впоследствии греки и римляне отказались от этих отвратительных обычаев, то лишь потому, что с течением времени разум заставил религию принять более мягкий характер. Как мы уже не раз упоминали, представления о божестве создавались обычно в обстановке катастроф и несчастий; нужны были века процветания и крайне медленного прогресса человеческого разума, чтобы смягчить характер людей и сделать их менее религиозными. Но новые бедствия снова подогревали старые мрачные религиозные представления.

Нельзя и ожидать, чтоб религии, запятнанные подобными гнусностями, построенные на столь варварских божествах, питаемые столь возмутительными зрелищами, могли быть гуманными, мягкими, веротерпимыми. Поскольку человек считает себя созданием жестокого бога, он должен уподобиться последнему, служить ему согласно его вкусам, приносить ему в жертву людей, принести ему в жертву самого себя. Жертвоприношения Авраама, Иеффая и христианского бога, гнусная резня, учиненная над народами Ханаана, предполагают, как уже говорилось выше, бога столь же свирепого и кровожадного, столь же враждебного роду человеческому, как дикие боги греков, финикийян и мексиканцев, а быть может, даже более свирепого. Каждый христианин содрогнется при рассказе о страшном культе этих последних и будет стараться так или иначе обелить своего бога от вины за те гнусные действия, которые он неоднократно предписывал своим последователям.

Как только дело коснется религии, люди впадают в ослепление и не применяют к себе тех критериев, с которыми судят о поведении других. Христианин осуждает теперь

варварских богов языческой древности и ее жертвоприношения, он возмущен подлыми жрецами, которые закалывали в жертву этим богам людей и поддерживали в народе гнусные суеверия, идущие против всех законов природы. Неужели же этот христианин не видит, что по тем же соображениям он должен осудить и своего бога, которому столь же гнусные попы приносят теперь в жертву еретиков, именем которого эти попы проповедуют войны и убийства, а государи изводят своих подданных! Этот христианин храбро порицает разрушительное рвение мусульман, которые с саблей в одной руке и Кораном в другой опустошают Азию и Африку; но хватит ли у него мужества порицать Моисея, Иисуса Навина, Гедеона, которые во имя Иеговы шли грабить и уничтожать народы? Разве какому-нибудь богу в древних и новых религиях было за все время принесено столько человеческих жертв, сколько богу евреев и христиан? Даже жертвоприношения в Мексике не могут сравниться по своей жестокости с теми, которые во славу своих богов совершали народы Европы, разделенные в течение веков суеверными распрями пап и императоров. Каждый прощает своему богу и служителям этого бога самые черные деяния, признает за ними исключительное право совершать преступления. К таким результатам ведет религиозное ослепление. Оно делает людей нелогичными, не дает им увидеть всю омерзительную гнусность их религий и обычаев, они не видят даже того, что совершается у них под носом и что возмутило бы их до глубины души, если бы они не были во власти своих предрассудков.

В театре зритель готов разрыдаться и испытывает жгучее негодование, когда смотрит «Ифигению»¹, в которой показаны результаты религиозного фанатизма. Зритель проклинает жреца Калхаса, который от имени богов вырывает у нежного отца согласие на возмутительное заклятие его любимой дочери. Однако тот же сердобольный зритель не находит ничего предосудительного в том, что бог потребовал от Авраама принести ему в жертву своего сына Исаака, или в том, что тот же бог потребовал, чтобы Иисус Христос принес самого себя в жертву. А между тем это

¹ «Ифигения» — имеется в виду знаменитая трагедия французского драматурга Жана Расина (1639—1699) «Ифигения в Авлиде», представляющая собой творческую переработку одноименной трагедии Эврипида, который положил в ее основу миф (взятый из «Илиады» Гомера) о неудачной попытке жреца Калхаса осуществить кровавое человеческое жертвоприношение — заколоть на алтаре Артемиды прекрасную Ифигению, дочь возглавлявшего поход греков против Трои царя Агамемнона.

такие же преступления, как в драме «Ифигения». Зритель не видит, что ужасы, изображенные в любой трагедии, меркнут перед теми злодеяниями, которые его священные книги приписывают Моисею, Иисусу Навину, Самуилу, Давиду, Юдифи и пр.

Разве религия меняет дело? Разве преступление перестает быть преступлением, потому что в нем участвуют другие имена? Разве, допуская, что бог мог приказывать подобные гнусности, мы не убиваем самое идею бога?

А между тем все боги во все времена наделялись гнусными чертами. Все культы носили мрачный и бесчеловечный характер. Все религии делали людей мрачными и антиобщественными. *Все жрецы и попы царствовали с помощью страха, насилий и преступлений.*

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 124—125.

Подумайте, как эта мысль о боге и геенне огненной искажает и нарушает весь ход наших рассуждений. Разве не эта мысль... заставляет нас считать необходимым то, что в действительности должно быть для нас безразличным, и в то же время заставляет нас считать безразличным то, что является строго необходимым? И разве не эта самая мысль толкает нас на убийство десятков тысяч людей только потому, что они верят иначе, чем мы! Вальденсы¹, альбигойцы², Варфоломеевская ночь³, инквизиция, драгонады⁴ — всего не упомнишь — ясно это доказывают.

Д. Дидро. Беседа с аббатом Бартеlemi. Избранные атеистические произведения. М., 1956, стр. 235.

---

¹ Вальденсы — приверженцы христианской ереси, возникшей в XII в. на юге Франции и распространившейся в ряде других стран Южной и Центральной Европы. Это движение объединяло в своих рядах антифеодально настроенные городские низы и крестьянство. Вплоть до конца XVII в. вальденсы подвергались жесточайшим преследованиям со стороны католической церкви и светских властей.

² Альбигойцы (по названию г. Альби) — последователи ереси катаров на юге Франции, отделившиеся от католической церкви. Движение альбигойцев носило антифеодальный характер. Оно было жестоко подавлено в ходе организованных против них папой «крестовых походов» в начале XIII в.

³ Варфоломеевская ночь — массовое истребление французских протестантов (гугенотов) католиками в Париже в ночь на праздник св. Варфоломея 24 августа 1572 г.

⁴ Драгонады — имеются в виду практиковавшиеся с конца XVII в.

Вот почему религиозные войны — самые жестокие из всех войн. Как только раздастся клич религии, мрачный ужас, смутная тревога овладевают умами, люди в угрюмом молчании слушают священника или озаренного. Из всех человеческих страстей страх — самая заразительная. Страх перед богом, не будучи сосредоточен на чем-либо реальном, все растет и ширится, каждый охвачен этим беспричинным страхом, каждый усугубляет страх соседа и свой собственный, на всех лицах печать тревоги и оцепенения, и в то время, как пророк обращается к разгоряченному воображению толпы, фанатик уже точит свой кинжал или нож.

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 96.

Знаменитый Торквемада, испанский инквизитор, хвалился, что истребил огнем и мечом более пятидесяти тысяч еретиков; это горячее рвение доставило ему мантию кардинала. Резня в Варфоломеевскую ночь погубила столько же людей в одном Париже. Массовые убийства в Ирландии стоили жизни ста пятидесяти тысячам протестантам (под ними, очевидно, понимаются здесь ирландские католики. — Ред.). В крестовом походе против альбигойцев сжигали целиком население ряда городов. Варварство доходило до того, что сажали на кол нагих девушек и в таком виде носили их по городу. Нельзя читать без дрожи о тех жестокостях, которые по воле государей и духовенства обрушились на вальденсов, анабаптистов¹, протестантов во Франции, Савойе, Венгрии. Попы, как это ясно, самые дикие и свирепые люди в мире. С помощью казней они хотят заставить полюбить религию; впрочем, их девиз скорее слова тирана: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись»...

Сколько миллионов людей было убито в Европе даже уже после Реформации! Сколько крови было пролито во Франции ради католической религии! Когда дело касалось религии, наши соседи-французы, несмотря на свое врожден-

---

феодално-абсолютистским режимом Франции разорительно-издевательские посты драгун в домах протестантов, имевшие целью заставить последних принять католическую религию.

¹ Анабаптисты — сторонники радикального крестьянско-плебейского течения в немецкой реформации XVI в., осужденного ортодоксальным лютеранством как опаснейшая ересь и жестоко подавленного князьями.

ное легкомыслие и свою хваленую учтивость, оказывались жестокими и упрямыми, как дикие звери. Приемы, которые они применяют по отношению к протестантам, показывают, что в области фанатизма французы остались такими же, как во время своих религиозных войн. Религиозный фанатизм служил также предлогом и причиной к знаменитой Тридцатилетней войне¹ в Германии, окончившейся Вестфальским миром. При этом религия служила маской для устремлений Габсбургской династии², которая всегда связывала свои интересы с попами и монахами против своих подданных и интересов своих соседей.

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 98, 124.

Несомненно, не найдется человека, который не содрогнулся бы и не вознегодовал бы при виде тех ужасных результатов, о которых у нас шла речь выше, и не вынужден был бы признать реальность зол, вытекающих из религиозных воззрений человечества. Но нам, быть может, скажут, что те эксцессы, о которых мы писали, происходили не по вине самой религии, а от злоупотребления ею; нам скажут, что злоупотребление самыми полезными вещами может оказаться вредным и что ужасы, которым религия служит только предлогом, следует отнести за счет человеческих страстей.

Я отвечаю на это, что источник человеческих несчастий следует искать в *принципах самой религии*, в боге, являющемся основой религии, в пагубных представлениях людей об этом боге; несчастья человечества были и всегда будут неизбежными следствиями этих представлений. Как уже указывалось выше, люди, испытывая в жизни добро и зло, считают бога виновником того и другого, приписывают ему все, что происходит с ними на этом свете. Поэтому при всем

---

¹ Тридцатилетняя война (1618—1648) велась между носителями феодально-католической реакции (германский император, испанский и польский короли) и чешскими, немецкими, датскими, шведскими, английскими протестантами, а также присоединившейся к последним из внешнеполитических соображений католической Францией. Вестфальский мир положил конец Тридцатилетней войне, закрепив поражение в ней феодально-католической реакции.

² Габсбургская династия — династия германских императоров и испанских королей, активно поддерживавшая на протяжении долгого периода (от средних веков до нового времени) католическую церковь как опору феодально-монархических режимов.

своём желании они не могут приписывать богу неизменную благодать. Поскольку они терпят страдания, они должны бояться бога; а раз они его боятся, они должны предполагать его злым или, по крайней мере, быть настороже относительно его намерений, которые могут быть то добрыми, то злыми для них. Бог, который все знает и все может, бог, без соизволения которого ничто не происходит в нашем мире, такой бог не может быть неизменно добрым. В представлениях людей страшный бог должен всегда затмевать милостивого бога. Опасный бог всегда будет занимать умы больше, чем преблагой бог, которого нечего бояться. Итак, представление о боге необходимо связано с чувством страха, а это чувство предполагает в своём объекте злость...

Итак, мы должны приписать самим принципам религии те безумства и ужасы, которые она всегда вызывала. Обманутые относительно божества люди извлекли из этих принципов выводы, вреднейшие для своего счастья здесь, на земле. Их поведение стало длинной цепью безумств. Религия, которой нельзя противоречить, которую нельзя критиковать, окружает в глазах народа ореолом дикие выпады честолюбцев, фанатиков и шарлатанов, которые ухищряются приписывать богу зверства, рожденные их омерзительными страстями...

Предрассудки народа и отношение правительства к исповедующим другую религию, отличную от господствующей, всегда определяются тем влиянием, которым пользуется в стране духовенство. Всюду, где духовенство пользуется влиянием, оно терзает, преследует, уничтожает инаковерующих.

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 104—105, 106, 117.

Католические попы, подвергаясь преследованию со стороны кальвинистских или мусульманских, называют преследование нарушением естественного закона. Если же преследователями оказываются сами эти попы, то преследование кажется им законным, в них оно есть плод священного рвения и любви к ближнему. Таким образом, одни и те же поступки становятся несправедливыми или законными в зависимости от того, является ли поп жертвой или палачом.

Почитайте историю различных религий, и в частности христианских. До тех пор, пока они слабы, они желают,

чтобы в теологических спорах пользовались только оружием рассуждения и убеждения.

Но стоит этим религиям окрепнуть, как из преследуемых они становятся, как я уже сказал, преследователями. Кальвин сжигает Сервета; иезуиты преследуют янсенистов, а янсенисты хотели бы сжечь дейстов.

К. Гельвеций. О человеке. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 476—477

Всякая религия по сущности своей нетерпима как в силу своих принципов, так и в силу своих интересов...

Священник мягок лишь тогда, когда ему не позволяют преследовать. Но как только он чувствует себя в силе, жестокость ему нипочем, и он находит преступление необходимым для успеха своего обмана.

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 127—128.

В делах религии все средства, возбуждающие ненависть, негодование, презрение,— нечестивы.

Все средства, возбуждающие страсти и корыстный интерес,— нечестивы.

Все средства, разрывающие естественные узы, отвращающие отцов от детей, братьев от братьев, сестер от сестер,— нечестивы.

Все средства, направленные к тому, чтобы поднять людей и целые нации друг против друга, залить землю кровью,— нечестивы.

Нечестиво подчинять совесть тем или иным законам, ибо совесть сама должна управлять всеми действиями человека. Нужно убеждать, но не принуждать. Людей, искренне впадающих в заблуждение, надо жалеть, а не наказывать.

Нельзя преследовать людей за их принадлежность к той или иной вере.

Д. Дидро. Нетерпимость. Избранные атеистические произведения. М., 1956, стр. 86.

РЕЛИГИЯ — ОПОРА И СОУЧАСТНИЦА ДЕСПОТИЧЕСКОГО, АНТИНАРОДНОГО ПРАВЛЕНИЯ МОНАРХОВ

Нам непрестанно расхваливают огромное положительное влияние религии на политику; мы можем, однако, легко убедиться, что религиозные воззрения в равной мере ослепляют и монархов, и их народы и никогда не внушают им правильных понятий ни об их истинном долге, ни об их истинных интересах. Религия чаще всего воспитывает самовластных и безнравственных тиранов, с одной стороны, а с другой — покорных и забитых рабов, вынужденных им подчиняться.

П. Гольбах. Здравый смысл. «Письма к Евгению. Здравый смысл». М., 1956, стр. 367.

Непрестанно внушая людям, что не земля — их истинная отчизна, что земная жизнь — лишь переходная ступень к жизни потусторонней, что человек не создан для счастья в этом мире, что государи — помазанники божьи и за все злоупотребления властью должны отчитываться только перед одним богом, давшим им эту власть, что сопротивляться государям не дозволено богом, — духовенство добилось увековечения тирании и угнетения народов; благополучие народов было предательски принесено в жертву интересам их повелителей. Чем больше мы размышляем о догмах и принципах религии, тем более мы убеждаемся, что их единственная цель состоит в защите интересов тиранов и духовенства в ущерб интересам общества.

Чтобы замаскировать бессилие своих равнодушных богов, духовенству удалось заставить людей поверить, что гнев божий разжигают сами же люди своими проступками и ослушанием. Поэтому народ обвиняет только самого себя во всех бедствиях и несчастьях, которые он постоянно претерпевает. Иногда люди страдают и вследствие природных катастроф. Но значительно чаще непосредственными виновниками непрерывных бедствий оказываются недостойные правители, которых должен безропотно терпеть народ. Разве не тщеславие королей и великих мира сего, не их недобросовестность, не их пороки, не их гнет бывают обычно причиной неурожая, разорения, войн, эпидемий, развра-

щения нравов и всех бесчисленных катастроф, опустошающих землю?

Постоянно обращая глаза людей к небу, внушая им, что все их страдания вызваны гневом божьим, предоставляя им совершенно непригодные и бесплодные средства борьбы с этими страданиями, духовенство, по-видимому, стремилось лишь помешать людям подумать об истинных причинах их бедствий и тем самым увековечить их страдания. Служители религии похожи на нищих матерей, которые, за неимением хлеба, стараются убаюкать своих голодных детей песенками или же отвлекают их безделушками, чтобы заставить забыть о мучительном голоде.

В состоянии ли люди, с детства ослепленные ложью, скованные незримыми цепями предубеждений, обеспамятевшие от панического ужаса, отупевшие в невежестве, познать истинные причины своих страданий? Они верят, что помощи можно искать только у бога. Увы! Неужели же они не видят, что во имя этого-то бога им и приказывают подставлять шею под меч безжалостных тиранов, в которых они могли бы узреть слишком явных виновников своих бедствий и за которых они тем не менее непрестанно молят провидение?

Легковерные народы!.. Небесные боги позаботятся о вас только тогда, когда земные боги признают, что они такие же люди, как и вы, и когда они должным образом будут печься о вашем благополучии.

Недобросовестные, тщеславные и безнравственные государи — вот истинные виновники народных бедствий; бесполезные, неправые и нескончаемые войны опустошают землю; алчные и деспотические правители отнимают у людей дары природы; хищные придворные разоряют земледельцев, душат ремесла, вызывают недороды, эпидемии, нужду; небо не препятствует и не способствует стремлениям народов; зато надменные владыки редко когда снисходят до понимания человеческих нужд.

Внушать государям, что они, вредя своим подданным и пренебрегая их благополучием, должны страшиться только бога, губительно для истинной политики, и это развращает нравы монархов...

В согласии с прекрасными доктринами религиозной морали, всякий тиран, который в течение долгих лет своего владычества только и делал, что притеснял подданных, присваивал себе плоды их трудов, безжалостно распоряжался их судьбой и жизнью ради своего ненасытного тщеславия;

всякий завоеватель, вторгшийся в соседнюю страну, уничтоживший целые нации, бывший всю жизнь настоящим бичом человечества,— все они воображают, что их совесть может быть спокойна, если после стольких злодеяний они поплачут, валяясь в ногах у духовника, обычно настолько подлого и малодушного, что он будет еще утешать и ободрять злодея, для которого трудно придумать достаточно страшную кару за все причиненные им человечеству бедствия.

П. Гольбах. Здравый смысл. «Письма к Евгению. Здравый смысл». М., 1956, стр. 369—372.

Первыми законодателями или царями были, как мы видели, жрецы, посланцы божества, его представители на земле. Когда светская власть была вырвана из рук этих *царей-жрецов* или их преемников и перешла к светским государям, последние увидели, что народы уже давно привыкли к неограниченной власти и слепому повиновению. И вот эти цари продолжали царствовать при помощи тех же принципов, что и жрецы, и пользовались, как и те, *неограниченной властью*. Эти цари скоро заметили, что для того, чтобы безнаказанно угнетать народы, они нуждаются в могущественном орудии религии и установленных взглядов, фактически хранителями которых всегда были попы. Последние, владея умами легковверных народов, утвердили авторитет монархов на том же основании, что и свой. Они окружили государей ореолом божественного величия, объявили их представителями и *подобиями божества*, сделали их земными богами и бросили народы к их стопам. Тогда как народы согласились повиноваться государям в интересах общества, попы сумели убедить людей, что государи — существа особой, высшей породы, изблюбленные небом, просвещенные им и получившие свою власть от *самого бога*; попы уверили людей, что государи отвечают за свои действия только перед богом и что их приказы, так же как и священников, должны встречать безусловное повиновение.

Итак, с помощью суеверия *каждый монарх стал богом*; простертый перед ним его народ стал нулем. Одному суждено править, другому — беспрекословно повиноваться его непогрешимым приказаниям.

Воображение человека создало богов по образу неограниченных и часто безрассудных королей, религия же созда-

ла земных королей по образу своих богов. Обожествленные монархи сделались деспотами на манер богов, стали похожи на те существа, которые они должны были представлять на земле. Власть и безнаказанность развратили их; их страсти и прихоти не встречали никогда отпора, разум, подавленный духовной и государственной властью, не осмеливался возвысить свой голос. Свобода была изгнана, традиция, установленные взгляды заняли место истины, политика находилась под влиянием религиозных заблуждений, народы, жертва своих суеверий, изнывали под бременем своих несчастий и считали себя обязанными терпеть их и не роптать. Народы безуданно обращались к небу с горячими обетами, чтобы умиловить богов за преступления, совершенные обнаглевшими представителями божества на земле. А эти представители пользовались властью, которую религия делала нерушимой и священной, и, довольные этим, обходились без талантов и добродетелей, необходимых для управления, не считали нужным приобретать их. Народы стали игрушкой их прихотей и прихотей их фаворитов, управлявших вместо них.

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 78—79.

У священника и тирана — одна и та же политика и одни и те же интересы. Тому и другому нужны лишь тупые и покорные подданные. Они боятся счастья, свободы и процветания народов, предпочитают царствовать с помощью страха, народной беспомощности и нужды. Они чувствуют себя сильными только тогда, когда все кругом удручены и несчастны. И священник и тиран развращены неограниченной властью, цинизмом и безнаказанностью. Тот и другой развращают людей; одному это нужно для того, чтобы царствовать, другому — для того, чтобы отпускать грехи. Оба они вступают в союз, чтобы гасить просвещение, подавлять разум и душировать самое желание свободы в сердце человека.

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 65—66.

Во всех уголках земли первые вероучители были и первыми властителями, и первыми жрецами диких народов, которым они дали законы и религию.

Религия, по-видимому, только для того и выдумана, чтобы поработать народы и отдавать их во власть неограниченных повелителей. Как только люди чувствуют себя на земле непомерно несчастными, их заставляют молчать, угрожая божьим гневом; их глаза приковывают к небу, чтобы они не заметили истинных причин своих страданий и не вздумали бороться с ними теми средствами, которые предоставляются людям природой.

П. Гольбах. Здравый смысл. «Письма к Евгению. Здравый смысл». М., 1956, стр. 369.

Подавленные двойным игом духовной и гражданской власти, народы не имели возможности позаботиться ни о собственном просвещении, ни о благополучии. Подобно религии, и политика и мораль превратились в святилища, недоступные для простых смертных. Люди не имели другой морали, кроме тех законов, которые возвещались им священниками якобы по наитию свыше. Человеческий разум, одурманенный богословскими догмами, отказался от самопознания, усомнился в собственных силах, отвернулся от опыта, устранился истины, пренебрег здравым смыслом и оторвался от него, слепо покорившись силе. Человек стал безвольным орудием в руках тиранов и священников, управлявших им по собственному усмотрению, и, превратившись в раба, почти во всех странах и во все времена приобрел и пороки и нравы рабов.

П. Гольбах. Здравый смысл. «Письма к Евгению. Здравый смысл». М., 1956, стр. 248.

Какое дело церкви до тирании дурных королей, лишь бы она разделяла с ними их власть!

...Церковь также говорит государю: будь моим рабом, будь исполнителем моих жестокостей, поклонись мне, внуши народам страх перед священниками, пусть они коснеют в невежестве и в тупости — этой ценой я даю тебе безграничную власть над твоими подданными, ты можешь быть тираном.

Как чудовищен этот договор между духовенством и деспотизмом!

К. Гельвеций. О человеке. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 483.

Земля стонет еще под тяжестью множества храмов, посвященных заблуждению. Нет такого заблуждения, которое не было бы религией в каких-нибудь странах.

История Нумы, Зороастра, Магомета и многих основателей современных религий показывает нам, что все религии можно рассматривать как политические учреждения, оказывающие большое влияние на благо народов.

К. Гельвеций. О человеке. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 43.

Можно заметить как довольно постоянный факт, что религиозные и божественные установления укрепляются и упрочиваются, превращаясь в конце концов в гражданские и государственные законы, и что гражданские и государственные установления освящаются и превращаются, вырождаясь, в религиозные и божественные предписания.

Д. Дидро. Добавление к «Путешествию» Бугенвилля. Избранные атеистические произведения. М., 1956, стр. 180.

Так как религия всегда противоречит здоровой политике, она так же тлетворно влияет и на гражданина, т. е. человека, живущего в обществе. Природа говорит человеку: ты свободен, никакая сила на земле не вправе лишить тебя твоих прав; религия же убеждает его, что он раб и обречен своим богом всю свою жизнь томиться под жестоким игом его представителей. Природа советует человеку, живущему в обществе, любить свое отечество, верно служить ему, выступать на его стороне против всех тех, кто попытается вредить ему; религия же приказывает ему безропотно повиноваться тиранам, угнетающим это отечество, служить им в ущерб родине, стараться заслужить их милости, подчинять своих сограждан их беспорядочным прихотям. Однако если монарх недостаточно предан интересам жрецов, то язык религии тотчас же меняется: она приказывает гражданам бунтовать, вменяет им в обязанность сопротивляться их господину, убеждает их, что лучше повиноваться богу, чем людям. Природа говорит государям, что они люди; что вопрос о справедливом и несправедливом не решается по их прихоти; что воля общества — верховный закон; религия же то говорит им, что они боги и никто на земле не вправе оказывать им сопротивление, то превращает их в тиранов, обреченных стать жертвой разгневанных небес.

Религия портит государей; государи в свою очередь портят законы, становящиеся, подобно им самим, несправедливыми; под влиянием этого извращается сущность всех учреждений; воспитание начинает формировать ничтожных, ослепленных предрассудками людей, мечтающих о пустых вещах, богатствах и удовольствиях, которых они могут добиться только несправедливыми путями; указания природы и разума отвергаются; на добродетель начинают смотреть как на призрак, легко жертвуя ею ради всякого рода мелочей; а религия не только не помогает бороться с этими порожденными ею бедствиями, но лишь усугубляет их или же вызывает только бесплодные, быстро изглаживающиеся из памяти сожаления, уносимые потоком привычек, примера, склонностей, рассеянного образа жизни — словом, всем тем, что толкает на преступление всякого человека, который не желает отказаться от счастья.

Так религия и политика объединенными усилиями портят, развращают, отравляют сердце человека, точно все социальные учреждения ставят себе целью сделать его низким или злым.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 574—576.

ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ
ВЛИЯНИЕ
РЕЛИГИИ
НА
МОРАЛЬ

ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ ПРИНЦИПАМИ МОРАЛИ И РЕЛИГИОЗНЫМИ ИДЕАЛАМИ СВЯТОСТИ

Люди более благочестивые, чем просвещенные, выдумали, будто добродетели народов, их гуманность и мягкость их нравов зависят от чистоты их религии. Лицемеры, заинтересованные в распространении этого взгляда, опубликовали его, не веря в него. Большинство же людей поверило в него, не исследуя его.

*К. Гельвеций. О человеке. Сочинения
в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 345.*

Поведение библейских «святых» противоречит подлинной морали

Мы намерены рассмотреть поведение некоторых лиц, которых христианство почитало как святых, героев, полубогов и которых оно нам изображает как людей, бывших в течение своей жизни угодниками мудрого, справедливого и благого бога, орудиями его воли, толкователями его оракулов, блюстителями его верховной власти, предметами его благоволения, обладателями его славы и несказанных наград, уготованных для избранных.

Это тем более необходимо, что христианская религия представляет этих святых как образцы, которым всякий должен стараться подражать, как непогрешимых учителей, которым надо следовать, чтобы обрести вечное счастье как в этом, так и в ином мире...

Христиан убеждают, что угодников божьих нельзя судить с точки зрения рассудка и правил обычной морали. Им говорят, что действия этих почитаемых людей основаны на особых распоряжениях и внушениях бога, чьи неисповедимые решения не подлежат обсуждению. Уверяют, что бог справедливости и доброты властен нарушать, когда ему угодно, несокрушимые правила справедливости, может для своего удовольствия превращать добродетель в преступление и преступление в добродетель. Утверждают, что владыка мира может, когда ему угодно, уничтожать законы нравственности, автором которых его тем не менее считают. Думают, что для его оправдания достаточно заявить, что ведь

«он создает справедливость и несправедливость», что он держит в своих руках судьбы смертных, что он может располагать ими по своему усмотрению и его слишком слабые творения не имеют права критиковать его волю и входить в обсуждение распоряжений, которые он отдает своим слугам.

Вот так религия всегда, в противоречии с самой собой, опрокидывает устои морали, а между тем выдает себя за самую прочную опору ее. Она выводит из бога все обязанности человека, объявляет, что бог включает в себя все мыслимые совершенства. Утверждают, что этот бог гневается за зло, причиняемое его творениям. Считают этого бога неизменным.

А между тем вскоре эта самая религия превращает этого столь совершенного бога в тирана, который не знает других законов, кроме своей прихоти, который не пользуется им самим установленными правилами, который приказывает совершать убийства, кражи, насилия, несправедливость, жестокость, смуту, вероломство, обман и любит людей, запятнанных самыми ужасными пороками и преступлениями.

Разум знает только одну мерку для оценки людей или вещей — реальную и постоянную пользу, какую от них получает род человеческий. Всякий человек, действительно полезный людям, имеет право на их уважение. Но если уважение, признательность и слава — справедливая награда за полезность, если нельзя по совести отказать в уважении тем, кто доставлял или доставляет обществу подлинные блага, то бессмысленно почитать существа бесполезные и уж верх безумия воздавать почести существам вредным...

Разбирая жизнь наиболее выдающихся героев иудаизма, мы найдем там честолюбивых плутов, обольщающих глупый народ своими сказками и фокусами; честолюбцев, тиранящих самым жестоким образом невежественных дикарей, совершенно ослепленных суеверием; пророков, гадалей, жрецов, бесстыдно пользующихся именем бога, чтобы прикрыть свои мрачные дела. Эти святые обманщики на протяжении всей истории еврейского народа являются бичом своей нации и соседних народов...

Писание выставляет как святых тех царей, которые слепо подчинялись духовенству и, воодушевленные жестоким усердием, содействовали его бешеной нетерпимости или же обнаруживали по отношению к нему щедрость.

Таковыми именно добродетелями и отличился перед всеми прочими святой царь Давид, который и сам был пророком и которого Библия называет человеком, особенно угодным богу.

Хотя этот царь зарекомендовал себя в глазах жрецов своего народа покорностью, щедрыми дарами и религиозной жестокостью, но, разбирая его поведение, мы увидим лишь такие поступки, которые способны вызвать ненависть к нему со стороны всякого порядочного и здравомыслящего человека. Сама Библия, рассчитывая воздать ему хвалу, рисует нам его как одно из самых гнусных чудовищ, которые опозорили род человеческий.

В самом деле, столкнувшись с интриганом Самуилом, он получает от него помазание на царство во вред своему законному государю. Не будучи в состоянии осуществить права, данные ему пророком-изменником, он некоторое время держится в тени. Но вот он отличился сказочными подвигами, как все герои Иудеи; благодаря этому он становится известен царю, отдающему за него свою дочь. Вскоре, однако, он впадает в немилость у тестя, которому, конечно, должны были надоесть его козни, поддерживаемые жрецами и пророками. Вынужденный бежать из дворца, чтоб спастись от справедливого гнева царя, Давид направился в Номву к первосвященнику Ахимелеху, снабдившему его и его сторонников провиантом. Саул жестоко и, пожалуй, неосторожно наказал жрецов, пособников взбунтовавшегося зятя. Последний со своей свитой из разбойников бежал в пустыню, откуда совершал набеги на Иудею и налагал дань на своих сограждан. Во время одного из таких походов он был отвергнут Навалом, но обласкан его женой Авигеей, в которую Давид влюбился. После этого Навал скоропостижно умирает и наш святой герой женится на вдове, хотя у него к тому времени были уже две жены.

Однако, когда жизнь Саула была в его руках, он великодушно его пощадил или, по крайней мере, не решился убить своего царя; ведь такой поступок вызвал бы негодование в народе. Саул, зная, с кем он имеет дело, не дал себя обмануть этим актом великодушия. К тому же государи редко прощают тех, кто покушается на их трон. Итак, наш разбойник вынужден был искать убежища у врагов государства — филистимлян. Их царь Анхус принял его радушно. Но Давид отплатил ему за благодеяния и за гостеприимство черной изменой, жестокостями, гнусными грабежами его подданных. Наконец Саул погиб в бою с филистимлянами.

Наш святой в своем безмерном лицемерии притворился, что он огорчен этим происшествием, явившимся верхом его желаний, и оплакивал Саула и его сына Ионафана, которого сумел использовать в своих интересах. Наконец — то был верх притворства — он велит казнить гонца, известившего о смерти царя.

Огорчение, которое смерть Саула доставила чувствительному Давиду, не помешало ему короноваться в цари Иудина племени в ущерб сыну Саула Иевосфею, признанному всем остальным народом. Давид подговорил его полководца Авенира, и вскоре Иевосфей был убит. Это убийство сделало нашего героя властелином всего израильского царства. Не довольствуясь пределами своего царства, наш герой вскоре затевает очень удачную войну с соседями. К побежденным он проявил варварскую, возмутительную жестокость. Библия сообщает, что жителей Равваха он «присудил к пилам, к железным молотилам и железным секирам и ввергал их в печь для обжигания кирпичей; так поступил он со всеми городами аммонитян, попавшими в его руки».

Среди всех этих злодеяний набожность побуждала его построить храм господу, но господь через жившего при дворе пророка уведомил его, что вполне удовлетворен его доброй волей и что он не хотел бы, чтобы государь, чьи руки обагрены кровью от стольких войн, строил храм мира.

Слава святого царя, по признанию поклонников Библии, несколько попорчена его похождениями с прекрасной Вирсавией. Не довольствуясь тем, что он отнял жену у Урии, одного из своих верноподданных, он постарался погубить его, чтобы спокойно наслаждаться его женой. Он приказал своему полководцу Иоаву поставить этого офицера в бою на такой опасный пост, чтоб он оттуда спастись не мог. Бог оставил это преступление без наказания. Давид отделался выражением смирения и признанием своей вины в присутствии пророка Нафана, который с большим тактом и деликатно, как это было в обычае у царедворцев, упрекал его за грех, который мог вызвать возмущение в народе, весьма непримиримом в вопросах прелюбодеяния.

Мерзкое царствование этого тирана было встревожено некоторыми восстаниями, поднятыми Авессаломом и его подданными, которые, несомненно, не раз возмущались гнусным поведением и беззакониями благочестивого государя. Близкие друзья бога обычно не беспокоятся о том, чтобы снискать любовь людей. Давиду, однако, удалось по-

давить мятежи и мирно прожить до конца своих дней. Он воспользовался этим миром, чтобы произвести перепись своих подданных. Но бог рассердился за эту разумную меру; хотя он закрывал глаза на столько преступлений своего слуги, он решил примерно наказать его за эту перепись. Однако Давида, признавшего свою вину, он пощадил — наказание постигло подвергнутых исчислению подданных, из коих бог умертвил посредством чумы семьдесят тысяч за вину царя. Вот как писание рисует нам правосудие божие; оно прощает виновных и обрушивает незаслуженно кару на невинных.

Вскоре этот святой, в котором годы не притупили, однако, страсти к женщинам, взял себе сверх обычного гарема молодую сунамитянку, по имени Ависага, чтобы она согревала его в постели. Святой Иероним утверждает, что это проявление сладострастия надо объяснять аллегорически и что надо быть большим дураком, чтобы понимать этот рассказ Библии буквально. По его мнению, Ависага, которую Давид в старости взял к себе, чтобы она его согревала, «означает, что мудрость — подруга старцев». Если применять такой метод, то нет ничего на свете, чего богословы не смогли бы оправдать.

Видя приближение своей кончины, наш герой лишил наследства старшего сына Адонию и посадил на трон Соломона, которого он прижил с Вирсавией. Святой пророк не предвидел, что предпочтенный им сын станет нечестивцем, который возьмет к себе больше жен, чем отец, и допустит в своих владениях идолопоклонство. Как бы то ни было, умирая, Давид завещал ему убить Иоава, полководца, оказывавшего ему в течение всей своей жизни величайшие услуги, и Семея, которому он поклялся, что простит ему полученные от него оскорбления.

Так умер, завещая преступления, царь, вся жизнь которого была соткана из преступлений. Таков тот славный Давид, которого евреи рассматривали как самого великого, самого святого, самого замечательного из своих монархов и которого христианские богословы имеют наглость еще предлагать государям как совершенный образец. Надо упорно закрывать глаза, чтобы не видеть в этом герое угодного жрецам плута, противного лицемера, крамольного подданного, ненавистного узурпатора, гнусного развратника, отвратительного завоевателя, неблагодарного негодяя — словом, чудовище, которому были чужды самые священные требования нравственности и который дерзко издевался над богом и людьми.

Не похоже ли, что служители христианской религии, пытаясь оправдывать подобного преступника, предлагая государям столь ужасный образец, приглашают их совершать без стеснения и без зазрения совести все те злодеяния, на которые только способна злобная натура, когда она обладает верховной властью? Разве наши богословы не видят, что, показывая, с какой легкостью бог прощает тиранам поступки, больше всего достойные наказания, они толкают государей на преступления, которые всегда можно загладить бесплодным и поздним раскаянием? Предлагать королю Давида как образец — это, очевидно, значит дать ему понять, что он может уподобиться какому-нибудь Тиберию, Нерону, Калигуле, лишь бы он был преисполнен веры, тщательно соблюдал религиозные обряды, был щедр к служителям церкви, ревностно уничтожал тех, кто ей не угодил. Сказать, что Давид был пророком, — значит утверждать, что дух божий пользовался для своего проявления нечистым органом самого низкого из людей. Осмелиться уверять, что этот царь был «человеком, угодным богу», — значит богохульствовать, называть бога сообщником и покровителем порока и врагом добродетели. Что сделал Давид, чтобы искупить столько злодеяний, достойных воспламенить гнев небесный? Он плясал перед ковчегом, сложил еврейские гимны, исповедался в своем грехе, сказав: «Я согрешил». Такой ценой любой тиран может надеяться стать святым и, таким образом, дешево купить у бога забвение злодеяний, жертвой которых были его подданные. Очевидно, таким образом, что предлагать королям такого Давида в качестве образца и утверждать, что раскаяние и покаяние сделали его угодником божьим, — значит развращать их.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 6, 7, 11—12, 47—51.

Даже когда христианство окончательно отделилось от иудаизма, христиане продолжали почитать «священные» книги евреев и считать их патриархов, их пророков, их героев святыми угодниками божьими, непогрешимым орудием всевышнего, достойными подражания образцами.

Правда, эти великие святые, даже согласно священной истории, сообщающей нам об их деяниях, обнаруживают часто... поведение далеко не безупречное.

Многие из них представляются беспристрастному взору скорее образцами преступности и гнусности, чем добродетели. Но христиане, предрасположенные под влиянием ре-

лигии к этим знаменитым особам, благочестиво закрывают глаза на их преступления. Следуя урокам изощренных толкователей писания, они видят только достойное в самых возмутительных поступках святых Ветхого завета.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 10—11.

Может ли верный христианин отказаться от лютости и кровожадности, если ему ставят в пример святых и героев Ветхого завета? Уроки жестокости на каждом шагу дает ему поведение Моисея, который два раза проливал кровь израильского народа и зарезал на алтаре своего бога более сорока тысяч человек. Разве коварная жестокость Финееса, Иаили, Юдифи не оправдывает жестокости христианина? Не служит ли таким оправданием также пример Давида, этого образцового царя, этого чудовища в образе человека, который, несмотря на все свои зверства, низости, прелюбодеяния и козни, был мужем, угодным в глазах бога? Библия, можно сказать, то и дело учит христианина, что угождать богу можно яростным рвением и что это рвение покрывает в глазах бога все грехи.

После этого не удивительно, что христиане взапуски преследуют друг друга. Терпимыми они были лишь тогда, когда сами были гонимы или были слишком слабы, чтобы преследовать других. Как только они получали в свои руки власть, они расправлялись с теми, кто не держался одинаковых с ними взглядов по всем вопросам их религии. С самых первых времен христианства в нем происходит борьба различных сект. Христиане враждуют между собой, ненавидят друг друга, обрушиваются друг против друга с самой изощренной жестокостью. Государи в подражание Давиду становились орудиями в руках своих враждующих попов и служили делу божьему огнем и мечом. Жертвой религиозного фанатизма становились сами короли; этот фанатизм ни с чем не считается, уверенный, что следует своему богу.

П. Гольбах. Разоблаченное христианство. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 282.

АНТИГУМАННЫЙ И АНТИОБЩЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ «СВЯТЫХ» ПОДВИЖНИКОВ, ОТШЕЛЬНИКОВ И МОНАХОВ

Почти во всех религиях мира мы встречаем множество таких безумцев, которые в своем исступлении считают добродетелью ненависть и презрение к самому себе, добровольное рабство, меланхолию, праздность, самоистязание — короче, беспрерывные оскорбления своей природы, не приносящие реальной пользы ни им, ни обществу.

Однако на этих абсурдах построено дикое поведение множества беснующихся подвижников, которых суеверие повсюду выдает нам за законченные образцы добродетели. Может ли здравый смысл обнаружить какие-нибудь реальные добродетели у этих несчастных аскетов, изобретающих тысячи способов мучить себя в этой жизни, чтобы заслужить неизъяснимое блаженство в будущей жизни? Может ли разумный человек найти какую-нибудь заслугу в поведении этих исступленных фанатиков? Уверенные, что защищают интересы бога, о котором они не имели ясного представления, и религии, которую они приняли, поверив ей на слово, они умирали с мужеством, достойным лучшей доли; они подвергали себя тысяче опасностей, чтобы распространить свои диковинные предрассудки; они думали угодить богу, проявляя упорство, которое оказывалось сильнее тигранов, казней и палачей. Во всех религиях мира находились люди с разгоряченным воображением, с непобедимым упрямством и безмерным мужеством, которые верили, что бог требует себе в жертву их жизнь, полученную ими от него. Своей твердостью в пытках они являли миру достопамятное зрелище; чувство гуманности страдает при виде его, разум стыдится его, но религия видит в нем доказательства своей благодати.

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 160.

Эта честь (речь идет об основании монашества.—Ред.) выпала на долю египтянина по имени Антоний. Войдя однажды в церковь, он услышал евангельский текст, где Иисус говорит: «Идите, продайте все свое имущество и раздайте нищим». Наш святой вообразил, что эти слова обращены к нему. Он немедленно поспешил выполнить это указание не-

ба. Избавившись от всех преходящих благ, он удалился в пустыню, где дьявол, раздраженный его великодушным решением, послал ему тяжелые искушения, из коих отшельник, говорят, вышел победителем.

Слух о его добродетели, то есть о его нелепом поведении, разошелся далеко и произвел огромное впечатление на горячие головы его соотечественников — египтян. Толпы людей направились к нему, чтобы найти под его руководством пути к совершенствованию. Из отшельника, каким он был до того, он превратился в аббата, то есть в духовного отца группы фанатиков, в основателя, вернее, восстановителя монашества на Востоке.

Скоро эта мания стала всеобщей. Христиане толпами покидали города, чтобы поселиться в пустыне. Некоторые из этих набожных дикарей жили отшельниками, отдельно друг от друга, другие жили общиной под руководством главаря и назывались кеновитами. Между ними завязалось соревнование в фанатизме. Каждый старался превзойти своих собратьев в постах, умерщвлении плоти, строгостях. Кто сумел удивить всех своими подвигами, выдумыванием остроумных способов самоистязания, на того смотрели как на чудо добродетели, а те, которые не могли достигнуть такой высокой степени совершенства, вздыхали, что не получили от неба таких чудесных способностей.

Воистину, при чтении житий этих благочестивых сумасшедших можно думать, что, подобно жонглерам, старающимся поразить толпу своими удивительными фокусами, наши святые устраивали турнир, в котором все наперебой старались вызвать к себе возможно больше удивления. Из всех этих кающихся, память которых церковь чтит, никто не приобрел столько славы, как святой Симеон, по прозванию Столпник. Он покинул свой монастырь, где его мрачный характер создал ему множество врагов. Спустя некоторое время, желая какой-нибудь блестящей выходкой превзойти всех наиболее чтимых отшельников того времени, он вздумал поместиться на вершине горы в Сирии и провести свою жизнь на столбе высотой в тридцать шесть локтей, на котором он, как нас уверяют, пробыл сорок лет. Он стоял то на одной, то на другой ноге и делал столько непрерывных коленопреклонений, что некто, пытавшийся сосчитать их, дойдя до двух тысяч, устал и бросил.

Нелепое поведение нашего святого создало ему колоссальную известность на всем Востоке. Верующие стекались толпами, чтобы видеть и слышать столь великого служи-

теля бога. Его гордости, несомненно, льстило наблюдаемое с высоты колонны зрелище многочисленных паломников, прибывавших пешком, чтобы видеть его совершенства. Тщеславие вознаграждало его за старания и мучения, которые он причинял себе, чтобы поразить мир. Император Лев, полагая, что такой святой человек просветлен божеством, захотел узнать его мнение насчет решений Халкедонского собора. Наш монах ответил, что он одобряет этот собор. Он прожил 69 лет. После его смерти тело его было доставлено в Константинополь, где тот же император построил в честь его великолепный храм.

Строгости и бессмысленные выдумки таких благочестивых сумасшедших христиане во все времена рассматривали как несомненные признаки святости. По невежеству своему они не могли знать, что во всех странах на земле, даже в религиях, которые они считают самыми ложными, есть сумасшедшие, кающиеся или святоши, которые стараются выделиться самоистязаниями, чтобы вызвать удивление черни. Так, Индия дает нам в лице йогов примеры добровольной жестокости, которых христианские анахореты никогда не могли достигнуть. Эти идолопоклонники довели искусство самоистязания до такой степени совершенства, до какой христианство до сих пор не дошло. Одни подставляют постоянно свое обнаженное тело жгучим лучам солнца или укусам насекомых. Другие принимают обет непрерывно держать руки распростертыми. Иные заставляют подвешивать их головой вниз и раскачиваются над пылающим костром! Есть такие, которые укладываются живыми в гроб и воспринимают свет солнца через отверстие, которое служит для передачи им пищи. Другие, наконец, надевают на себя цепи с остриями, которые скоро превращают их тело в одну сплошную рану. Подобные безумства совершаются и в других языческих странах. Мы видим, что в Карнате, на Коромандельском берегу, благочестивые банианы массаи бросаются под колеса тяжелой колесницы, везущей их идола, и убеждены, что эта добровольная смерть доставит им вечное блаженство. Китайские бонзы и татарские кающиеся не меньше выделяются своими благочестивыми безумствами и, как и христианские анахореты, приобретают уважение и пожертвование от набожных членов секты. Последние точно так же уверены, что эти искусные фокусники — люди, пользующиеся милостью неба и имеющие возможность с успехом использовать свое влияние для блага прочих смертных.

Эти фанатические представления христиан и язычников основаны, очевидно, на нелепых и оскорбительных понятиях о божестве. Они представляют себе его свирепым тираном, которому доставляет удовольствие наслаждаться отвратительным зрелищем человека, вечно погруженного в слезы и горе. Они воображают, что этот бог, которого они упорно называют *бесконечно благим*, — кровавый деспот, которого можно ублаготворить только кровью и которого раздражают благополучие и наслаждения его несчастных творений.

Эти противоречивые представления составляют главную основу христианской религии, предполагающей, что бог мог смягчиться только ценой невинной крови собственного сына. Но так как фанатик никогда не рассуждает и отнюдь не бывает последовательным, то наши сумасбродные святоши, признавая, что кровь, пролитая Христом, имеет бесконечную ценность и что ее больше чем достаточно, чтобы смягчить отца, вместе с тем думают, что бог этот требует еще крови тех, кого сын якобы уже омыл своею кровью. Их святое неразумие внушает им, что этому богу приятно медленное добровольное самоубийство его верных служителей. Наконец, их безумие и непоследовательность доходят до того, что они думают, будто эти бесполезные самоистязатели являются святыми, которых бог поддерживает своей благодатью, которым он дает силу и умение стать совершенно несчастными.

Почтение людей к монахам, отшельникам и знаменитым кающимся могло, так же как и божья благодать, укреплять этих фанатиков, уверенных в уважении общества при жизни, в славе апофеоза после смерти и в вечном блаженстве на небе. Все эти мотивы, вместе взятые, должны были помочь им терпеливо сносить иго, которое они добровольно на себя наложили.

В результате безумие монашества стало у христиан эпидемической болезнью, сменившей эпидемию мученичества. Не имея больше оснований опасаться пыток со стороны других, они причиняли их себе сами. Всюду стали появляться монахи. Множество святых захотело прославиться в церкви каким-нибудь новым уставом. В каждом веке появляется новый духовидец, старающийся перещеголять своих собратьев и предшественников. В Египте основателем монастырской жизни был святой Пахомий. Святой Василий Великий основал монастырь на Востоке. Святой Мартин Турский учредил первый монастырь в Галлии. Но истинным

патриархом монашества на Западе считается святой Бенедикт. Его пример вызвал подражание со стороны святого Бернара, Бруно, Норберта и др. Все эти изуверы были согласны между собой насчет основных принципов своих установлений.

Монашество, не довольствуясь тем, что отнимает у общества большое число мужчин, которые тысячами различных способов могли бы служить обществу, забирает у него и женщин, которые могли бы увеличить число граждан. Страны, подчиненные папе, во все времена были полны монастырей, вернее, казематов, предназначенных как места заключения для приятного пола; а ведь он предназначен природой для того, чтобы умножить число членов общества, очарованием и украшением которого он служит.

В этих-то монашеских тюрьмах фанатизм производил наиболее заметные опустошения. Там бедные затворницы с очень ярким воображением и слабой конституцией, предоставленные ужасному одиночеству, питаясь меланхолией, взбесившись от печалей, постов, самоистязаний, испытывали бредовые видения, иллюзии, экстазы, частые кровотечения. Одним словом, монахини еще в большей степени, чем самые строгие отшельники, были восприимчивы к самовнушению и становились поэтому очень часто весьма удобным орудием в руках духовенства, чтобы вызывать волнения черни.

От времен святого Павла до нашего времени мы находим непрерывный ряд вдохновенных дев и жен, пророчиц, одержимых, которые принесли огромную пользу церкви своим умоисступлением. Эти небесные дары особенно проявлялись в монастырях и обителях для девушек, главным образом у тех из дев, которые обладали большим темпераментом. Эти небесные супруги Иисуса Христа, давшие обет воздержания, должны были часто чувствовать правильность высказанного Гиппократом положения, что, когда самая чистая кровь, не находя выхода по обычным путям, поднимается к сердцу, тогда вены вздуваются, мозг затемняется и человек впадает в безумие. Таким образом приходится объяснить экстазы, видения и бессвязные предвещения множества святых монахинь, безумие которых нам преподносят как проявление благодати. Святая Бригитта, святая Екатерина Сиенская, святая Тереза, святая Магдалина де Пауци, Мария Алакок и множество других святых сумасбродок, набожность и пророческий дар которых восхваляются

в церковных святцах, были, по-видимому, женщинами, которых воображение, воспламененное слишком строгим образом жизни, делало часто совершенно безумными. У женщин, постоянно предающихся набожной мистике, истерия может дать все те явления, которые поражают у этих святых фанатичек. Божественная любовь вызывает у особы с живым воображением и пылким темпераментом те же безрассудства, что и любовь «мирская».

Вообще нет ничего удивительного в том, что монахини весьма подвержены частым приступам безумия. Святое варварство, с которым церковь и законы обращаются с этими жертвами воздержания, способно повергнуть их в самую мрачную меланхолию и даже отчаяние. Еще на пороге детства, в неопытном возрасте, современные весталки принимают на себя на всю жизнь обеты деликатного свойства, обычно навязываемые им обольщением, а иногда властным деспотизмом бесчеловечных родителей, которым религия и правительство позволяют быть тиранами. Трудно понять мотивы современного варварства по отношению к этим несчастным девушкам и основания, по которым церковь изменила в применении к ним те правила, которые в более древние времена были разумнее и мягче...

Девушки *шестнадцати* лет имеют пагубную возможность связаться с нищетой на всю жизнь. Раз данный ими обет не подлежит отмене, нет никакого спасения для этих жалких жертв неразумного фанатизма. Они осуждены на то, чтобы всю жизнь стонать в глубине монастырей под начальством мрачных настоятельниц, которые сами не имеют никаких радостей, кроме печальной привилегии изливать на других дурное настроение, которое их терзает. Таким образом, только смерть может положить конец мучениям этих несчастных дев, которые рады, если опьянение фанатизмом может их поддержать до конца мучительного жизненного пути, поливаемого постоянными слезами. Так — печалью, слезами, отчаянием — удостаиваются, по мнению христиан, милости господней. Таковы те преимущества, которые христианская религия дает прекрасному полу. Она за один миг неосторожности осуждает их на то, чтобы влачить, вздыхая, жалкое и бесполезное для общества существование.

Между тем именно этим несчастным девам во многих странах поручают воспитание детей. Эти бедные затворницы, невежественные, легковверные, фанатичные и неопытные, берут на себя заботу о воспитании гражданок и матерей семейства. Хотя они не имеют ни малейшего представления об

общественных обязанностях и о том, что творится на свете, им доверяют первые годы жизни того пола, которому предназначено составить счастье другого. Что у детей остается от такого воспитания? Они вырастают боязливыми и легковерными святошами, не обладающими ни одним из качеств, необходимых для того, чтобы их ценили и любили люди, с которыми им предназначено жить. При выходе из монастыря они приносят в жизнь только свою неопытность, к которой присоединяется узость ума, занятого множеством мелочей, делающих их несчастными на всю жизнь.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 250—254, 263—266.

Человек создан для общества. Отделите его, изолируйте, и его идеи станут хаотичными, его характер извратится, множество уродливых страстей возникнут в его сердце. Сумасбродные мысли пустят ростки в его уме, как тернии на дикой земле. Поместите человека в дремучий лес, он превратится в дикого зверя. В монастыре, где представление о неотвратимом соединяется с представлением о рабстве, условия еще хуже. Из лесу можно выйти, в монастыре остаются навсегда; в лесу — свободны, в монастыре — рабы. Может быть, надо еще больше силы духа, чтобы противостоять одиночеству, чем для того, чтобы выдержать гнет нищеты. Нищета унижает, уединение калечит душу.

Д. Дидро. Монахиня. Избранные атеистические произведения. М., 1956, стр. 402.

Монастыри — это минареты, откуда добывают обыкновенно святых. Но что такое вообще монахи? Бездельники, сутяги, опасные для общества, соседства с которыми следует бояться. Что доказывает их поведение? Что нет ничего общего между религией и добродетелью.

К. Гельвеций. О человеке. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 228.

Христианину преподается только та мораль не от мира сего, экзальтированная, полная противоречий и неустойчивая, которую мы находим в евангелии. Эта мораль в состоянии лишь унижить ум, сделать ненавистной добродетель, воспитать жалких рабов, сломить порыв души; или же, если заронить семена ее в горячие сердца, она создает только неистовых фанатиков, способных потрясти устой общества.

Несмотря на всю бесполезность и извращенность христианской морали, защитники христианства осмеливаются утверждать, что нравственность немыслима без религии. Впрочем, что называется на языке христиан нравственностью? Она означает у них: молиться без усталости дено и ношно, посещать церкви, каяться, бежать от радостей жизни, жить в уединении, уйти в себя. Какая польза от всего этого для общества? Все это можно проделывать, не имея и тени добродетели. Если подобные упражнения открывают врата небесные, то для земли они совершенно бесполезны.

П. Гольбах. Разоблаченное христианство. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 217—218.

Не чувствуя любви к талантам, попы являются тайными врагами человеческих добродетелей. Попы часто отрицают даже существование их. В их глазах добродетельные поступки — это поступки, соответствующие их учению, т. е. их интересам. Первые из добродетелей — вера и покорность духовенству; лишь своих рабов оно готово называть святыми и добродетельными людьми.

К. Гельвеций. О человеке. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 227.

Что такое святой с точки зрения всех религий? Это человек, который молится, постится, занимается самоистязанием, бежит от мира; которому, как сове, хорошо только в полном одиночестве, который воздерживается от всего, что доставляет радость, и которого словно пугает все, что могло бы хотя бы на минуту отвлечь от фанатического самоуглубления. Можно ли назвать такого человека добродетельным? Может ли такой человек приносить пользу себе или другим? Разве не распалось бы общество и не вернулись бы люди снова в состояние дикости, если бы каждый из нас воспылал безумным желанием стать святым?

Совершенно очевидно, что буквальное и строгое выполнение моральных предписаний христианского вероучения неизбежно привело бы человечество к гибели. Христианин, стремящийся к совершенству, должен бы отстранять от себя все, что отвлекает от его истинной отчизны — неба. Такой человек должен видеть в земной жизни только западни, искушения и поводы к гибели; он должен страшиться науки, враждебной его вере; он должен избегать всякой

полезной деятельности как средства достижения богатства, препятствующего спасению; он должен отказаться от должностей и почестей, способных разжечь в нем честолюбие и отвлечь от мыслей и забот о душе; одним словом, божественная мораль Христа, если бы она и была применима в жизни, порвала бы все общественные связи.

Святой в обществе так же бесполезен, как и святой в пустыне; он распространяет вокруг себя атмосферу печали, недовольства, а часто и возмущения; религиозное рвение вынуждает его с полным сознанием правоты нарушать общественное спокойствие распространением убеждений или фантазий, которые он в своем тщеславии считает за внушения свыше. История всех религий полна рассказов о святых, отличавшихся крайней неуживчивостью, нетерпимостью, бунтарством, прославившихся злодеяниями, учиненными ими на земле *ради вящей славы божьей!* Если святые в пустыне только бесполезны, то святые в обществе просто опасны.

П. Гольбах. Здравый смысл. «Письма к Евгению. Здравый смысл». М., 1956, стр. 385—386.

Нет ничего более разнящегося между собою, чем идеи добродетели и святости. Добродетелен тот, кто делает добро своим согражданам. Слово *добродетель* содержит в себе всегда идею о чем-то полезном для общества. Иное дело слово *святость*. Какой-нибудь пустынный монах налагает на себя обет молчания, бичует себя еженощно, питается сваренными в воде овощами, спит на соломе, приносит богу свою нечистоплотность и свое невежество. Умерщвлением плоти они могут сделать себе карьеру в раю, их могут почитать ореолом. Но если они не сделали никакого добра на земле, то они не добродетельны. Какой-нибудь злодей может на смертном одре покаяться — он тогда спасен, он блажен; но он все же не добродетелен. Имя добродетельного можно заслужить обычно лишь справедливым и благородным поведением.

К. Гельвеций. О человеке. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 227—228.

Все то, что мы привели в этой книге на основании исторических памятников, авторитет которых признают сами христиане, должно было нас убедить, что святые всех категорий были совершенно бесполезны для рода человеческого.

Действительно, мы видели, что святые, проповедовавшие евангелие, были людьми, проповедовавшими о самих себе. Они старались создать себе учеников, чтобы властвовать над ними и жить за их счет. Святые учителя были вожаками партий. Они никогда не обнаруживали особой разборчивости в средствах, чтобы доставить победу своему делу, и часто позволяли себе преступления ради достижения намеченных целей. Святые мученики были либо обманщиками, погибшими за старания утвердить контрабандное учение, либо безумцами, которым их вожди — фанатики или мошенники — смутили разум. Святые на троне были либо одураченными жертвами духовенства, либо весьма плохими политиками, всегда готовыми проливать кровь, чтобы упрочить царство своих попов. Святые отшельники были людьми, явно вредными для самих себя и абсолютно бесполезными для общества. Святые монахи были либо опасными рабами своих настоятелей, либо трутнями, жиревшими в безделье за счет трудолюбивых сограждан. Святой в семье был и будет всегда мизантропом, врагом собственных своих наслаждений и строгим цензором чужих удовольствий, вечно занятым тем, чтобы мучить себя и других. Наконец, всякий святой — человек, который не рассуждает, но думает и действует согласно указаниям тех, кого он взял себе в вожди. Последние, получив право запретить ему пользоваться разумом, сумеют, когда им будет угодно, заставить его совершить преступление.

Все это вскрывает ту колоссальную разницу, какая существует между великим святым и великим человеком, между апостолом веры и апостолом разума, между мучеником, ослепленным своим неистовством, и благородным защитником истины, между набожным королем-ревнителем и королем великодушным, бдительным, заботящимся о счастье и покое подданных, между кеновитом, отшельником и монахом и трудолюбивым гражданином, отцом семейства, человеком, содействующим на своем поприще благосостоянию отечества, между смутьяном попом и законопослушным мирянином. Вообще все показывает, что нет ничего общего между святошей и добродетельным человеком.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 275—276.

РАЗРУШИТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА НРАВСТВЕННОСТЬ «ДВОЙНОЙ МОРАЛИ» РЕЛИГИИ

Если верить учителям христиан, на земле не было иной морали до прихода основателя их секты; они рисуют весь мир погруженным в невежество и преступления. Однако мораль всегда была необходима людям, общество не может существовать без морали. Мы видим и до Иисуса Христа процветающие нации, просвещенных философов, неустанно призывающих людей к исполнению их долга; мы находим у Сократа, у Конфуция, у гимнософистов в Индии правила, несколько не уступающие правилам христианского мессии. Мы находим у язычников примеры справедливости, гуманности, патриотизма, терпения и кротости, которые ярко свидетельствуют против претензий христианства и доказывают, что уже до Иисуса Христа существовали добродетели, гораздо более реальные, чем те, которые он пришел преподать нам.

П. Гольбах. Разоблаченное христианство. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 279—280.

Христиане в своем блаженном ослеплении верой не видят ничего дурного в поведении святых, которое в глазах профана часто представляется весьма возмутительным. Религия имеет две морали и два мерила для суждения о поступках людей. Посредством этих двух моралей ей удастся оправдывать самые противоречивые вещи. Первая из этих моралей касается только бога и религии. Вторая несколько интересуется общественным благом и запрещает вредить ему. Но легко понять, что эта чисто человеческая и естественная нравственность у святоши отступает перед моралью божественной, сверхъестественной, которую священники объявляют бесконечно более важной. Они без труда убеждают верующего, что его самый большой интерес в том, чтобы угодить богу, и указывают ему средства, необходимые для достижения этого. Как бы отвратительны, опасны и преступны ни казались вначале верующему эти средства, живая и покорная вера заставляет его ухватиться за них. Он знает, что рассуждать — не дело доброго христианина, что он должен повиноваться своим руководителям, блюстителям воли божьей, толкователям «священных» книг, что он

должен следовать примеру святых. Если он видит в Библии преступления, совершенные по велению самого неба, он отсюда заключает, что и он должен совершать подобные преступления без зазрения совести. Он с гордостью будет подражать героям религии, он признает, что все приказания божества могут быть лишь весьма справедливыми и весьма почтенными. А если они ему покажутся пагубными, он будет умиляться перед глубиной мудрости решений всевышнего, покорно подчинится им и оплатит безоговорочным послушанием за счастье быть исполнителем неисповедимых приговоров правосудия, не имеющего ничего общего с людским правосудием.

В результате наш фанатик под влиянием собственных видений или под внушением непогрешимых священников начнет считать себя вдохновленным самим божеством. Он будет убежден, что ему все дозволено в интересах церкви. Он будет обманывать, ненавидеть, убивать, бунтовать, вносить смуту в общество. При этом он не только не будет краснеть за эти бесчинства, но даже будет восторгаться своим рвением. Гордясь тем, что подражает восхваляемым религией великим людям, он будет надеяться угодить богу теми же средствами, которые применяли святые, чтобы добиться вечной славы.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 19—20.

Человек, просвещенный разумом, получивший правильное воспитание, сдерживаемый хорошими законами, приходит в ужас, когда оказывается очевидцем преступного или вредного деяния или слышит о таком деянии. Человек, находящийся во власти религии и с детства развращенный предрассудками, видит зло только в том, что ему изображают как противное предписаниям религии и вредное ее интересам; дальше этого он ничего не видит. Упущенный им ритуальный обряд, всякие благочестивые мелочи и воображаемые грехи внушают ему гораздо больше страха и угрызений совести, чем действительные проступки и преступления...

Таким образом, религия, которой часто подменяют мораль, совершенно уничтожает ее и воспитывает лишь ханжей без всякой добродетели.

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 141—142.

Влияние эгоистических интересов духовенства на толкование богоугодных деяний

По логической последовательности принципов христианской религии служители и учителя церкви — единственные судьи нравов. В качестве прирожденных толкователей «священного» писания, то есть боговдохновенных творений, они имеют право регулировать поведение народов, которых они постарались ослепить верой. При помощи двойной морали, возвещаемой людям, они могут, смотря по надобности, проповедовать раздоры и мир, покорность и бунт, призывать то к терпимости и снисходительности, то к яростным преследованиям. «Священное» писание, будто бы продиктованное самим божеством, содержит самые противоположные правила. Если оно иногда предлагает честные и благодетельные поступки, хотя в очень маленьком количестве, то чаще всего оно восхваляет плутни, разбой, отвратительные в глазах разума поступки.

Религиозная нравственность всегда будет только нравственностью попов, живущих за счет религии. Она всегда будет меняться в соответствии с их интересами, фантазиями, групповыми целями.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 20—21, 280.

Почему большинство просвещенных людей считает, что всякая религия несовместима со здоровой нравственностью? Потому, что попы всех религий выдают себя за единственных судей добродетельности или порочности человеческих поступков; потому, что они желают, чтобы богословские постановления считались истинным кодексом морали. Но попы тоже люди, они судят в соответствии со своим интересом. А их интерес почти всегда противоречит общественному интересу. Поэтому большинство их суждений несправедливо. Однако власть духовенства над умами народов так велика, что последние относятся к схоластическим софизмам часто с большим уважением, чем к здоровым правилам морали. Какие ясные понятия могут составить себе о ней народы? Постановления церкви, столь же изменчивые, как и ее интересы, постоянно вносят в этот вопрос хаос, неяс-

ности и противоречия. Чем заменяет церковь истинные принципы справедливости? Обрядами и смешными церемониями.

К. Гельвеций. О человеке. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 62—63.

Что такое добродетель с точки зрения богословия? «Это,— говорят нам,— согласование человеческих поступков с волей божьей». А что такое бог? Это существо, которого никто не может постичь и которого поэтому каждый понимает на свой лад. А что такое воля божья? Это предписания, выдаваемые за божественную волю людьми, будто бы видевшими бога или получившими его откровение. Кто же эти люди? Это фанатики, плуты или честолюбцы, которым нельзя верить на слово.

Основывать мораль на божьей воле, которого каждый человек представляет себе по-своему и рисует на свой лад, которого каждый создает в соответствии со своим характером и выгодами,— значит основывать мораль на человеческих прихотях и фантазиях, значит утверждать ее на выдумках какой-либо секты, партии или группы, претендующей на исключительное поклонение истинному богу и отрицающей все прочие верования.

Основывать мораль и правила человеческого поведения на божественной воле — значит основывать ее на воле, фантазиях и корысти тех людей, которые берутся толковать божественное слово, не боясь быть уличенными во лжи. Во всякой религии одни священники вправе решать, что угодно и что не угодно богу; можно быть уверенным, что божественная воля неминуемо совпадает с их собственными желаниями.

П. Гольбах. Здравый смысл. «Письма к Евгению. Здравый смысл». М., 1956, стр. 391—392.

Только слепым подчинением интересам церкви можно заслужить ее одобрение и свое обожествление. В самом деле, даже при поверхностном рассмотрении деяний лиц, почитаемых христианством, мы увидим, что то были либо фанатики, которые имели глупость пролить свою кровь для доказательства того, что их духовные вожди не могли их обмануть; либо буйные учителя, которые сумели распро-

странить догмы, выгодные для служителей церкви; либо государи и святоши, щедро одарившие церковь и уничтожившие ее врагов; либо благочестивые безумцы, которые поразили толпу сумасбродными актами покаяния, оказав этим честь церкви, из недр которой вышли такие чудовища.

Среди множества святых, украшающих христианские святцы, чрезвычайно трудно выделить хотя бы одного человека, который был бы действительно мудрым, просвещенным, разумным — словом, действительно полезным членом общества.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 18—19.

Народ, который думает, что честными делает людей вера, а не хорошие законы, кажется мне весьма отсталым... Вера в бога создает и должна создавать почти равное число фанатиков и верующих. Везде, где признают бога, существует культ, а где есть культ, там нарушен естественный порядок нравственного долга, и нравственность падает. Ранно или поздно наступает момент, когда то же самое понятие, которое удерживало от кражи, понуждает к убийству ста тысяч человек. Хороша замена? Таким было, таково есть и таким будет во все времена и у всех народов действие доктрины, когда ей придают больше значения, чем собственной своей жизни.

Д. Дидро. Письмо к Софи Воллан от 6 октября 1765 г. Собрание сочинений в десяти томах, т. VIII. М., 1935, стр. 352—353.

В виде примера я возьму Карла Великого. Это был великий человек. Он обладал великими добродетелями, но ни одной из тех, которые необходимы для святого. Его руки были обагрены кровью несправедливо истребленных саксов. Он отнял у своих племянников их достояние. Он был женат четыре раза и был обвиняем в кровосмешении. Его поведение не было поведением святого, но он увеличил владения церкви, и церковь сделала из него святого. Она поступила таким же образом с Герменигильдом, сыном вестготского короля Эвригильда. Этот молодой принц вступил в союз с одним светским вождем против своего собственного отца. Проиграв сражение, он был взят в плен около Кордо-

вы и убит одним из офицеров Эвригильда. Но он верил в догмат о единосущности, и церковь причислила его к святым.

Так же повезло множеству других злодеев. Так, святой Гриль, епископ александрийский, убийца прекрасной Гипатии, был тоже канонизирован.

По этому поводу Филипп де Коммин рассказывает следующее. Когда, будучи в Павии, он зашел в монастырь кармелитов, ему показали тело графа д'Ивертю, который, убив своего дядю Бернабо и завладев благодаря этому Миланским княжеством, первый стал носить звание герцога. «Как,— сказал Коммин сопровождавшему его монаху,— вы канонизировали такое чудовище?» — «Нам нужны благодетели,— возразил кармелит,— и, чтобы увеличить их число, мы обыкновенно причисляем их к святым. Благодаря нам глупцы и негодяи становятся святыми, а благодаря им мы богатеем».

Сколько наследств было украдено монахами! Но они крали для церкви, и церковь сделала из них святых.

История папизма представляет колоссальное собрание подобных фактов. Раскрывая жития католических святых, мы прочтем здесь имена тысяч канонизированных злодеев, но зато напрасно стали бы мы искать здесь имя Альфреда Великого, надолго осчастливившего Англию, или имя Генриха IV, стремившегося осчастливить Францию, или, наконец, имена тех гениальных людей, которые благодаря своим открытиям в области искусства и наук были славой своего времени и своей страны.

Церковь, всегда жадно стремящаяся к богатствам, всегда распоряжалась райскими чинами в пользу тех, кто был ее благодетелем на земле. В своих интересах она населила небо.

К. Гельвеций. О человеке. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 468—469.

Прощение церковью гражданских преступлений подрывает мораль

Страсти людей, их порочные привычки, их распущенные наклонности и мимолетные преступные фантазии заставляют их предпочитать *покладистое суеверие* голосу суровой

мудрости и здоровой морали. Последняя строго осуждает бесчестные деяния и показывает злодею всю гнусность его поведения. Суеверие же утешает его надеждой на примирение с небом и успокаивает таким образом его страхи и угрызения совести. Порочный и преступный человек найдет в религии бесчисленные лекарства против упреков своей совести. Ему гораздо легче и приятнее согласиться на словах с догмами, в которых он ничего не понимает, с учениями, в которых он даже не дает себе труда разобраться, чем обращаться к стеснительной морали. Недолго думая, он отдает предпочтение суеверным обрядам, которые избавляют его от необходимости изменить свое поведение, бороться со своими наклонностями, отказаться от своих привычек. Склонный к самообману и в согласии со своим священником, он надеется, что молитвами, телодвижениями, жертвоприношениями, дарами, мимолетным и пустым раскаянием вернет себе милость своего бога; тронутый его подарками и подхалимством, бог простит ему зло, которое он причинил своим ближним. Суеверный человек находит гораздо более удобным закалывать овец, строить церкви, проявлять щедрость к попам, исповедоваться им в своих преступлениях, повторять несколько молитв, принимать унижительную позу; это гораздо легче, чем пожертвовать своим честолубием, отказаться от своей жадности, сопротивляться преступным привычкам, рвать узы, связывающие с пороком. Если под влиянием угроз и поучений своей религии развращенный человек отказывается на некоторое время от своего дурного поведения, он скоро опять принимается за старое, уверенный, что эта самая религия всегда примет его в свое лоно с распростертыми объятиями; он уверен, что бог, подкупленный и смягченный его смирением, простит ему его прегрешения, а священник даст ему средства избавиться от угрызений совести. Человеку легко вступить на путь преступления; он слабо сопротивляется своим желаниям, так как надеется, что всегда сможет получить прощение от бога. «Ступай в храм,— говорит ему суеверие,— закалывай жертвы; пади ниц перед божеством, обрати к нему молитвы свои, поведай свои грехи священнику, и они отпустятся тебе».

Таким образом, трусливая угодливость религии превращает жизнь преступника в чередующуюся цепь преступлений и покаянных молитв. Суровый бог уступает настояниям своих служителей, дает им власть прощать от его

имени оскорбления, нанесенные ему, и позволяет его созданиям продолжать оскорблять его. Раскаяние, никогда не проявляемое на деле, успокаивает совесть преступника, и злодей прощен, хотя в душе его не произошло перемены.

Таким образом, несколько формул, время от времени несколько мимолетных актов раскаяния, несколько молитв должны снова водворить мир в несправедливой душе государя, на совести которого постоянные притеснения; они (формулы и пр.) должны водворить мир в душе жадного, мстительного и хитрого царедворца, в душе взяточника, жиреющего на отнятом у бедняка, вдовицы и сирых, в душе судьи, у которого не уравновешены чаши весов, в душе неверной жены, бесчестящей ложе своего мужа.

Неудивительно, что люди самые развратные, с самыми преступными навыками и позорными пороками часто привязаны к религии, которую они оскорбляют своим поведением. Она — их надежда и упование. Они уверены, что она примет их, когда они обратятся к ней; они знают, что в своем всепрощении она всегда будет готова омыть их от их грехов и злодеяний; они верят, что их покладистый бог не преминет простить их, когда они преклонят колени перед служителями его. *Вот почему мы находим религиозный пыл у людей, которых их развращенные нравы, казалось бы, должны сделать врагами религии.* Для них невыносима мысль, что у них будет отнят тот путь к спасению, к которому они надеются прибегнуть рано или поздно. Они боятся, чтоб их не лишили удобных средств, которые, не стесняя их страстей, смягчают их угрызения совести. Нет, пусть злодея, упорно не желающего отказаться от своих злодеяний и распутства, пожирают стыд и совесть; *облегчить его положение — значит предать интересы общества.* Пусть он найдет спокойствие душевное только в честном поведении. Пусть он не прощает себе своих деяний, пока не исправит совершенное им зло. Пусть бесстыдные и наглые попы не присваивают себе права отпускать от имени бога грехи, жертвой которых являются люди.

Филипп II, король испанский, был, так же как и французский король Людовик XIV, крайне набожным развратником и тираном...

Людовик XI просил у девы Марии разрешения на убийства и искупал их потом дарами в пользу церкви, исповедая-

ми и причащениями. Исповедь у католиков в значительной мере поощряет преступления; она сдерживает лишь немногих, но следующее за ней отпущение грехов развращает очень многих.

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 150—152, 151.

В христианской религии очень легко быть святым, не будучи человеком добродетельным; можно обладать всеми евангельскими добродетелями, не имея ни одной из добродетелей социальных.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 19.

Итак, мораль может только проиграть от союза с религией. Религия всегда готова была прощать прегрешения против морали. К тому же она желает безраздельно владеть душой человека; она проявляет снисходительность к преступлениям против ближнего, но раздувает и сурово карает грехи, выдуманные ею, малейшее нарушение ее правил, упущение ее обрядов — одним словом, нарушение религиозного долга, существующего только в фантазии. Священник взвешивает человеческие действия всегда с точки зрения своего интереса. В его глазах самые ужасные преступления, долженствующие навлечь гнев небесный и кары людские, — это преступления против его владычества. Он объявляет непростительными грехами поступки, совершенно безразличные для общества. Он приучает свою паству смотреть с священным ужасом на людей, не признающих его догматы, не покоряющихся его произволу, презирующих его таинства и поучения, не питающих мистического страха перед его бреднями и объектами его поклонения. Народы, воспитанные в этих предрассудках, куда больше возмущаются всевозможными воображаемыми преступлениями этого рода, чем действительными злодеяниями и нарушениями общественного порядка. Туманные слова *ересь, безбожие, кощунство, святотатство* производят большее впечатление на умы, чем убийство, предательство, насилие, воровство, прелюбодейние.

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 144.

Нам возразят, что религия не противоречит морали, а, напротив, является опорой морали, освящает ее принципы, придает им божественную санкцию. На это я отвечаю, что христианская религия не только не служит опорой морали, а, напротив, делает ее шаткой и ненадежной. Невозможно твердо основать мораль на велениях непостоянного, пристрастного, капризного бога, который, не обинуясь, предписывает то справедливость, то несправедливость, то согласие, то убийства, то терпимость, то гонения. Повторяю: невозможно следовать правилам разумной морали под властью религии, которая вменяет в заслугу верующему религиозный фанатизм, самый разрушительный. Я утверждаю, что не совместима ни с какой моралью религия, которая велит нам подражать деспоту богу, расставляющему сети людям, не знающему пощады в своей мстительности и требующему уничтожения всех тех, кто имел несчастье не угодить ему. Христианство более всех других религий запятнало себя преступлениями, причем совершались они только в угоду яростному богу, унаследованному от евреев. Нравственный облик этого бога не может не определять поведение его поклонников. Раз бог этот непостоянен, почитатели его тоже будут непостоянны, их мораль будет шаткой, поведение — произвольным, в зависимости от их темперамента.

П. Гольбах. Разоблаченное христианство. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 280—281.

Религия затемняет мораль

Богословие с его несомненными софизмами повинно в том, что мораль стала темной наукой, полной загадок и противоречий, которых в их совокупности не могли понять даже самые глубокие мыслители. Оно подчинило науку о морали, основанную на незыблемых принципах, произволу богов или, вернее, тех, кто говорил от имени богов.

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 175.

Религия сделала мораль романтической наукой, так как строила ее на иллюзорных основаниях. Она разрушила ее своими противоречиями и теми фанатическими и смертоносными добродетелями, которые она предписывала. Религия сделала мораль темной и непонятной, всячески ухищряясь связать ее со своими туманными фантазиями и возмутительными представлениями о своем боге. Наконец, она спутала представления о морали, ставя выше добродетели разные абсурдные воззрения, искупительные и прочие вздорные обряды. Не меньшим врагом морали были государство, его законы и обычаи, одобряющие преступления, наконец — порча нравов и дурной пример, подаваемый государями, и пороки, распространяемые развратным двором. В результате все содействовало тому, чтобы сделать народы невежественными и спутать их представления о морали.

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 178.

Естественная мораль была подавлена властью религии, которая была предпочтена ей. Здравый разум должен был отступить перед чудом. Голос его должен был замолкнуть с тех пор, как людям чудится грозный голос существа, которому все подвластно. Мораль стала сложной наукой, ее затемнило богословие, которому ее подчинили. Она стала шаткой и ненадежной, лишенной твердых принципов, часто расшибала себе лоб о законы природы, приходила в столкновение с ними. Всеобщая польза, общественное благо вынуждены были уступить место фанатизму или, вернее, пришлось прибегать к бесконечным тонкостям и ухищрениям, чтобы примирить их с нелепыми приказаниями незримого небесного монарха, управляющего землей через своих жутких и гнусных представителей. Прямые приказы божества направлены были против столь естественной любви человека к самому себе, против его инстинкта (*le désin*) самосохранения и стремления к счастью, против чувства любви к себе подобным, против интересов государства, его преуспевания и спокойствия. Божество желало, чтобы люди всячески старались сделать себя несчастными в этом мире, который им изображали только как переход к другому миру.

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 176.

Религиозная проповедь бессильна исправить нравы

Вот уже столько веков попы то и дело произносят душе-спасительные проповеди; оказали ли их назидания действительное влияние на народные нравы? Если кто-либо обратился в результате их речей, какая польза от этих обращений? Преображают ли эти речи сердца масс? По признанию самих церковников, эти обращения крайне редки. Народы погружены в омут суеты, извращенность людей растет с каждым днем, хотя каждодневно попы разглагольствуют против пороков и преступлений, разрешаемых обычаем, поощряемых правительством, одобряемых общественным мнением и вознаграждаемых властью имущими. Люди считают себя вынужденными предаваться этим порокам и преступлениям, чтобы не оказаться за бортом.

Итак, по признанию самих церковников, религия бессильна против порчи нравов, хотя человеку с детства прививают ее правила и неустанно повторяют их на каждом шагу. Люди не считаются с религией, если она становится поперек дороги их желаниям; они слушаются ее лишь тогда, когда она потворствует их страстям и согласуется с их характером и их представлениями о счастье. Человек, ведущий распутный образ жизни, смеется над нравоучениями религии; честолюбец не считается с религией, когда она пытается сдержать его аппетиты; скупец не слушает ее, когда она велит ему творить милостыню; царедворец издевается над ее наивностью, когда она велит ему быть прямодушным и искренним.

П. Гольбах. Разоблаченное христианство. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 215.

На священников, которым поручена проповедь евангельской морали, она производит не лучшее действие, чем на их слушателей. Вообще мы видим, что они очень редко обманываются насчет возвышенных наставлений и строгих советов, которые они высокопарно подносят христианским слушателям. От уст до сердца расстояние большое, как говорит красноречивый Массильон. Во всяком случае, Христова мораль не искореняет, как видим, в священниках ни честолюбия, ни жадности, ни страсти к почестям и чинам, ни сварливого и мстительного характера, ни духа партийности. Напротив, все способствует тому, чтобы питать в

них эти преступные наклонности. Примеры и писания их святых предшественников отнюдь не способны исцелить их от свойственных их профессии пороков.

В самом деле, религия не только не производит благотворного влияния на нравы служителей евангелия, но, наоборот, ведет к тому, чтобы их развратить и сделать принципиально дурными. Верят ли они искренне в ту религию, которую возвещают, или смотрят на нее лишь как на средство существовать за счет черни — и в том и в другом случае все содействует тому, чтобы оторвать священника от отечества, семьи и общества и привязать его исключительно и предпочтительно к сословию, которому одному он должен служить, ибо от него зависят его страхи и надежды. Так как ему не разрешается жениться, то все общественные узы порываются для него еще более действительным образом. Он не является ни супругом, ни отцом, ни родственником, ни другом. Он священник, он живет только для себя. Он пользуется только процентами с имущества, которым владеет. Он знает, что никакая власть не сумеет у него отнять его имущество, пока он жив; поэтому само положение его внушает ему равнодушие к отечеству и согражданам.

Если священник честолюбив и хочет сделать карьеру, он должен проявить усердие на службе господствующей партии и не быть разборчивым в средствах угождения главарям, от которых зависит его счастье. Он должен плести интриги и заговоры в пользу сильнейших, подавлять, преследовать, давить слабейших.

Наконец, по мере надобности он должен вносить смуту в государство и приносить вред, будучи уверен, что получит поддержку, награду и отличия от тех, кому он верно служил. Отсюда понятно, что священник — будь он фанатиком, будь он лицемером — всегда будет человеком, связанным личными интересами с сословием, вредным для общества, за счет которого только и можно ему служить. Словом, все ведет к тому, чтобы делать священников дурными. К ним прежде всего можно отнести слова: врачи, исцелитесь сами...

Несмотря на столь явную бесполезность этих детских маскарадов, наши духовные шарлатаны беспрестанно хвалят нас их применение. Послушать их — можно подумать, что их установления производят удивительнейшее действие на нравы народов. Можно было бы получить уверенность, что нельзя выбросить ни одной из этих благо-

честивых игрушек, не подвергая величайшей опасности благополучие народов.

Чтобы опровергнуть эти утверждения, достаточно открыть глаза и кинуть взгляд на католические страны Европы, на самые набожные нации, то есть на самые покорные духовенству, на страны, где божественное могущество священников ни с чьей стороны не встречает противодействия, где, одним словом, царит, по их мнению, самая чистая вера.

Найдем ли мы просвещение, добродетель, вполне почтенные нравы в Италии, представляющей в течение многих веков владение римского первосвященника? Найдем ли мы все это в Испании и Португалии, откуда короли в союзе со священниками огнем и мечом изгнали ересь и свободу мысли? Мы видим, что эти несчастные страны погружены в невежество и пороки. Мы видим там верующих, которым одно название еретика внушает ужас, пустосвятов, которые ни за что на свете не решаются нарушить пост и вкушать мяса, робкие души, считающие, что они уже осуждены, если упустили соблюсти самое незначительное из предписаний церкви, кающихся, которые регулярно складывают свои грехи к ногам священника или монаха, набожных людей, очень часто принимающих святое причастие, безумцев, бичующих себя самым варварским образом, чтобы искупить свои грехи, паломников, которые с четками за поясом отправляются в далекое странствие, чтобы молить какого-нибудь святого о заступничестве и смиренно простереться ниц перед чудотворным скелетом или мумией. Мы там видим мотов, которые ради блага своей души раздают при жизни или завещают после смерти все свое имущество монахам или монастырям.

Но среди всего этого множества набожных людей нам будет стоить величайшего труда найти хотя бы одного человека, действительно знающего свой долг и имеющего некоторое представление о подлинной добродетели. Мы увидим, что в этих святых странах набожность сочетается с самой необычайной развращенностью нравов. Мы видим, что церкви, исповедальни, часовни святых заполнены там куртизанками, прелюбодеями, сводниками, обманщиками, мошенниками, развратниками, которые, несмотря на свою обычную безнравственность и гнусное ремесло, приходят туда весьма регулярно, чтобы уплатить дань, которую они, по их мнению, должны своей святой религии. Часто можно видеть, как они в виду алтаря пускают в ход свои подлые

таланты, профанируя церковь преступными интригами. Однако эти люди смотрят на эти места как на священные и исполненные величия божьего. В этих церквях мы видим набожных преступников, которые, рассчитывая на легкость искупления, всегда охотно даруемого церковью, позволяют себе измены, жестокую месть, убийства, удары ножа, отравления. Наконец, мы видим, что храмы божьи и монастыри странным образом профанируются, являясь неприкосновенным убежищем для всех злодеев, желающих уклониться от карающей руки светского правосудия.

Таким образом, служители алтарей под покровом своих иммунитетов становятся покровителями преступления и противятся общественной безопасности. Будучи непримиримы только по отношению к ереси, ибо она вредит их власти, эти мнимые столпы нравственности проявляют снисходительность к злодеяниям, весьма вредным для прочих граждан. Правда, эти руководители сами нуждаются в снисходительности, которую они проявляют по отношению к другим. В этих странах послушания и веры мы видим, что священники и монахи, погруженные в грубейшее невежество, ставшие порочными из-за праздности, развращенные довольством и богатством, уверенные в своей безнаказанности и даже в защите со стороны главарей, бесстыдно предаются излишествах разврата, нагло покушаются на целомудрие женщин и превращают даже монастыри в публичные дома. Во что же может вылиться нравственность народов, руководимых такими учителями?..

Никто не может без содрогания читать о тех жестокостях, которые жадность, прикрывающаяся маской религии, побуждает творить в Америке этих столь католических и столь набожных испанцев. Лас-Казас — епископ, сам принадлежащий к этой нации, — сохранил нам подробные сообщения об ужасах, которые они хладнокровно совершали над перуанцами, мексиканцами, караибскими и т. д. Эти подлые христиане смели обращаться с ними как с дикарями, тогда как они сами вели себя по отношению к ним не как существа, принадлежащие к человеческому роду, а как адские духи, которые рьяно взялись бы за истребление рода человеческого. Америка, почти все население которой поголовно уничтожено варварством этих чудовищ, свидетельствует всему миру, что самые набожные народы могут состоять из величайших преступников, людей, совершенно лишенных естественных чувств.

Если спросят, как это могло случиться, что народ не знал или заглушил в себе всякое чувство человечности, то мы скажем, что этим извращением испанцы, очевидно, обязаны христианской религии. Попы приучили их смотреть на тех, кто не разделяет их верований, не как на людей, а как на животных. Аутодафе, жестокие казни инквизиции, при которых испанцы видели, как еретики при полном одобрении народа становятся игрушкой жестокости духовенства, внушили им представление, что можно таким же образом обращаться с индейцами-идолопоклонниками, сделать их забавой для самой утонченной жестокости. В результате испанцы мучили индейцев единственно ради забавы и стали наконец убивать их, чтобы скормливать собакам.

Нам, конечно, скажут, что настоящими причинами ужасного обращения испанцев с индейцами были скупость, жадность и жажда золота. Но мы на это ответим, что никогда эти страсти не довели бы их до подобного варварства, если бы религия не убедила их, что можно без стеснения удовлетворять свою жадность за счет идолопоклонников или неверных. Таким образом, религия, во всяком случае, дала испанцам предлог для того, чтобы проявить свою алчность и жестокость. А этого предлога они бы не имели, если бы не жестокая религия, которая и вообще не позволяла им понять гнусность своего поведения.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 288—289, 305—307, 308.

Религия ослабляет мораль, давая ей иллюзорные основания

Да и вообще, не опасно ли связывать мораль с религией? Действительно ли мы укрепляем мораль, основывая ее на религии? Не является ли последняя слабой и сомнительной опорой? В самом деле, религия не выдерживает критики, и, кто открыл несостоятельность религии или ложность ее доказательств, тот, пожалуй, решит, что и мораль такой же фантом, как и религия, на которой она якобы покоится. Поэтому мы часто видим, что порочные люди, отделившись от религии, часто бросаются в объятия разврата и преступления. Освободившись от рабства суеверия, они впадают в полную анархию; убедившись в призрачности ре-

лигии, они считают все для себя дозволенным. Поэтому слова «неверующий» и «либертин» стали, к сожалению, синонимами.

П. Гольбах. Разоблаченное христианство. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 286.

Так как нравственность поставили в зависимость от существования и воли бога, из которого сделали образец для людей, то это, несомненно, должно было повлечь за собой весьма отрицательные последствия. Развратные люди, обнаружив всю ложность и сомнительность этих гипотез, дали простор всем своим порокам; решили, что нет никаких реальных оснований делать добро; вообразили, что добродетель, как и боги, простой призрак и нет никаких причин поступать добродетельным образом.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 630—631.

Противоречие между необходимой обществу моралью и религиозными предписаниями

Природа требует от нас самосохранения, жизнерадостности; она велит нам трудиться над собственным счастьем, украсить нашу жизнь. Разум учит нас, что, для того чтобы любить ближнего, как самого себя, чтобы заслужить его уважение, признательность и поддержку, мы должны делать ближнему добро и быть добродетельными по отношению к нему. Какие же останутся у нас стимулы делать добро, если религия велит нам ненавидеть самих себя, избегать уважения других, унижать себя в своих собственных глазах, во всех наших действиях иметь в виду только бога, которого мы не знаем, отказываться в угоду ему от радостей жизни, уходить от того, что необходимо для нашего счастья? Религия превозносит этот кошмар, называет его смирением; но разве она не уничтожает таким образом того единственного стимула, который в этом превратном мире заставляет человека делать добро, не уничтожает единственной награды, которая остается добродетели? Можно ли требовать, чтобы

человек, который убил в себе уважение к самому себе и которого уверили, что грешно любить себя, стремился заслужить любовь и уважение тех, с кем его заставила жить судьба?

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 155—156.

Итак, следует строго различать между моралью религиозной и моралью политической. Первая создает святых, вторая — граждан; одна создает людей бесполезных и даже вредных для общества, другая должна ставить себе задачей воспитывать полезных, активных членов общества, способных служить ему, исполнять обязанности супруга, отца, друга, товарища; при этом совершенно безразлично, каковы их метафизические взгляды, — что бы ни говорила теология, они гораздо менее надежны, чем непреложные указания здравого смысла.

П. Гольбах. Разоблаченное христианство. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 218.

Добродетель... заключается в том, что полезно для человечества. Праздность не может быть полезной. Созерцание, молитва, уединение не могут дать никаких преимуществ; самоистязание, человеконенавистничество, желчность, фанатизм и упрямство не могут быть причислены к добродетелям. Итак, суеверие, его добродетели, которым оно отдает преимущество перед истинными добродетелями, его предписания, которыми оно заменяет эти последние, — все это не только не является опорой морали, а, напротив, как бы придумано только для того, чтобы ослабить ее и уничтожить.

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 165.

Итак, религия, которая похвается, что является оплотом морали, на самом деле подкапывает ее основы. Она делает из морали воздушные замки, так как утверждает ее на непостижимых богах, на невероятных откровениях, на нелепых и противоречивых предписаниях, на велениях, столь часто идущих против природы, разума и интересов человечества. Проповедуемые ею добродетели и налагаемые

ею обязанности не только по-детски наивны и бесполезны, но часто также омерзительны в глазах мудреца. Наконец, все говорит нам, что, будучи последовательным и не отказываясь на деле от разрушительных принципов своей религии, набожный человек не может быть гуманным, терпимым и полезным. Религия требует от него жертвовать самыми явными интересами, а именно добродетелью и разумом, ради скрытых интересов божества.

Будем же всегда различать мораль от религии, которая отождествляется с ней только для того, чтобы разрушить ее.

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 172—173.

ОБОСНОВАНИЕ
АТЕИЗМА
И
АНТИ-
КЛЕРИКАЛИЗМА

ДОСТОИНСТВА БЕЗРЕЛИГИОЗНОЙ НРАВСТВЕННОСТИ

Гипотеза о необходимости бога для поддержания нравственности является опорой теологических представлений, равно как и большинства религиозных систем на земле: воображают, будто без признания бытия божьего человек не будет ни знать своих обязанностей по отношению к самому себе и другим людям, ни руководствоваться ими. После того как установлен этот предрассудок, начинают думать, что туманные представления о метафизическом боге столь необходимым образом связаны с нравственностью и благом человечества, что нельзя посягать на божество, не уничтожая в то же время естественных обязанностей человека. Полагают, будто потребности и желание счастья, столь очевидный интерес обществ и отдельных лиц окажутся недостаточно сильными, если не поддержать их с помощью всей силы воображаемого существа, из которого сделали судью всего сущего, и не наделить их его санкцией.

Но всегда пагубно соединять фикцию с истиной, неизвестное с известным, бредни распаленного воображения с холодным разумом. Действительно, что получилось у теологов в результате произведенного ими сумбурного сочетания чудесных призраков с реальностью? Заблудившееся воображение потеряло всякий след истины; религия захотела при помощи своего небесного призрака повелевать природой, согнуть разум под своим ярмом, подчинить человека собственным прихотям; и часто она принуждала его во имя божества заглушать голос своей природы и нарушать самые элементарные предписания морали.

«Атеист,— согласно Аббади,— не может обладать добродетелью; для него добродетель лишь призрак, честность — пустой звук, добросовестность — просто глупость... Его единственный закон — личная выгода; если этот взгляд верен, то совесть является предрассудком, естественный закон — иллюзией, право — заблуждением, доброта лишается всякой основы, общественные связи распадаются, верность пропадает, друг всегда готов предать своего друга, гражданин — изменить своему отечеству, сын — убить своего отца, чтобы воспользоваться наследством, если только к этому представится случай и ему удастся избежать карающего

меча правосудия, которого только и следует бояться. Самые нерушимые права и священные законы являются с этой точки зрения только грезами и сновидениями».

Этому описанию может соответствовать поведение не мыслящего, чувствующего, рассуждающего, разумного существа, а какого-то дикого зверя, безумца, не имеющего ни малейшего представления об естественных отношениях, связывающих между собой существа, необходимые друг другу для их взаимного счастья.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 568, 624.

Имея это в виду, мы ответим Аббади, шаг за шагом опровергая его обвинения, что атеист — это человек, знающий природу и ее законы, а также свою собственную природу и налагаемые ею на него обязанности; атеист обладает опытом, а этот опыт на каждом шагу показывает ему, что порок может ему повредить, что его самые сокровенные проступки и самые тайные наклонности могут когда-нибудь обнаружиться; этот опыт показывает ему, что общество полезно для его счастья, что в его собственных интересах любить отечество, которое защищает его и дает ему возможность спокойно наслаждаться благами природы, что он может быть счастливым, лишь заставив себя любить, что отец — его вернейший друг, что неблагодарность уменьшила бы расположение к нему его благодетелей, что правосудие необходимо для охраны всякого общества и ни один человек, как бы он ни был могуществен, не может быть доволен собой, если является предметом общественной ненависти и знает это.

Тот, кто зрело размышлял о самом себе, о своей собственной природе и природе своих ближних, о своих потребностях и средствах удовлетворить их, должен прийти к сознанию своих обязанностей по отношению к самому себе и другим; у него имеются, следовательно, нравственность и реальные побуждения сообразоваться с ней; он не может не понимать, что эти обязанности необходимы; и если слепые страсти и порочные привычки не помешают ему правильно рассуждать, то он поймет, что добродетель является для каждого человека вернейшей дорогой к счастью. Все взгляды атеиста или фаталиста основываются на необходимости, поэтому их моральные теории, покоящиеся на необходимости вещей, во всяком случае более прочны и неиз-

манны, чем умозрения по поводу бога, изменяющиеся в зависимости от настроений и страстей его поклонников. Природа вещей и ее вечные законы не подлежат изменению; атеист всегда вынужден называть пороком и безумием то, что ему вредно, преступлением то, что вредно другим, добродетелью то, что выгодно последним и содействует их длительному счастью.

Итак, мы видим, что принципы атеиста менее шатки, чем принципы фантазера, строящего свою нравственность на вымышленном существе, представление о котором так часто меняется даже у него самого. Если атеист отрицает бытие божие, то он не может отрицать своего собственного бытия, а также бытия окружающих его и подобных ему существ; он не может сомневаться в отношениях, существующих между ними и им, в необходимости обязанностей, вытекающих из этих отношений, а следовательно, и в принципах нравственности, которая является не чем иным, как наукой об отношениях, существующих между живущими в обществе людьми.

Правильно понятый атеизм основывается на требованиях природы и разума, которые, в отличие от религии, никогда не оправдывают преступлений дурных людей.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 625—626, 630.

Нуждались ли люди в сверхъестественном откровении, чтобы узнать, что справедливость необходима для сохранения общества и что несправедливость создает только скопища врагов, старающихся вредить друг другу? Нужен ли был глагол божий, чтобы люди поняли, что существа, живущие вместе, нуждаются во взаимной любви и поддержке? Нужна ли была помощь свыше для того, чтобы открыть людям, что месть есть зло и нарушение законов страны и что ее вполне заменяют справедливые законы? Не вытекает ли из этого принципа прощение обид, тогда как беспощадная месть ведет к вечной ненависти? Не вытекает ли прощение врагов из того величия души, которое возвышает нас над оскорбляющими нас? Не становимся ли мы выше своих врагов, делая им добро? Не создает ли такое поведение нам друзей? Не понимает ли каждый, кому дорога жизнь, что пороки, неводержанность, сладострастие укорачивают наши дни? Наконец, не показывает ли опыт

каждому мыслящему человеку, что преступление возбуждает ненависть, что порочный человек сам себе вредит, а добродетель внушает любовь и уважение? Достаточно людям немного поразмыслить над своими поступками, над своими истинными интересами, над целью общества, и они поймут свой долг по отношению друг к другу. Хорошие законы заставят их хорошо поступать, и им не нужно будет получать с неба правила, необходимые для их жизни и счастья. Достаточно голоса разума, чтобы узнать свой долг перед ближним. Нужна ли разуму помощь религии, которая то и дело противоречит ему и унижает его?

П. Гольбах. Разоблаченное христианство. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 280.

Ясно, что мы должны исполнять нравственные обязанности не потому, что созданы каким-то богом; мы обязаны делать это как люди, как разумные существа, живущие в обществе и стремящиеся обеспечить себе счастливое существование; независимо от того, существует или не существует бог, наши обязанности останутся неизменными; изучая природу человека, мы убедимся, что пороки — зло, а добродетель — вполне реальное благо.

Можно смело сказать, что общество атеистов, свободное от всякой религии, управляемое на основании разумных законов, обладающее правильной системой воспитания, поощряемое к добродетели наградами и отвращаемое от преступлений справедливыми наказаниями, свободное от всяческих иллюзий, обманов и вымыслов, будет несравненно честнее и добродетельнее, чем построенные на религиозных началах общества, где все как будто направлено на отравление мысли и развращение сердца.

Будь справедлив, потому что справедливость — опора человеческого рода. Будь добр, потому что доброта покоряет все сердца. Будь снисходителен, потому что ты сам слаб и живешь с существами столь же слабыми, как и ты. Будь мягок, потому что мягкость порождает привязанность. Будь признателен, потому что признательность питает доброту. Будь скромн, потому что гордость задевает самолюбие людей и возмущает их. Прощай оскорбления, потому что месть только увековечивает вражду. Твори добро своему обидчику, чтобы показать ему, что ты выше его, и снискать его дружбу. Будь воздержан, умерен, целомудрен, потому что сладострастие, невоздержанность и излишества

разрушат твоё здоровье и сделают тебя презренным в чужих глазах...

Одним словом, будь человеком, разумным существом, верным супругом, нежным отцом, справедливым хозяином, усердным гражданином; старайся служить родине своими силами, талантами, умением, добродетелями. Делись с ближними дарами, полученными от природы; распространяй благополучие, довольство и радость среди всех, с кем ты встречаешься; пусть круг твоих действий, как бы оживотворенный твоими благодеяниями, воздействует и на тебя; будь уверен, что человек, делающий других людей счастливыми, не может быть несчастным сам. Поступая таким образом, ты никогда не будешь полностью лишен причитающейся тебе награды, с какими бы несправедливыми и ослепленными существами тебе ни довелось жить; во всяком случае, никакая сила на земле не сможет отнять у тебя внутреннего удовлетворения — этого чистейшего источника всякого счастья; ты всегда сумеешь с удовольствием углубиться в самого себя; ты не найдешь в глубине своего сердца ни стыда, ни страха, ни угрызений совести; ты будешь любить себя; ты будешь велик в собственных глазах; ты будешь любим и уважаем всеми добродетельными людьми, мнение которых более ценно, чем мнение заблудшей толпы. Если ты согласишься посмотреть вокруг, то на довольных лицах прочтешь нежность, сочувствие, любовь. Проводя так жизнь, каждое мгновение которой будет отмечено внутренним миром твоей души и любовью окружающих тебя людей, ты мирно придешь к концу своего существования, потому что ты должен умереть; но ты переживаешь уже себя в мысли; ты будешь вечно жить в памяти своих друзей и людей, осчастливленных тобой; твои добродетели уже заранее воздвигли тебе нетленный памятник.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 631, 657, 676—678.

Вместо мистической, темной, сверхъестественной морали дадим людям ясную, полезную для общества естественную мораль.

Религия основана на экстазе и чудесах. Стержень морали — интересы человека, стержень религии — интересы врагов человечества. Мораль опирается на опыт, разум и истину, религия — исключительно на невежество, обман и

тиранию. Мораль возвышает человека, внушает ему чувство собственного достоинства, показывает ему его права, внушает ему активность, энергию, мужество. Религия запугивает его, принижает, заставляет не отводить глаз от своего ничтожества, губит полет его души, ввергает его в уныние и в результате обычно делает его неистовым фанатиком. Мораль велит человеку работать для собственного счастья; религия предписывает ему отказаться от всего, что может сделать его счастливым, она пугает его гневом божества, которому любо видеть слезы своих несчастных созданий. Мораль велит человеку любить окружающих его; религия велит ему любить превыше всего возмутительного тирана, который объявляет преступлением его любовь к жалкой твари. Мораль велит человеку быть кротким, гуманным, мирным, всепрощающим; религия вменяет ему в обязанность быть ревнителем веры, гонителем, ненавистником и мятежником, лишь только затронуты интересы бога и его служителей. Мораль велит человеку слушаться голоса разума, религия объявляет это преступлением. Итак, необходимо навсегда отделить нерушимыми границами царство морали от царства религии. Они несовместимы, их интересы не могут слиться, их воины не могут быть союзниками и друзьями, не могут сражаться под одними и теми же знаменами.

Итак, не говорите нам больше, что мораль не может без помощи религии сделать людей хорошими и добродетельными. Неужели труднее внушить с детства разумным существам полезные и осязательные истины, чем пичкать их вредными и неправдоподобными бреднями, явными противоречиями и сказками, возмущающими здравый смысл? Неужели легче показать им бога, скрытого в облаках, и объяснить его сущность, чем показать им человека и его истинную природу? Неужели труднее показать им их истинный долг и то поведение, которого они должны держаться в своих собственных интересах, чем вбивать им в голову невразумительные гипотезы и фантастические догматы и навязывать им пустые обряды и обременительный ритуал, пользу которого никак не может постичь здравый смысл? Неужели человек по своей природе восприимчивее к ложным и унижающим его воззрениям, чем к истинам, возвышающим его душу, долженствующим поднять его в собственных глазах, утешить его, придать ему энергию? Неужели труднее убедить его, что он должен любить и уважать себя и работать над своим счастьем, чем уверить его,

что он должен ненавидеть себя, наносить себе вред, бичевать себя? Вы находите более легким делом унижить человека, сделать его тупым рабом, чем говорить ему о его правах? Неужели можно искренне утверждать, что разумному существу труднее запомнить столь простые, ясные и очевидные уроки истинной морали, нежели непостижимые уму предписания религии, ее вздорные басни, ее мистерии и символы веры? Неужели труднее воспринять в теории и на практике истинный долг человека, чем начала какого-либо искусства и науки или даже те знания, часто весьма сложные, которых требует ремесло?

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 173—174, 174—175.

Будь же счастлив, человек, природа зовет тебя к этому. Но помни, что ты не можешь быть счастливым в одиночку: я призываю к счастью наряду с тобой всех смертных; только сделав их счастливыми, ты будешь счастлив сам — такова воля судьбы; помни, что, если ты попытаешься уклониться от нее, ненависть, месть и угрызения совести всегда наготове, чтобы наказать тебя за нарушение ее бесповоротных повелений.

Поэтому, о человек, какое бы место ты ни занимал в жизни, иди путем, который ты начертал себе для достижения доступного тебе счастья. Во имя гуманности не забывай о судьбе своих ближних; пусть твое сердце относится с состраданием к злополучиям других людей; пусть твоя щедрая рука будет готова к помощи несчастному, удрученному своей судьбой; помни, что может прийти и твой черед для несчастья, и знай, что всякий несчастный вправе требовать от тебя участия. Относись особенно чутко к слезам угнетенной невинности; приюти на своей груди страждущую добродетель; пусть твое добродетельное сердце будет согрето мягкой теплотой искренней дружбы; пусть уважение возлюбленной подруги заставит тебя забыть тяготы жизни и ты будешь верен ей, как и она тебе; пусть твои дети на глазах добродетельных и дружно живущих родителей научатся добродетели; пусть они, будучи предметом забот твоего зрелого возраста, окружают твою старость заботами, которыми ты окружил их неразумное детство.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 676.

Утверждать, будто без представления о боге человек не может обладать нравственным чувством, т. е. отличать порок от добродетели, все равно что утверждать, будто без представления о боге человек не чувствовал бы потребности есть, чтобы жить, не отличал бы и не предпочитал бы какую-либо пищу; это все равно, что утверждать, будто, не зная имени, характера и качеств изготовившего нам какое-нибудь блюдо повара, мы не в состоянии судить, нравится или не нравится нам это блюдо, хорошо оно или нет. Человек, не знающий, что думать о существовании и моральных атрибутах бога, или даже категорически отрицающий их, во всяком случае не сомневается в собственном существовании, собственных качествах, способностях, ощущениях и суждениях; точно так же он не может сомневаться в существовании других организованных, подобно ему, существ, у которых он замечает качества, аналогичные его собственным качествам, и любовь или ненависть, содействие или противодействие, уважение или презрение которых он может снискать при помощи известных поступков; этого знания достаточно, чтобы он мог отличить добро от зла. Одним словом, каждому человеку, обладающему нормальной организацией или способностью к правильным наблюдениям, достаточно рассмотреть самого себя, чтобы найти свои обязанности по отношению к другим людям; изучая собственную природу, человек поймет свои обязанности лучше, чем размышляя над божеством, сведения о котором он может почерпнуть лишь в собственном воображении и собственных страстях либо в страстях некоторых мечтателей или обманщиков. Он поймет, что для того, чтобы обеспечить себе самосохранение и длительное счастье, ему следует бороться с зачастую слепыми порывами собственных желаний, а чтобы снискать благосклонность окружающих, надо поступать в соответствии с их желаниями; рассуждая так, он узнает, что такое добродетель; применяя на деле это знание, он будет добродетелен; за свое поведение он будет вознагражден нормальным функционированием организма и заслуженным самоуважением, подтверждаемым любовью окружающих. Если же он начнет поступать противоположным образом, то вскоре расстройство его организма покажет ему, что природа не одобряет его поведения, что он идет вразрез с ее требованиями и вредит самому себе; вследствие этого он вынужден будет согласиться с отрицательным мнением, сложившимся о нем у окружающих, которые станут ненавидеть его и порицать его поступки. Если

этот человек под влиянием своих страстей не сумеет разглядеть ближайших следствий своего беспорядочного образа жизни, то еще меньшее влияние сможет оказать на него мысль об отдаленных наградах и карах, грозящих ему со стороны невидимого, пребывающего на небесах монарха; голос этого бога никогда не будет звучать в его ушах так ясно, как голос собственной совести, немедленно вознаграждающей или карающей его.

Все это с полной очевидностью показывает нам, что религиозная мораль не может идти ни в какое сравнение с моралью природы, которой она противоречит на каждом шагу. Природа побуждает человека любить себя, думать о своем самосохранении, непрестанно увеличивать сумму своего счастья; религия же повелевает ему любить только грозного и ненавистного бога, питать отвращение к самому себе, приносить в жертву своему ужасному идолу самые законные и мирные удовольствия. Природа советует человеку прислушиваться к голосу своего разума и руководствоваться его указаниями; религия же убеждает его, что этот разум извращен и является ненадежным руководителем, данным людям богом-обманщиком, чтобы ввести в заблуждение созданные им творения. Природа советует человеку учиться, исследовать истину, обогащать свои познания в этих исследованиях; религия же запрещает ему всякое исследование, приказывает ему оставаться в невежестве, страшиться истины; она убеждает его, что для него важнее всего отношения между ним и неким существом, которого он никогда не узнает. Природа советует существу, привязанному к жизни, умерять свои страсти, сопротивляться им, когда они пагубны для него, противопоставлять им здоровые, заимствованные из опыта мотивы; религия же приказывает одаренному способностью чувствовать существу не иметь страстей, быть какой-то бесчувственной массой или же противопоставлять своим склонностям мотивы, заимствованные у воображения и изменчивые, подобно последнему. Природа велит человеку любить своих ближних, быть общительным, справедливым, мирным, снисходительным, добрым, доставлять радость окружающим и не мешать им радоваться; религия же советует человеку избегать общества, уединяться от людей, ненавидеть их, если их бредни будут отличаться от его фантазий, разрывать ради божества священные узы, терзать, мучить, преследовать всех тех, кто не хочет безумствовать, подобно ему. Природа велит живущему в обществе человеку стремиться к славе, трудиться,

чтобы добиться всеобщего уважения, быть деятельным, мужественным, трудолюбивым; религия же говорит ему: будь смиренным, жалким, малодушным, живи в одиночестве, предавайся только молитвам и благочестивым размышлениям, занимайся обрядами, будь полезен самому себе и не делай ничего для других. Природа делает примером для гражданина добродетельных, благородных, энергичных, с пользой послуживших своим согражданам людей; религия же прославляет жалких, благочестивых мечтателей, безумствующих аскетов, фанатиков, которые из-за нелепых разногласий ставили на карту существование целых государств. Природа советует супругу быть нежным, испытывать привязанность к супруге — подруге жизни, лелеять ее; религия же вменяет ему в вину его нежность и часто заставляет его смотреть на супружескую жизнь как на какое-то грязное, недостойное человека состояние.

Природа советует отцу любить своих детей и воспитывать их полезными членами общества; религия приказывает ему воспитывать их в страхе божьем и делать из них слепых, суеверных людей, неспособных служить обществу, но способных нарушать его спокойствие. Природа советует детям почитать и любить своих родителей, слушаться их и быть им опорой в старости; религия приказывает им предпочитать веления бога и пренебрегать отцом и матерью, если дело идет о божьих интересах. Природа говорит ученому: занимайся полезными вещами, трудись для своей родины, делай для нее полезные открытия, способные улучшить ее судьбу; религия говорит ему: занимайся бесполезными фантазиями, бесконечными спорами, исследованиями, порождающими раздоры и преступления, и упорно защищай мнения, которые ты никогда не поймешь. Природа советует развратнику стыдиться своих пороков, позорных склонностей и злодеяний; она показывает, что, если ему даже удастся скрыть от людей беспорядочность своей жизни, эта беспорядочность все же неизбежно отразится на его благополучии; религия же говорит самому испорченному и злому человеку: не раздражай бога, которого ты не знаешь; но если, нарушив его закон, ты предашься преступлению, то помни, что его легко искупить: пойдя в божий храм, упави к ногам служителей бога, искупи свои злодеяния жертвами, подношениями, обрядами и молитвами...

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 571—574.

КРИТИКА ОГРАНИЧЕННОСТИ ДЕИСТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ РЕЛИГИОЗНОГО СУЕВЕРИЯ И ФАНАТИЗМА

Во все времена находились люди, выступавшие более или менее энергично против злоупотреблений и крайностей религии, но очень мало людей дерзали нападать на самый источник ее.

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 201.

Теистами или деистами¹ называют тех, кто, разочаровавшись в грубых заблуждениях общепринятых суеверных религий, признает только неопределенное понятие о божестве, видя в нем какую-то неизвестную силу, одаренную разумом, мудростью, могуществом и добротой — одним словом, наделенную бесконечными совершенствами. Согласно им, это существо отлично от природы; его бытие они доказывают на основании господствующих во вселенной порядка и красоты. Признавая существование благодетельного провидения, они упорно отказываются видеть все те бедствия, причиной которых следует считать эту универсальную силу, раз она не пользуется своим могуществом, чтобы воспрепятствовать им. Нет ничего удивительного, что при их увлечении этими, как мы видели, малообоснованными взглядами их системы и вытекающие из этих систем выводы плохо согласуются друг с другом. Действительно,

---

¹ «Теистами или деистами...» — В XVIII в. эти термины зачастую отождествлялись, что и отражено в данной фразе Гольбаха. Вместе с тем у него намечается и различие названных терминов: «деизм» применяется для обозначения представлений о безличном творце или устроителе мира, не требующем никакого культа, а «теизм» — для обозначения представлений о таком безличном боге, которому необходимо определенным образом поклоняться и чтить его посредством морального поведения. По этой классификации Гольбаха, к «теистам» должны быть отнесены, например, Вольтер и Руссо, а к «деистам» — Галилей.

Ныне в научной литературе теизм строго отличается от деизма. Теистами называют сторонников ортодоксальных религиозных концепций, утверждающих существование внешнего по отношению к миру бога-творца и промыслителя.

одни предполагают, что воображаемое существо, создав материю из ничего и удалившись затем в глубины своей сущности, навсегда предоставляет материю первоначально сообщенному ей движению. Бог нужен им только для того, чтобы породить природу; все происходящее после этого является для них лишь необходимым следствием первоначального толчка; по их мнению, бог захотел, чтобы мир существовал, но, будучи слишком великим, чтобы входить во все мелочи управления миром, предоставил ход событий действию вторичных, или естественных, причин; бог вполне равнодушен к судьбе созданных им существ, которые не находятся ни в каких отношениях с ним и ни в чем не могут потревожить его нерушимого счастья. Таким образом, наименее суеверные деисты делают из своего бога какое-то бесполезное для людей существо; они нуждаются в этом слове просто для обозначения первопричины, или неизвестной силы, которой они приписывают первоначальное образование или, если угодно, устройство материи, вечно сосуществующей с богом, не зная присущей природе энергии.

Другие теисты, одаренные более живым воображением, предполагают существование более определенных отношений между универсальным началом и человечеством; каждый из них в зависимости от свойств своего темперамента расширяет или суживает эти отношения, допускает известные обязанности человека по отношению к своему творцу, думает, что ради того, чтобы угодить божеству, следует подражать его мнимой благодати и творить, подобно ему, добро. Некоторые воображают, что так как этот бог справедлив, то он предназначает награды для тех, кто делает добро, и наказания для тех, кто делает зло своим ближним. Эти люди несколько более, чем прочие, *гуманизируют* своего бога: он похож у них на государя, наказывающего или вознаграждающего своих подданных в зависимости от того, как они исполняют свои обязанности и его законы; теисты этого рода уже не довольствуются, подобно чистым деистам, неподвижным и равнодушным богом; им необходим бог более близкий к ним или хотя бы пригодный для объяснения некоторых из загадок вселенной. Так как каждый из этих мыслителей, которых, в отличие от деистов, мы будем называть *теистами*, составляет себе свою особенную религиозную систему, то они расходятся между собой во взглядах и верованиях; неуловимые оттенки мнений постепенно приводят некоторых из них от чистого деизма к рели-

гиозному суеверию; одним словом, у них нет единомыслия и они не знают, на чем остановиться.

Не следует удивляться этому; если бог *деистов* бесполезен, то бог *теистов* неизбежно полон противоречий. И те и другие допускают бытие существа, являющегося простой фикцией; если они считают его материальным, то оно должно входить в природу; если они считают его духовным, то у них нет никакого реального представления о нем; если же они приписывают ему нравственные качества, то у них получается какой-то человек с непомерно возросшими совершенствами, существование которых, однако, при признании этого существа творцом всего сущего на каждом шагу опровергается фактами. И действительно, когда люди испытывают страдания, они отрицают провидение, издеваются над конечными причинами, признают, что бог либо бессилен, либо же действует несогласным с представлением о его благости образом. Но не должны ли те, кто допускает существование справедливого божества, признать обязанности и предписания, налагаемые этим существом, которого нельзя оскорблять, не зная его воли? Так, теист, желая объяснить себе поведение своего бога, мало-помалу оказывается в очень затруднительном положении и, чтобы выбраться из него, бывает вынужден признать все теологические бредни, не исключая и нелепых басен, придуманных для объяснения странного способа управления этого якобы столь мудрого, столь благого и столь справедливого существа. Переходя от одного предположения к другому, ему придется добратся до грехопадения Адама, до восстания мятежных ангелов или же до преступления Прометея и ящика Пандоры¹, так как только таким образом удастся объяснить возникновение зла в мире, управляемом благом провидением. Придется приписать человеку свободу воли; придется признать, что творение может оскорбить своего творца, вызвать его гнев, возбудить его страсти и затем успокоить его при помощи суеверных обрядов и искупительных жертв. Если предположить, что природой управляет какая-то невидимая сила, одаренная скрытыми качествами и действующая таинственным образом, то почему не предположить также, что особые церемонии, телодвижения, слова, обряды, храмы, статуи могут заключать в себе таин-

---

¹ Пандора — согласно древнегреческой мифологии, женщина, открывшая ящик, в котором содержались всевозможные несчастья, распространившиеся затем по свету и обрушившиеся на людей.

ственные свойства, с помощью которых можно снискать благоволение таинственного владыки мира? Почему не поверить тогда в скрытые силы магии, теургии, чар, амулетов, талисманов? Почему не поверить во вдохновение свыше, в сны, видения, предчувствия, предзнаменования? Почему не допустить, что движущая сила вселенной, желая открыться людям, употребила недоступные нам средства и прибегла к превращениям, воплощениям, пресуществлениям? Разве все эти фантазии не вытекают из нелепых представлений людей о божестве? Разве все приписываемые ему свойства менее возможны и менее вероятны, чем представления теизма, допускающего, что какой-то непостижимый, нематериальный, невидимый бог мог создать материю и привести ее в движение; что лишенный органов бог может обладать разумом, мыслить, как люди, и обладать нравственными качествами; что разумный и мудрый бог может допускать беспорядок; что неизменный и справедливый бог способен терпеть, чтобы неповинные существа страдали хотя бы и ничтожное время? Раз допускают бога со столь противоречивыми качествами, то ничто уже не может возмущать наш разум; раз допускают подобного бога, то можно верить всему: невозможно указать ту границу, где должно остановиться воображение. Если предположить наличие отношений между людьми и этим неправдоподобным существом, то следует воздвигать в его честь алтари, постоянно обращаться к нему с молитвами, приносить ему жертвы и дары. И если мы совсем не понимаем этого существа, то разве не спокойнее всего обратиться к его служителям, которые по своей профессии должны уметь объяснять его прочим смертным? Одним словом, нет такого обряда, такого откровения или таинства, которого нам не пришлось бы признать по указанию жрецов, в разных странах по-разному обучающих людей тому, что они должны думать о богах и как им следует добиваться их милости.

Мы видим, таким образом, что нет никаких оснований отделять дейстов или теистов от сторонников обрядового суеверия и что невозможно провести черту, отделяющую их от самых легковерных, мало рассуждающих о вопросах религии людей. Действительно, трудно точным образом установить, какую дозу нелепости можно себе позволить. Дейсты, отказывающиеся следовать за приверженцами обрядового суеверия во всех проявлениях их легковерия, более непоследовательны; последние, приняв на веру существование нелепого, противоречивого, странного существа, при-

нимают также на веру и те смехотворные и странные средства, которые им рекомендуют в целях снискания его милости. Первые исходят из ложной предпосылки, отвергая ее необходимые следствия, вторые допускают и принцип, и выводы из него. Бог, существующий только в воображении, требует и соответствующего культа. Вся теология есть одна сплошная фикция; во лжи, как и в истине, нет степеней. Если бог существует, то следует верить всему, что говорят о нем его служители; все бредни религиозного суеверия не более нелепы, чем лежащие в его основе противоречивые представления о божестве; все эти бредни — выводы, путем больших или меньших умственных ухищрений полученные мыслителями-фантастами из недоступной сущности божества, из его непостижимой природы, из его противоречивых качеств. Зачем же останавливаться на полпути? Разве найдется в какой-нибудь религии более немыслимое чудо, чем чудо творения, или выведения (*éducation*), из ничего? Существует ли более трудная для понимания тайна, чем непостижимый бог, бытие которого, однако, необходимо признавать? Есть ли что-либо более противоречивое, чем разумный и всемогущий зодчий вселенной, производящий только для того, чтобы уничтожать? Есть ли что-либо более бесполезное, чем присоединение к природе некоего активного начала, которое не может объяснить ни одного из естественных явлений?

Итак, самый легковверный сторонник обрядовой религии рассуждает более последовательно и более логичен в своем легковерии, чем те, кто, первоначально допустив какого-то бога, о котором они не имеют никакого представления, вдруг останавливаются и отказываются допустить систему поведения, непосредственным и необходимым образом вытекающую из их первоначальной коренной ошибки. Раз принят противоречащий разуму принцип, то какой смысл апеллировать к разуму по поводу вытекающих из этого принципа следствий, как бы нелепы они ни казались?

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 527—534.

Легко заметить, что сочинения теистов и деистов обыкновенно кишат паралогизмами и противоречиями, как и сочинения теологов; их системы нередко отличаются крайней непоследовательностью. Некоторые из них утверждают, что все необходимо, отрицают духовность и бессмертие

души, отказываются верить в свободу воли. Естественно спросить их: зачем же нужен тогда их бог? Они просто по привычке нуждаются в этом слове. На свете мало людей, осмеливающихся быть последовательными; но мы все же предлагаем всем *богопочитателям*, как бы они ни назывались, спросить себя: связывают ли они какое-нибудь определенное, постоянное, неизменное, совместимое с природой вещей представление с существом, называемым ими богом? Им придется убедиться, что, отличая бога от природы, они перестают понимать в нем что бы то ни было. Отвращение большинства людей к атеизму сильно напоминает *боязнь пустоты*; люди нуждаются в каком-нибудь объекте веры; их мысль не может оставаться в бездействии, особенно когда они уверят себя, что соответствующая вещь очень важна для них. В этом случае они предпочтут верить чему угодно, чем не верить ничему, считая, что такое решение благоразумнее.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 529.

Люди связаны с заблуждениями, которые они впитали с молоком матери, столь многочисленными нитями, что каждый шаг, отрывающий их от этих заблуждений, стоит им бесконечных мук. Даже просвещеннейшие люди часто в каком-нибудь отношении зависят от общепринятых предрассудков. Нелегко чувствовать себя изолированным и в одиночестве придерживаться своих убеждений, отказавшись от языка всего общества; необходимо мужество, чтобы присоединиться к точке зрения, разделяемой лишь немногими лицами. В странах, где прогресс науки сравнительно значителен и где существует известная свобода мысли, легко можно найти множество деистов или нерелигиозных людей, которые, отбросив грубейшие предрассудки толпы, не осмеливаются, однако, добраться до самого их источника и подвергнуть само божество очной ставке с разумом. Не остановись эти мыслители на полпути, они вскоре поняли бы, что бог, исследовать которого у них не хватает мужества, столь же вредное и недопустимое с точки зрения здравого смысла существо, как и все те догматы, таинства, басни и суеверные обряды, нелепость которых уже признана ими; они поняли бы, что, как мы уже показали, все эти вещи являются необходимым следствием первоначальных представлений людей о божественном призраке и что, раз

допущено существование такого призрака, нет оснований отбросить выводы, извлекаемые из этого воображением...

Многие люди соглашались с тем, что крайности, порождаемые религиозным суеверием, представляют собой весьма реальное зло; многие лица жалуются на злоупотребления религией; но лишь весьма немногие понимают, что эти злоупотребления и это зло являются необходимыми следствиями основных принципов всякой религии, которая сама может основываться лишь на подобных несуразных представлениях о божестве. Ежедневно можно встретить людей, разочаровавшихся в религии, но тем не менее утверждающих, что эта религия необходима для народа, который без нее невозможно обуздать. Но разве такое рассуждение не равносильно утверждению, что для народа полезен яд и будто отравлять его, чтобы помешать ему злоупотреблять своими силами,— значит совершать хорошее дело?

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 635—636.

Нам могут указать также на естественную религию, многие восхваляют ее пользу. Но мы отвечаем, что не существует никакой естественной религии, что природа не говорит нам ничего ни об отношениях, существующих между ней и родом человеческим, ни о средствах угодить ей. Одним словом, природа не может дать нам никакой религии, опыт и разум не могут создать религию. Каждая религия по существу своему всегда находится в противоречии с природой, как и с самой собой.

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 131.

Атеизм, принципы которого до сих пор не были изложены надлежащим образом, пугает даже самых свободных от предрассудков людей. Расстояние между ходячим суеверием и полным безверием для них слишком велико; вступая в компромисс с заблуждением, они думают, что выбирают золотую середину; они допускают принцип, но отвергают выводы из него; они сохраняют небесный призрак, забывая, что рано или поздно он приведет к тем же самым результатам и породит мало-помалу те же самые безумства в головах людей. Большинство нерелигиозных людей и реформаторов только обрубают сучья у ядовитого

дерева, вместо того чтобы совсем срубить его; они не понимают, что это дерево принесет потом те же самые плоды. Теология, религия всегда будут своего рода скоплениями горючего материала: работа воображения должна под конец вызвать пожары. До тех пор, пока жреческому сословию будет дано право отравлять душу молодежи, приучать ее трепетать перед пустыми словами, пугать народы именем грозного бога, фанатизм будет царить над умами, обману нетрудно будет разжигать смуты в государствах; самый обычный призрак, вскормленный и видоизмененный все преувеличивающим человеческим воображением, мало-помалу станет могучим колоссом, губящим всех людей и низвергающим государства. Деизм — это мировоззрение, на котором человеческая мысль не сможет долго задержаться: построенный на иллюзии, он рано или поздно выродится в нелепое и пагубное суеверие.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 638—639.

Мне скажут, что источником всех этих зол служит суеверие, а не религия. Но ведь понятие божества неизбежно вырождается в суеверие. Деист отсек у гидры дюжину голов, но та голова, которую он пощадил, вновь породила все остальные.

Д. Дидро. Первое добавление к записке о терпимости. Избранные атеистические произведения. М., 1956, стр. 256—257.

ФИЛОСОФСКО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО АТЕИЗМА

Нашлись мужественные люди, осмелившиеся воспротивиться потоку предрассудков и безумия. Они решили, что предмет, на который теологи указывают как на самый важный для людей, как на единственное средоточие их действий и помыслов, должен быть тщательно исследован; они поняли, что если опыт, ум и здравый смысл на что-нибудь годятся, то, без сомнения, с их помощью в первую очередь следует разобраться в том, что представляет собой верховный владыка, управляющий природой и судьбой всех заключенных в ней существ. Вскоре они убедились, что в этом вопросе нельзя считаться с общепринятыми взглядами, мнениями не способного ни к какому анализу большинства, а тем более с воззрениями руководителей этого большинства — обманщиков или обманутых, запрещающих другим исследование либо же неспособных произвести его. И вот некоторые мыслители осмелились сбросить ярмо, тяготеющее над ними с самого детства. Разуверившиеся в туманных, противоречивых и лишенных смысла понятиях, которые они привыкли машинально ассоциировать с именем какого-то непостижимого бога, поддерживаемые разумом в своей борьбе со страхами, которые вызывал у них этот грозный призрак, возмущенные его отвратительными изображениями, они дерзнули разорвать покрывало назойливого обмана и хладнокровно взглянуть на мнимую силу, ставшую постоянным предметом надежд, опасений, упований и споров ослепленных смертных. Этот призрак вскоре потерял для них свою силу и скрылся. Благодаря трезвости своей мысли они повсюду увидели лишь природу с ее неизменными законами, ареной действия которых является вселенная, а творениями и орудиями, обязанными выполнять вечные повеления необходимости, — люди и вообще все существа.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 488—489.

Если незнание природы породило богов, то познание ее должно их уничтожить. С ростом знаний человека растут его силы и его орудия; науки, искусства, ремесла оказывают ему свою помощь; опыт делает его более уверенным, помо-

гая ему оказывать сопротивление многим явлениям, перестающим пугать его, лишь только он познает их. Одним словом, людские страхи рассеиваются по мере роста просвещения. Просвещенный человек перестает быть суеверным.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 375.

Что такое атеист? Это — человек, уничтожающий пагубные для человечества иллюзии, чтобы вернуть людей к природе, опыту, разуму. Это — мыслитель, который, изучив материю, ее энергию, ее свойства и способы действия, не нуждается для объяснения естественных явлений и действий природы в каких-то идеальных силах, воображаемых интеллектах, вымышленных существах: все эти мнимые причины не только не объясняют природы, но делают ее непонятной, загадочной, бесполезной для человеческого счастья.

И на этих-то людей, которые одни лишь обладают простыми и истинными представлениями о природе, смотрят как на нелепых мечтателей или недобросовестных мыслителей! Людей, составивших себе рациональные представления о движущей силе вселенной, обвиняют в отрицании существования этой силы; людей, видящих во всем происходящем в мире постоянные и твердые законы, обвиняют в том, что они *приписывают все случаю*; их называют слепыми и безумными фантазерами, воображение которых, блуждающее где-то в пустоте, приписывает естественные явления фиктивным, существующим лишь в их собственном мозгу причинам, мнимым существам, призрачным силам, которые эти фантазеры упорно предпочитают реальным, известным из опыта причинам.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 611—612.

Чтобы найти истину, которую все, словно нарочно, стараются скрыть от нас и которую часто мы сами, являясь как бы соучастниками обманывающих нас людей, пытаемся утаить от себя или же под влиянием наших обычных страхов боимся найти, необходим здравый ум, открытое, честное сердце и сдерживаемое разумом воображение. Обладая этими способностями, мы сумеем обнаружить истину; она никогда не открывается ни обольщающемуся своими грезами фантазеру, ни мрачному изуверу, ни тщеславному

претенциозному невежде, ни легкомысленному сластолюбцу, ни недобросовестному резонеру, желающему только обмануть самого себя. Обладая этими способностями, внимательный физик, математик, моралист, политик, даже теолог должны будут убедиться в своих поисках истины в шаткости основ всех религиозных систем. Физик найдет в материи достаточную причину ее существования, равно как и присущих ей движений, сочетаний, способов действия, всегда управляемых общими и неизменными законами. Математик вычислит силы материи и, не покидая природы, найдет, что для объяснения ее явлений нет никакой необходимости прибегать к содействию какого-то существа или какой-то силы, отличной от всех известных сил. Политик, изучив реальные мотивы, способные действовать на народы и побуждать их трудиться ради общего блага, поймет, что нет никакой нужды прибегать для этого к вымышленным мотивам; он должен будет убедиться, что вымышленные мотивы способны только замедлить или испортить действие столь сложного механизма, как общество. Человек, которому истина дороже, чем тонкости теологии, вскоре убедится, что эта пустая наука представляет собой лишь непонятную груду ложных гипотез, необоснованного постулирования исходных положений, софизмов, порочных кругов в доказательствах, вздорных различий, странных тонкостей, недобросовестных аргументов, результатом которых могут быть только ребяческие выводы или бесконечные споры. Наконец, всякий человек, имеющий здравые представления о морали, о добродетели, о том, что полезно для живущего в обществе человека как в целях его личного самосохранения, так и в целях сохранения всего общественного целого, убедится, что люди, желающие установить свои взаимоотношения и обязанности, должны лишь изучить собственную природу и им ни в коем случае не следует основывать эти обязанности на представлении о противоречивом верховном существе, о каком-то образце, который способен только внести путаницу в умы, мешая людям определять свое поведение.

Таким образом, всякий разумный мыслитель, отказавшись от своих предрассудков, сумеет понять бесполезность и ошибочность бесчисленных абстрактных теорий, до сих пор только сбивавших людей с пути и делавших сомнительными самые очевидные истины. Всякий человек, отказавшись от странствий в заоблачные страны, где его мысль может только заблудиться, и обратившись к своему разуму,

найдет то, что ему необходимо знать, и избавиться от иллюзорных причин, заменивших благодаря невежеству, фантазерству и обману истинные причины и реальные мотивы, действующие в природе, которую человеческая мысль не смеет покинуть, не рискуя заблудиться и стать несчастной.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 668—669.

Все изложенное должно было бы убедить людей, способных рассуждать, в ничтожности предрассудков, которым они придают такое значение. Но очевиднейшие истины оказываются бессильными против бредней воображения, привычки и страха; нет ничего труднее, как уничтожить веками укоренявшееся в человеческом мозгу заблуждение. Оно несокрушимо, поскольку поддерживается всеобщим согласием, распространяется воспитанием, укрепляется привычкой и примером, охраняется авторитетом и постоянно получает новую пищу благодаря надеждам и страхам народов, видящих в этом заблуждении лекарство от своих страданий. Таковы те объединенные силы, которыми держится господство религии в этом мире и благодаря которым ее царству как будто нет конца.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 609—610.

Атеизм встречается так редко лишь потому, что, начиная с детского возраста, все, точно нарочно, стараются внушить человеку ослепительные иллюзии или заставить его проникнуться систематизированным и упорядоченным невежеством, преодолеть и искоренить которое труднее всех других видов последнего. Теология есть лишь наука о словах, которые под влиянием частого повторения люди привыкают принимать за реальные вещи; при малейшей попытке анализа можно убедиться, что в них нет никакого смысла. На земле мало размышляющих, проницательных и отдающих себе отчет в своих мыслях людей; здравый ум — один из редчайших даров природы человечеству. Слишком пылкое воображение и нетерпеливая любознательность столь же вредны для открытия истины, как излишняя флегматичность, медленность восприятия, лень духа, непривычка мыслить.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 667—668.

Очень мало людей, которые в той или иной мере не разделяют в религиозных вопросах взглядов толпы. На всякого человека, уклоняющегося от общепринятых мнений, смотрят вообще как на самоуверенного безумца, высокомерно считающего себя более мудрым, чем другие. При упоминании магического имени, религии и божества умами овладевает внезапный панический страх; при виде нападок на религию общество приходит в тревогу; каждому кажется, что владыка небес вот-вот направит свою мстительную руку против государства, в котором непокорная природа произвела чудовище, осмеливающееся не бояться его гнева. Даже самые спокойные лица считают мятежным безумцем того, кто осмеливается оспаривать у этого мнимого владыки его сомнительные права. В силу этого всякий решающийся разорвать повязку предрассудков кажется безумцем, опасным гражданином; ему выносятся почти единодушный приговор; общественное негодование, разжигаемое фанатизмом и обманом, не дает ему высказаться: всякий счел бы себя виновным, согласившись его выслушать; всякий боится оказаться его соучастником, не обнаружив своего негодования против него и своего рвения по отношению к грозному и разгневанному божеству. Таким образом, на человека, который прислушивается к голосу своего разума, на ученика природы, смотрят как на какое-то зачумленное существо; во враге тлетворного религиозного призрака видят врага человеческого рода; человека, желающего установить прочный мир между людьми, считают нарушителем общественного спокойствия; единогласно изгоняют того, кто хотел бы ободрить напуганных смертных, разбив идола, перед которыми заставляют их трепетать предрассудки. При одном упоминании *атеиста* даже деист делается беспокойным, верующий человек начинает дрожать, жрец впадает в ярость, тиран готовит свои костры, а толпа рукоплещет наказаниям, к которым нелепые законы приговаривают истинного друга человеческого рода.

На такой прием должен рассчитывать всякий человек, осмеливающийся показать своим ближним истину, которую все как будто ищут, но боятся найти либо же не узнают, когда ее хотят им показать.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 610—611.

Если людей станут убеждать, как это обычно делают теологи, что все испытываемые ими физические и моральные бедствия являются результатом божьей воли или же налагаемыми божеством наказаниями, то не будет ли это мешать поискам средств против этих бедствий? Не полезнее ли подвергать исследованию природу вещей и отыскивать в ней или в человеческой технике средства против бедствий, от которых страдают люди, чем приписывать эти бедствия какой-то неизвестной силе, на волю которой никоим образом нельзя воздействовать? Изучение природы, исследование истины возвышают душу, обогащают ум, делают человека энергичным и мужественным; теологические же учения способны только умалить человека, ограничить его умственный кругозор, лишить его мужества.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 582—583.

ПРОГРАММА АНТИКЛЕРИКАЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ «ПРОСВЕЩЕННОГО» ПРАВИТЕЛЬСТВА

Секуляризация общественного образования и воспитания

Воспитание почти во всем мире находится в руках попов. Немудрено, что нет конца невежеству, суеверию и фанатизму. У протестантов, так же как и у католиков, университеты носят чисто поповский характер. Получается впечатление, что в Европе желают готовить одних монахов.

П. Гольбах. Разоблаченное христианство. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 309.

Государство почти не интересуется у нас воспитанием, проявляет к нему полнейшее равнодушие. А между тем воспитание имеет самое существенное значение для благосостояния государства.

П. Гольбах. Разоблаченное христианство. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 216.

Пусть государи обратят самое серьезное внимание на просвещение своих подданных; нельзя допускать, чтобы дело народного образования целиком предоставлялось священникам, которые поддерживают с детства в своих воспитанниках бессмысленные мистические понятия и настроения, прививают им суеверные обычаи и делают их фанатиками. Если государь не в состоянии предотвратить распространение безумных учений, пусть он позаботится о противоядии, введя преподавание разумной социальной этической системы, сообразующейся с интересами государства, способствующей благополучию граждан; эта мораль научит человека его обязанностям перед самим собой, перед своими ближними, перед обществом и перед правительством. Люди, усвоившие такую мораль, не станут ненавидеть себе подобных, не обладающих этими убеждениями; эта мораль не сделает людей ни опасными энтузиастами, ни святошами, слепо подчиняющимися священникам; воспитанные в этой морали, люди превратятся в уравновешенных, разумных

подданных законной власти; одним словом, такая мораль воспитает добродетельных людей и хороших патриотов. Истинная, разумная мораль — самое верное средство против суеверия и фанатизма.

П. Гольбах. Письма к Евгению. «Письма к Евгению. Здравый смысл». М., 1956, стр. 188—189.

Веротерпимость. Свобода совести

Если ваш народ в силу привычки дорожит иллюзиями, разрешите смелым людям вести просветительную работу и подрывать власть фанатизма. Уравните секты, не вмешивайтесь никогда в их безразличные для вас раздоры; авторитет власти лишь придает серьезное значение этим перебранкам. Предоставьте каждому гражданину рассуждать по-своему, если только действия его всегда согласуются с разумом. Тогда правительства будут настоящими руководителями народов, последние в своих собственных интересах подчинятся власти, которая — все будет говорить об этом — будет необходима для их счастья. Законодатели, управляйте должным образом счастливыми и свободными людьми, и боги всегда будут благоприятствовать вашим подданным...

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 204.

Пусть государи предоставят своим подданным свободу мысли... пусть они позволят каждому мечтать и фантазировать, как ему вздумается, лишь бы поведение человека отвечало законам морали и государства. Пусть они хотя бы не препятствуют просвещению, только и способному спасти народы от невежества, предрассудков и варварства, первыми жертвами которых так часто оказывались сами же христианские государи; пусть правители убедятся, что образованные и просвещенные подданные и надежнее и вернее, чем тупые рабы, невежественные и безрассудные, всегда готовые отдаться любым страстям по наущению первого попавшегося фанатика.

П. Гольбах. Письма к Евгению. «Письма к Евгению. Здравый смысл». М., 1956, стр. 188.

Истинная терпимость и свобода мысли — вот действительные противоядия против религиозного фанатизма; объявив их, государь станет хозяином в своих владениях, ему не придется делить свою власть с мятежными попами — они бессильны против просвещенного, твердого и добродетельного государя. Обман труслив, оружие падает у него из рук при виде государя, презирающего его и сильного любовью народа и истиной.

П. Гольбах. Разоблаченное христианство. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 430.

...Отчет о своей вере я должен дать только самому себе. Все то, что относится непосредственно к богу, может иметь своим судьей лишь само верховное существо. Даже государственная власть, единственной обязанностью которой является счастье людей на земле, имеет право наказывать лишь преступления против общества. Никакой государь, никакой поп не может преследовать меня за мнимое преступление — за то, что я думаю не так, как они.

Почему закон запрещает моему соседу распоряжаться моим имуществом, но позволяет ему распоряжаться моим разумом и моей душой? Моя душа — это мое имущество. От природы я получаю право думать и говорить то, что я думаю.

К. Гельвеций. О человеке. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 226.

Секуляризация церковных имуществ. Упразднение монашества

Одна из величайших услуг, которую следовало бы оказать Франции, состояла бы в том, чтобы употребить часть колоссальных доходов духовенства для погашения национального долга...

Смирненное духовенство объявляет себя первым сословием государства. Однако... существуют только три абсолютно необходимые для управления государством корпорации. Первая из них — правящие должностные лица, которые обязаны защищать мою собственность от посягательств моего соседа. Вторая — армия, которая тоже обязана защищать мою собственность от нашествия неприятеля.

Третья — корпорация граждан, назначенных для взимания налогов, которая должна доставлять средства для содержания первых двух корпораций. Для чего нужно духовное сословие, стоящее государству дороже трех других, вместе взятых?

К. Гельвеций. О человеке. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 66, 130.

Как бороться с этим злом? (Разорительным культом, концентрацией богатств в руках церкви.— *Ред.*) Для этого есть лишь одно средство: уменьшить число попов. Но существуют такие религии (как например, католическая), в которых само отправление культа предполагает большое их число. В этом случае надо изменить этот культ и по крайней мере уменьшить число обрядов. Чем меньше будет попов, тем меньше потребуется денег для содержания их. Но — скажут — эти деньги священны. Почему? Не потому ли, что они в некоторой своей части отняты у бедных? Ведь духовенство является лишь хранителем их. Поэтому оно может брать из них лишь деньги, абсолютно необходимые для содержания управления. Замечу даже в связи с этим вопросом, что так как светская власть специально обязана заботиться о земном счастье народов, то она вправе взять на самое себя управление имуществом, завещанным бедным, и вступить во владение всеми суммами, украденными монахами у бедных. Как употребить эти суммы? Да использовать их действительно для облегчения судьбы несчастных, для милостыни или путем уменьшения налогов, или путем приобретения мелких участков земли: раздача их тем, кого несчастье лишило этих сумм, сделала бы последних вновь гражданами, сделав их собственниками.

К. Гельвеций. О человеке. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1974, стр. 48—49.

Надо надеяться, что благодаря прогрессу просвещения, все более и более распространяющегося, короли освободятся от своих предрассудков и поймут когда-нибудь необходимость избавить народ от бремени этих бесполезных людей (имеются в виду монахи.— *Ред.*), которых он должен был кормить и оплачивать, не получая от них никакой пользы. Упраздняя монашество, государь, руководящийся справедливой и благотельной политикой, облегчит поло-

жение подданных, сам приобретет силу и богатство и получит вновь большое количество граждан и гражданок, которых несправедливо отнимал у государства фанатичный закон о безбрачии.

П. Гольбах. Галерея святых. М., 1962, стр. 263.

Лишив духовенство хотя бы части его колоссальных владений, приобретенных благодаря человеческой доверчивости; ограничив или даже уничтожив полностью его влияние на государственную власть; отняв у него все льготы и привилегии, все иллюзорные и опасные права; заставив, наконец, служителей церкви стать хотя бы только просто спокойными и послушными подданными,— государи могут когда-нибудь помочь народу, вернуть людям мужество, возродить их энергию, пробудить к жизни таланты, разум и тем самым приобрести благонадежных и верных граждан...

Благодаря всему этому власть церкви постепенно ограничится... богатства церкви, постепенно возвращенные обществу, дадут возможность поднять общее благополучие народа. Беспольные учреждения могут быть использованы в интересах общества и государства; часть церковных сокровищ, с самого начала предназначавшаяся бедным и прилипшая к рукам алчных священников, поступит к беднякам, своим законным хозяевам. Опираясь на народ, который сумеет понять и оценить все предоставляемые ему блага и преимущества, государям не придется опасаться воплей фанатика, за которым никто уже не последует. Число священников, праздных монахов, беспокойных девственников, не заботящихся о будущем страны и висящих на шее чуждого им народа, постепенно заметно уменьшится. Монарх, став более богатым и могущественным, не станет ограничивать своих благодеяний; он будет уверенно управлять страной и поймет, что люди, враждебные церкви, никоим образом не враги трона, славы и истинного величия своего государя.

Вот какие цели должно поставить себе всякое правительство, сознающее свои истинные интересы. Я надеюсь, что мои планы не покажутся вам ни невозможными, ни призрачными, пути к их осуществлению уже готовят; все более широко распространяющимся просвещением; пусть они содействуют прогрессу разума или хотя бы не

препятствуют ему, и вы увидите, как государи и народы без потрясений, без смут мало-помалу скинут с себя столько лет тяготившее их ярмо.

П. Гольбах. Письма к Евгении. «Письма к Евгении. Здравый смысл». М., 1956, стр. 184, 189.

Если бы сами государи запрашивали природу и свои истинные интересы, если бы они очнулись от опьянения, в которое приводит их фимиами, воскуриваемый им служителями суеверия, разум показал бы им, что они — люди, подчиненные великому целому, которым они управляют, что они заинтересованы в благе этого целого, что народы поручили им действовать для их, народов, счастья и безопасности, блюсти их нужды, объединять их силы и что государи почитаются и награждаются по этим заслугам и теряют все свои права, если не выполняют своих обязательств. Они узнали бы, что являются служителями и руководителями народов, а не подобием божества. Они поняли бы, что власть, основанная на согласии народов, на их привязанности, на их настоящих интересах, гораздо прочнее власти, опирающейся на иллюзорные притязания. Они нашли бы, что истинная слава состоит в том, чтобы сделать людей счастливыми, истинное могущество — в том, чтобы объединять их желания и интересы, истинное величие — в деятельности, таланте и добродетели. Все показало бы им, что справедливость — это барьер, одинаково защищающий подданного и государя; что, согласно этой справедливости, люди должны быть свободны, но не распущенны; что только свобода может воспитать благородных граждан, что истина делает их разумными, воспитание — добродетельными, что закон должен предупреждать преступления, что награды должны помочь выявлять таланты, что король могуществен только тогда, когда стоит во главе благородного и удовлетворенного народа.

Наконец, если бы государи вместо того, чтобы спрашивать попов, которые их обманывают, обращались к своему разуму, они поняли бы: для того, чтобы родина была дорога своим сынам, она должна доставлять им счастье; для того, чтобы государя уважали, он должен быть полезным и справедливым; для того, чтобы власть любили, она должна быть благотворительной.

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 94—95.

Если бы при решении вопросов политики, столь постыдно извращенной религиозными учениями, стали считаться с природой человека, то можно было бы совершенно исправить ложное представление о ней государей и подданных; таким путем можно было бы гораздо быстрее, чем при помощи всех религий на земле, сделать государства счастливыми, могущественными и процветающими под руководством просвещенной власти. Изучение природы показало бы всем, что люди живут в обществе, чтобы наслаждаться бóльшим счастьем; что постоянной и неизменной целью всякого общества является его самосохранение и благополучие; что при отсутствии справедливости оно будет заключать в себе только враждебных друг другу людей; что худшим врагом человека является тот, кто обманывает его, чтобы заковать потом в цепи; что самым жестоким бичом для человека являются жрецы, развращающие государей и обеспечивающие им с помощью божества полную безнаказанность за их преступления. Оно доказало бы, что жизнь в обществе является несчастьем при несправедливых, небрежно относящихся к своим обязанностям и склонных к разрушению, а не созиданию правителей.

Если бы государи стали изучать эту природу, то они узнали бы, что являются людьми, а не богами; что их власть зависит от согласия других людей; что монархи — граждане, которым поручено другими гражданами заботиться о всеобщей безопасности; что законы должны быть лишь выражением общественной воли и им не дозволено идти против природы или же нарушать неизменную цель общества. Знание природы дало бы понять монархам, что истинное влияние и могущество заключается в том, чтобы повелевать благородными и добродетельными людьми, а не людьми, развращенными деспотизмом и суеверием. Это знание показало бы государям, что они могут заслужить любовь своих подданных, лишь помогая им, предоставляя им возможность наслаждаться благами, которых требует их природа, охраняя ненарушимость их прав, защитниками и стражами которых являются монархи. Оно показало бы всякому властителю, что любовь и привязанность народов можно заслужить благодеяниями, что гнет создает лишь врагов, насилие доставляет лишь непрочную власть, сила не может дать никаких законных прав и существа, по природе своей стремя-

щиеся к счастью, рано или поздно поднимаются против власти, обнаруживающейся лишь в насилии.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 578—579.

Люди соединились в общество для своего счастья в этом мире. Чтобы спокойно и безопасно жить в нем, они избрали вождей, образовали правительства, признали власть законов, дабы последние заставляли их согласовать свое поведение с разумом и общими интересами всех членов общества. Они никогда не хотели и не могли подчинить свою мысль чьему-либо авторитету. Стремление заковать ее в цепи и подстричь ее под скобку — самое сумасбродное из всех покушений. Мысль всегда будет свободна, как воздух, и вольна, как ветер...

Без справедливости правительства не надежны и граждане не свободны. Без свободы нет разума, просвещения, активности. Без разума нет нравственности. Без просвещения и добрых нравов государство не может быть счастливо и могущественно.

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 205.

Права человека по отношению к другим людям могут быть основаны лишь на счастье, которое он им доставляет или на которое дает им возможность надеяться. В противном случае его власть над ними является насилием, узурпацией, явной тиранией. Всякая законная власть основана лишь на способности делать людей счастливыми. Ни один человек не получает от природы права повелевать другими людьми; но мы охотно даем это право тому, от кого надеемся обрести свое благополучие. Правительственная власть означает право повелевать всеми, дарованное государю во имя выгоды управляемых. Государи являются защитниками и хранителями личности, добра, свободы своих подданных; последние дают согласие оказывать ему повиновение лишь на этом условии. Правительственная власть становится просто разбоем, когда правители пользуются предоставленной им силой, чтобы сделать общество несчастным. Власть религии основана лишь на приписываемой ей способности делать народы счастливыми; если боги делают людей несчастными — это только отвратительные призраки.

Правительственная власть и религия были бы разумными учреждениями, если бы они содействовали счастью людей. Было бы безумием подчиняться игу, порождающему лишь зло; было бы несправедливостью заставлять смертных отказываться от своих прав без всякой выгоды для них.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 331.

Если когда-нибудь решат серьезно заняться вопросом о человеческом счастье, то придется начать дело реформ с небесных богов; рассчитывать на то, что человечество достигнет зрелости, можно, только освободив его от этих фантастических существ, предназначенных для того, чтобы держать в вечном страхе невежественные и младенческие народы. Нельзя — повторим это еще раз — обосновать нравственность, не зная природы человека и его подлинных взаимоотношений с другими людьми; нельзя установить неизменные правила поведения, исходя из воли несправедливых, капризных, злых богов; нельзя проводить здравую политику, не считаясь с природой человека, живущего в обществе для того, чтобы удовлетворить свои потребности и достигнуть благополучия и счастья; нельзя создать хорошее правительство, допустив существование деспотического божества, представители которого всегда будут тиранами; нельзя получить хорошее законодательство, игнорируя природу и цель общества: никакие законы не могут быть выгодны для народов, если их определяют прихоти и страсти обоготворенных тиранов; нельзя создать рациональную систему воспитания, если исходить не из требований разума, а из различных бредней и предрассудков; наконец, нельзя добиться расцвета добродетели, честности и талантов при господстве развращенных государей и жрецов, делающих из людей врагов друг другу и себе самим и пытающихся заглушить в них все зачатки разума, знания и мужества.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 657—658.

Пусть нам не говорят, будто ни одно правительство не может сделать всех своих подданных счастливыми. Оно, конечно, не может надеяться удовлетворить ненасытные капризы и прихоти нескольких праздных граждан, которые

не знают, что придумать, чтобы рассеять свою скуку; но оно может и должно заняться удовлетворением реальных потребностей большинства граждан. Общество пользуется всем доступным ему счастьем, если большинство его граждан имеет пищу, одежду, жилище — одним словом, может без чрезмерного труда удовлетворять свои физические потребности. Это большинство удовлетворено, если уверено, что никакая сила не может лишить его плодов труда и оно работает на самого себя. В силу какого-то безумия целые народы вынуждены трудиться, истекать потом, орошать землю слезами, чтобы удовлетворять потребность в роскоши, прихоти, развратные устремления кучки безрассудных и бесполезных людей, которые не могут стать счастливыми, так как их разнузданное воображение не знает никаких границ. Так религиозные и политические заблуждения превратили мир в юдоль слез.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 340.

Кто хочет просвещать человека, должен всегда показывать ему истину. Вместо того чтобы воспламенять его воображение мыслью о каких-то мнимых благах в будущем, пусть облегчат его положение, окажут ему помощь или по крайней мере позволят ему наслаждаться плодами своего труда, пусть не налагают на него тяжелых налогов и не отнимают у него таким образом его достояния, пусть не отбивают у него желания трудиться, пусть не побуждают его к праздности, которая приведет его к преступлению. Пусть человек заботится о своем земном существовании, не думая о том, что ожидает его после смерти. Пусть вознаграждают его таланты, пусть побуждают его к деятельности, пусть поощряют в нем трудолюбие, доброжелательность к людям, добродетель в этой земной жизни. Пусть ему покажут, что его поступки могут влиять на ближних, а не на воображаемые существа, помещенные в каком-то иллюзорном мире. Пусть ему не говорят о карах, которые якобы предстоит ему испытать по воле божества, когда он вовсе не будет существовать. Пусть он убедится, что общество вооружено против тех, кто нарушает его покой; пусть ему покажут последствия ненависти его сограждан; пусть он научится ценить их любовь; пусть он научится уважать самого себя; пусть он имеет честолюбивое желание заслужить уважение своих ближних и пусть знает, что для этого надо обладать добро-

детелью и что добродетельному человеку в благоустроенном обществе нечего бояться ни со стороны людей, ни со стороны богов.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 295.

Противопоставим вымышленным интересам неба реальные интересы земли. Пусть государи и народы наконец поймут, что выгоды, вытекающие из истины, справедливости, хороших законов, разумного воспитания, гуманной и мягкой морали, более прочны, чем те, которых они так тщетно ожидают от своих богов; пусть они поймут, что нельзя приносить столь реальные и серьезные блага в жертву каким-то сомнительным надеждам, так часто опровергавшимся опытом...

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 608.

Неизбежность исчезновения религии

Неужели разум не может надеяться рано или поздно вернуть себе власть, давно захваченную заблуждением, иллюзией и авторитетом? Неужели народы никогда не откажутся от своих фантастических чаяний и не обратятся к своим истинным интересам? Неужели они никогда не сбросят с себя ярмо поповщины, которая одна заинтересована в их заблуждениях? Нет, этому нельзя поверить. Истина должна в конце концов восторжествовать над ложью; государи и народы, устав от религиозного кошмара, вернуться к истине, разум разобьет свои цепи, властный голос его, долженствующий один повелевать мыслящими существами, разобьет оковы суеверия.

П. Гольбах. Разоблаченное христианство. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 340—341.

Жалкие смертные! До каких же пор ваше столь деятельное и падкое до чудесного воображение будет стремиться за грани чувственного мира, вредя этим вам самим и существам, с которыми вы живете на земле? Почему вы не следуете мирно по легкому и простому пути, начертанному вам вашей природой? К чему усеивать терниями дорогу жизни, зачем множить бедствия, на которые и без того обрекает

вас ваш жребий? Каких выгод ожидаете вы от божества, которого вам еще не удалось до сих пор узнать, несмотря на объединенные усилия человечества? Забудьте же о том, чего не в состоянии понять человеческий ум; оставьте свои призраки: занимайтесь исследованием истины; научитесь искусству жить счастливо; улучшайте свои нравы, свои правительства, свои законы; думайте о воспитании, о возделывании земли, об истинно полезных науках; работайте усердно; заставьте своим трудом природу быть полезной вам, и тогда боги не сумеют сделать вам ничего. Предоставьте праздным мыслителям и бесполезным мечтателям бесплодный труд исследования бездны, от которой вы должны отвести свои взоры. Наслаждайтесь благами, связанными с вашим теперешним существованием, умножайте их число; никогда не устремляйтесь за грани своего поприща.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 608—609.

Будь гражданином, потому что твое отечество необходимо для твоей безопасности, твоих удовольствий, твоего благополучия. Будь верным и послушным законной власти, потому что она необходима для сохранения общества, в свою очередь необходимого для тебя самого. Повинуйся законам, потому что они — выражение общественной воли, которой должна быть подчинена твоя частная воля. Защищай свою страну, потому что она делает тебя счастливым и в ней — твое достоинство и все самые дорогие для тебя существа. Не допускай, чтобы эта мать твоя и твоих сограждан подпала под иго тирании, потому что тогда родина превратится для тебя в темницу...

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 677.

Если преступная и невежественная политика почти всегда прибегала к помощи религии для порабощения и угнетения народов, то пусть добродетельная и более просвещенная политика постепенно уничтожит религию, чтобы сделать народы счастливыми. Если до сих пор воспитание давало только фанатиков, то пусть более разумное воспитание создает теперь добрых граждан. Если мораль, опирающаяся на чудесное и орудуемая представлениями о загробной жизни, не в состоянии была наложить узду на страсти, то

пусть мораль, основанная на действительных нуждах человечества, покажет людям, что в благоустроенном обществе счастье всегда является наградой добродетели, а порок и преступления предаются позору, презрению и заслуженным карам...

П. Гольбах. Разоблаченное христианство. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 340—341.

Государи! Правьте на основании справедливости, морали и законов, и вы будете править без попов. Вам не понадобится помощь лжи для управления людьми, которых ваши бдительные попечения сделают действительно счастливыми. Вам нечего будет бояться, что истина может сделать мятежными ваших подданных; разум даст им понять цену ваших благодеяний. Будьте великими, энергичными, справедливыми, творите добро, уважайте свободу и собственность гражданина, не позволяйте угнетать его от вашего имени. Дайте ему полезные и мудрые законы. Старайтесь о его нравственном воспитании. Пусть ему с молодости внушают таланты и действительные добродетели, награждайте должным образом эти таланты и добродетели. Да будет порок всюду обесчещен, и да найдет преступление свою кару, и скоро ваше государство, основанное на истинных принципах, будет прочнее того, которое зиждется на лжи и пустых предрассудках. Государи, будьте гражданами! Граждане, избранные остальными для руководства ими, предпочитайте мирную славу, предпочитайте управлять друзьями, свободными людьми, активными, искусными, просвещенными и действительно добродетельными патриотами, нежели управлять врагами, ожесточенными неволей, прибитыми нищетой, лишенными просвещения и морали, умеющими только слепо повиноваться священникам...

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 202—203.

Но нет, ослепленные страхом смертные, знайте, что друг природы не враг вам; истолкователь природы не слугитель лжи; ниспровергатель призраков, которым вы поклоняетесь, не разрушитель истин, необходимых для вашего счастья; ученик разума не безумец, желающий отравить вас

или сообщить вам опасное безумие. Если он вырывает молнию из рук грозных, пугающих вас богов, то его цель — заставить вас покинуть дорогу, по которой вы идете в грозу, различая путь лишь при слабом свете зарниц. Если он разбивает идолов, окровавленных благодаря неистовствам фанатизма и окруженных поклонением благодаря страху, то его цель — поставить на их место утешительницу-истину, способную рассеять ваши тревоги. Если он разрушает храмы и опрокидывает алтари, столь часто орошавшиеся слезами, почерневшие от жестоких жертвоприношений и от дыма рабских кадил, то его цель — воздвигнуть прочный памятник миру, разуму, добродетели, в которых вы в любое время найдете прибежище от своего безумства и страстей и от страстей угнетающих вас могущественных людей. Если он борется с надменными притязаниями обоготворенных суеверием тиранов, которые, подобно вашим богам, жестоко правят вами, то его цель — предоставить вам возможность наслаждаться своими естественными правами, возможность быть свободными людьми, а не рабами, навеки прикованными к нужде, и, наконец, добиться того, чтобы вами управляли люди и граждане, любящие и защищающие людей, подобных им, и граждан, вручивших им их власть.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 674.

Быть благочестивым — значит служить своему отечеству, быть полезным своим ближним и трудиться ради их счастья; каждый может сделать это в меру своих способностей; мыслитель может оказаться полезным, если он имеет мужество провозглашать истину, бороться с заблуждениями, сражаться с предрассудками, повсюду мешающими счастью человечества; поистине полезно и даже нравственно обязательно вырывать у смертных кинжалы, которые вкладывает им в руки фанатизм, лишать обман и тиранию пагубной власти над общественным мнением, которой они пользовались всегда и везде, чтобы строить на обломках свободы, безопасности, общественного счастья свое собственное благополучие. Быть поистине благочестивым — значит с благоговением соблюдать святыне законы природы и верно следовать налагаемым ею на нас обязанностям, быть человечным, справедливым, добрым, уважать права людей. Быть благочестивым и рассудительным — значит отвергать бредни, мешающие понять советы разума.

Итак, что бы ни говорили фанатики и обманщики, человек, отрицающий бытие божие, основывающееся, как он видит, лишь на тревогах испуганного воображения; отвергающий вечно противоречащего самому себе бога; прогоняющий мысль о боге, вечно враждующем с природой, разумом, счастьем людей; избавляющийся от столь пагубного призрака, может почитаться благочестивым, хорошим и добродетельным, если его поведение не уклоняется от неизменных предписаний природы и разума.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 615—616.

Внушим уверенность добродетельному человеку, которого его религиозные страхи тревожат больше, чем испорченного человека, всегда внимающего, вопреки своим взглядам, голосу своих страстей; будем утешать несчастного, стонущего под бременем слепо усвоенных им предрассудков; рассеем тревоги того, кто сомневается и в своих добросовестных поисках истины часто находит даже в самой философии лишь какие-то зыбкие, неустойчивые мнения. Прогоним в интересах гения иллюзию, отнимающую у него его время; избавим от религиозного кошмара робкого человека, который под влиянием своих напрасных страхов становится бесполезным для общества; отнимем у желчного человека бога, который терзает и ожесточает его, растравливая его желчь; лишим фанатика бога, который вкладывает ему в руку кинжал; лишим обманщика и тирана бога, которым они пользуются, чтобы устрашать, поработить и обездоливать человеческий род. Освободив добродетельных людей от пугающих их представлений, не будем, однако, одобрять злонамеренных врагов общества; лишим их тех средств, на которые они рассчитывают в надежде искупить свои злодеяния; заменим неопределенные и направленные на отдаленное будущее страхи, которые были не способны удержать их от преступлений, реальными, актуальными страхами; пусть они стыдятся, видя себя такими, каковы они есть; пусть они трепещут, зная, что их заговоры раскрыты; пусть они дрожат, боясь того дня, когда люди, терпевшие от их бесчинств, вдруг освободятся от заблуждений, которыми они пользовались для их поработы.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 607—608.

Если попы узурпировали у верховной власти право народного воспитания, то пусть эта власть снова возьмет это право в свои руки или, по меньшей мере, не терпит, чтоб попы обладали монополией воздействия на народные нравы и моральной проповеди. Пусть государь задаст острастку попам, проповедующим принципы, явно вредные для общества. Попы могут, если им это нравится, учить, что бог превращается в хлеб; но ни в коем случае не следует допускать, чтобы они учили ненавидеть и уничтожать тех, кто отказывается верить в это неизреченное таинство. Нельзя допускать, чтобы экзальтированные визионеры имели возможность возмущать подданных против законной власти, сеять раздор, разрывать узы, связывающие граждан, нарушать общественное спокойствие — все это на почве религиозных убеждений. При желании государь всегда в состоянии обуздать попов. Будучи лишен поддержки, фанатизм становится жертвой позора. К тому же попы чают монарших милостей и подачек, и большинство попов всегда готово пожертвовать мнимыми интересами религии и совести, если считает это необходимым для своего благополучия.

П. Гольбах. Разоблаченное христианство. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 219—220.

Единство борьбы против религии, политического деспотизма, социального угнетения

Если люди осмелятся каким-нибудь образом атаковать религию, которая считается наиболее могучей и уважаемой преградой, им невозможно будет на этом остановиться. Бросив угрожающий взгляд на царя небесного, они не замедлят перенести этот взгляд и на царя земного. Канат, который связывает и душит человечество, состоит из двух веревок. Одна из них не может продержаться, если оборвалась другая.

Д. Дидро. Из письма к кн. Дашковой. 3 апр. 1771 г. Избранные атеистические произведения. М., 1956, стр. 290.

Вместо того чтобы приписывать мести божества войны, голод, неурожай, эпидемии и разные другие народные бедствия, не лучше и не полезней ли показать народам, что эти бедствия происходят от их собственного безрассудства или, вернее, от страстей, инертности и тирании их государей, жертвующих благом государств ради своего ужасного безумия? Разве не лучше было бы, если бы эти безрассудные народы, вместо того чтобы искупать свои мнимые прегрешения и стараться умиловить иллюзорные небесные силы, старались установить более разумное управление, являющееся верным средством устранить все те бедствия, от которых страдают народы? Естественные бедствия должны быть устранены с помощью естественных средств; наблюдение и опыт давно должны были бы убедить людей в бесполезности сверхъестественных лекарств, всяких искуплений, молитв, жертвоприношений, постов, процессий и т. д., в которых все народы тщетно искали спасения от своих злосчастий.

П. Гольбах. Система природы. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, стр. 583.

Уже при первом размышлении народы должны были бы понять, что правительство учреждено для их благосостояния и спокойствия, что цари созданы для народов, а не народы для царей. Неужели народы никогда не поймут, что бесполезные войны, что роковые победы, купленные ценой их крови и достояния, всегда будут служить лишь к тому, чтобы увековечить их бедствия, истощать их средства, разорять их? Неужели они никогда не поймут, что земля достаточно велика, чтобы прокормить и содержать своих сынов и сделать их счастливыми, даже более велика, чем нужно для этого, и что честолюбивые государи стремятся к расширению своих владений, нисколько не заботясь о счастье народов, которыми они управляют? Какую пользу, в самом деле, приносят эти постоянные войны, которые делают нашу планету местом сплошной бойни, логовищем диких зверей, занимающихся истреблением друг друга? Нации одна за другой стираются с лица земли в результате безумия государей, которые направляют их друг на друга; народы погибают от ужасных ран, наносимых ими друг другу. Какие плоды пожинают нации в столь короткие промежутки между войнами? В эти промежутки едва успевают зарубцеваться их раны. Достаточная ли гарантия для народов те

коварные мирные договоры, которые обман и честолюбие в любой момент готовы нарушить? Когда же, наконец, народам надоест быть игрушкой гнусной политики, которая на каждом шагу приносит их в жертву тщеславным интересам нескольких государей, несправедливых и недобросовестных, никогда и не помышлявших о счастье своих подданных и делающих весь мир ареной своих необузданных страстей?

Неужели народы никогда не освободятся от своих религиозных и политических предрассудков, от религиозного дурмана, которые держат их в цепях еще крепче, чем сила? Неужели народы в свою очередь не свяжут руки этим монархам-страшилищам и не помешают им приносить вред? Неужели народы в продолжение целых веков обязаны будут страдать от мимолетных и диких фантазий своих безрассудных правителей и их недостойных слуг, неужели они все еще будут замаливать грехи своих государей и умолять небо за преступления, к которым их воля непричастна? Наконец, неужели они никогда не опомнятся от унижающих предрассудков, отдающих их жизнь, свободу и имущество в руки обожествленных людей и утверждающих, что всевышний сотворил все народы земли только для удовлетворения гордыни, тщеславия и пышности кучки государей, ставших бичами всего остального человечества?

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 93—94.

Исправить человеческие нравы, сделать их мудрыми невозможно без смены правительств. Эти извращенные правительства покоятся на представлениях, которые религия с детства прививает людям; привычка укореняет эти представления в умы, пример других людей подтверждает и усиливает их, предрассудок делает их священными и нерушимыми, насилие поддерживает их и делает их необходимыми. Итак, чтобы повести людей к счастью, надо раскрыть им глаза на религиозные заблуждения, которые столь явным образом влияют на политическую жизнь. Постепенно распространяясь, истина освободит людей от их предрассудков; правильно понятые интересы человечества заставят исчезнуть вражду и фанатизм, лишь нарушающие общественное спокойствие; мораль, правилам которой не будет противоречить пример злых богов и государей-выродков, возвратит людей к добродетели, без которой государства не могут быть ни счастливы, ни могущественны.

Можно с достаточной достоверностью предсказать близкий конец христианства; оно станет невозможным, как только люди под влиянием просвещения поймут, что человечность и общественность для них важнее ортодоксальной веры, правоверия. Нетерпимость, присущая христианской религии больше, чем всякой другой, несомненно, должна оттолкнуть от нее правительства, как только их коснется луч просвещения и они займутся более реальными интересами.

П. Гольбах. Священная зараза. «Священная зараза. Разоблаченное христианство». М., 1936, стр. 84, 101.

Увы, дорогой аббат, на земле нет ничего вечного. Монтескье считает, что вы просуществуете еще максимум 500 лет. Шотландец Жан Крег, умерший, правда, полтора-ста лет назад, определил этот срок в 1350 лет. Что касается меня, то я не так великодушен: я дарую вам только 200—300 лет. Но, быть может, я не прав, и вы заслуживаете большего срока. Непреложно только то, что на нашем земном шаре все преобразуется и изменяется, все увядает, блекнет, потухает, умирает и исчезает. Это общий закон, и вы от него никуда не уйдете, несмотря на все ваши пророчества...

Д. Дидро. Беседа с аббатом Бартеlemi. Избранные атеистические произведения. М., 1956, стр. 238.

А

- АББАДИ** (1656—1727) — христианский теолог, автор апологетического сочинения «Об истинности христианской религии» (1684), наполненного клеветническими измышлениями об атеизме.— 72, 249, 250.
- АВГУСТИН**, Аврелий (354—430) — крупнейший раннехристианский теолог, епископ г. Гиппона, канонизированный христианской церковью.— 118, 124, 140.
- АЛАРИХ** (ок. 370—410) — король вестготов (с 395 г.), захвативших в 410 г. Рим и разграбивших его.— 170.
- АЛЬФРЕД ВЕЛИКИЙ** — король англосаксов (871—899).— 233.
- АМВРОСИЙ** — христианский святой.— 124.
- АММИАН МАРЦЕЛИН** (ок. 330 — ок. 400) — римский историк.— 178.
- АРИСТОТЕЛЬ** (384—322 до н. э.) — крупнейший древнегреческий философ и ученый-энциклопедист. В противоречии с господствующим в его философии объективным идеализмом, прямо перерастающим в теологию, находится ряд высказанных им материалистических положений о природе. Догматизируя идеализм Аристотеля, средневековые схоластики во главе с Фомой Аквинским (ок. 1225—1274) стремились приспособить его учение для философского обоснования христианской религии. «Поповщина убила в Аристотеле живое и увековечила мертвое» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 325).— 59, 156, 171.
- АРКАДИЙ** — римский император (395—408).— 169.
- АРНОБИЙ** (ум. ок. 327) — христианский теолог.— 68.

Б

- БЕЙЛЬ**, Пьер (1647—1706) — французский философ-вольнодумец, предшественник просветителей-атеистов XVIII в.— 123.
- БЕНЕДИКТ Нурсийский** (ок. 480 — ок. 543) — основатель первого католического монашеского ордена бенедиктинцев, христианский святой.— 222.

БЕРНАР Клервосский (1091—1153) — теолог-мистик и церковный деятель, составивший устав для монашеского ордена бернардинцев, христианский святой.— 222.

БРИГИТТА (VI в.) — монахиня-визионерка, канонизированная христианской церковью.— 222.

БРОСС, Шарль де (1709—1777) — французский ученый, исследователь первобытных религий, близкий по мировоззрению к просветителям.— 93.

БРУНО — основатель (1084 г.) католического монашеского ордена картузианцев («картезианцев»), христианский святой.— 222.

БУЗИРИС — легендарный древнеегипетский царь, убивавший всех попадавших в его страну чужеземцев и приносивший их в жертву богам.— 193.

БЭКОН, Фрэнсис (1561—1626) — зачинатель антисхоластической философии нового времени, «родоначальник английского материализма и всей современной экспериментирующей науки»; хотя учение Бэкона, в сущности, подрывает основы религиозного мировоззрения, оно само «еще кишит... теологическими непоследовательностями» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 142—143).— 87.

В

ВАЛЕНТИНИАН II — римский император (375—392).— 169.

ВАСИЛИЙ Великий (ок. 330—379) — христианский теолог, епископ г. Кесарии, канонизированный церковью.— 149, 179, 221.

ВЕРГИЛИЙ, Публий (70—19 гг. до н. э.) — крупнейший древнеримский поэт.— 123.

ВОЛЬФ, Христиан (1679—1754) — немецкий философ-идеалист, популяризатор и систематизатор учения Лейбница.— 60.

Г

ГАЛИЛЕЙ, Галилео (1564—1642) — великий итальянский физик и астроном, преследовавшийся инквизицией за отстаивание и разработку гелиоцентрической космологии Коперника (1473—1543), бросившего «вызов церковному авторитету в вопросах природы. Отсюда начинается свое летосчисление освобождение естествознания от теологии...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 347).— 123, 132.

ГЕНРИХ IV — французский король (1589—1610), Нантский эдикт (1598) которого, дававший протестантам (гугенотам) право на свободное исповедание их религии, положил конец опустошавшим в XVI в. Францию жестоким религиозным войнам. За проводимую им политику веротерпимости Генрих IV был убит иезуитом Равальяком.— 233.

ГЕРМЕНИГИЛЬД — король вестготов, канонизированный христианской церковью.— 232.

ГИПАТИЯ — см. ИПАТИЯ.

ГИППОКРАТ (460—377 до н. э.) — крупнейший древнегреческий врач и теоретик медицины.— 222.

ГОНОРИЙ — римский император (395—423).— 169.

ГРИГОРИЙ Назианзский (ок. 329—ок. 390) — христианский теолог, константинопольский патриарх, канонизированный церковью.— 118, 149, 153, 154.

ГРИГОРИЙ Нисский — теолог, епископ г. Ниса, христианский святой.— 149.

ГРИГОРИЙ VII — папа римский (1073—1085).— 124.

ГРИЛЬ (IV—V вв.) — теолог, епископ г. Александрии, христианский святой.— 233.

ГЮЙГЕНС, Христиан (1629—1695) — знаменитый голландский математик, физик, изобретатель-механик, астроном.— 61.

Д

ДАВИД (библ.). — второй израильский царь.— 197, 213—217.

ДАМАЗИЙ (ДАМАСИЙ I) — папа римский (366—384).— 178.

ДЕКАРТ, Рене (1596—1650) — крупный французский философ и ученый-естествоиспытатель, критик схоластики, основоположник рационалистической методологии. В области философии Декарт занимал дуалистические позиции: его понимание природы («физика») в основном материалистично, тогда как его метафизика, в которой утверждается существование независимой от материи духовной субстанции и бога-творца, является идеалистической и примыкает к теологии. Французский материализм XVIII в. развивал положения картезианской «физики», тогда как философы-идеалисты и многие теологи XVII—XVIII вв. опирались на декартовскую метафизику.— 59, 60, 68, 80—82, 123, 132.

ДЕМОКРИТ (ок. 460—370 гг. до н. э.) — крупнейший древнегреческий философ, основоположник (наряду с Левкиппом) атомистического материализма, критик религии.— 68.

ДОМИНИК (1170—1221) — основатель монашеского нищенствующего ордена доминиканцев, сыгравшего в средние века, эпоху Возрождения и новое время роль ударной силы папства в борьбе со свободомыслием и ересями; канонизирован католической церковью.— 184.

Е

ЕВСЕВИЙ (ок. 260 — ок. 340) — теолог, в Кесарии, христианский святой.— 166.

ЕКАТЕРИНА Сиенская (1347—1380) — знаменитая монахиня-визионерка, утверждавшая, что с ней обручился Иисус Христос; канонизирована католической церковью.— 222.

ЗОРОАСТР (ЗРАТУШТРА) — полумифический древнеперсидской религии зороастризма.— 207.

ЗОСИМА (V в.) — греческий историк, критик христианства.— 165, 166.

И

ИЕРОНИМ (332—420) — теолог, переводчик Библии на латинский язык, христианский святой.— 124, 179.

ИОСИФ ФЛАВИЙ (ок. 37 — ок. 95) — древнееврейский историк.— 138, 139, 142.

ИПАТИЯ (370—415) — знаменитая женщина древности, прославившаяся как математик, астроном, философ; была зверски убита христианами фанатиками за ее выступления против религиозной нетерпимости.— 233.

ИРИНЕЙ (ок. 130—ок. 202) — христианский теолог.— 68, 148.

К

КАЕТАН (1469—1534) — христианский теолог, автор комментариев к Аристотелю и Фоме Аквинскому, кардинал.— 180.

КАЛИГУЛА, Гай Цезарь — римский император (37—41).— 216.

КАЛЬВИН, Жан (1509—1564) — французский религиозный реформатор, основатель одной из главных разновидностей протестантизма (кальвинизма), установивший в Женеве жестокую теократическую диктатуру.— 201.

КАРЛ ВЕЛИКИЙ — король (с 768 г.), а затем император франков (800—814), государство которого охватывало территории Франции, Германии и ряда других западноевропейских стран.— 171, 179, 190, 232.

КЕРИНФ — один из первых христианских еретиков, зачинатель гностицизма.— 148, 149.

КИПРИАН (ум. в 258 г.) — христианский теолог, епископ г. Карфагена.— 148.

КЛАРК, Семюэль (Самуил) (1675—1729) — английский философ-идеалист и теолог.— 82, 83.

КЛИМЕНТ Александрийский (ок. 150 — ок. 215) — христианский теолог и церковный деятель.— 68, 148.

КЛОТИЛЬДА — жена короля франков Хлодвиг, канонизирована христианской церковью.— 170.

КОММИН, Филипп де (1445—1509) — французский историк-хронист.— 233.

КОНСТАНТ — римский император (337—350).— 168.

КОНСТАНТИН — римский император (306—337), провозгласивший христианство государственной религией; канонизирован церковью.— 165—169, 179.

КОНСТАНЦИЙ — римский император (337—361).— 168.

КОНФУЦИЙ (551—479 до н. э.) — древнекитайский мыслитель, основатель религиозно-философского учения.— 228.

КОПЕРНИК Николай (1473—1543) — польский астроном, творец гелиоцентрической системы мира.— 89.

КРЕГ, Жан (XVII в.) — шотландский математик, пытавшийся установить числовые закономерности, определяющие продолжительность существования различных религий.— 291.

КРИСП — сын императора Константина, убитый своим отцом.— 165.

Л

ЛАС—КАСАС, Бартоломе де (1474—1566) — католический епископ в Чиапасе (Мексика), автор работ по истории испанских завоеваний в Америке, разоблачающих зверства колонизаторов.— 242.

ЛЕЙБНИЦ, Готфрид Вильгельм (1646—1716) — крупный немецкий философ и ученый-естествоиспытатель. При помощи своей версии объективного идеализма — «монадологии» — он пытался дать новое теоретическое обоснование христианства и опровергнуть атеизм. В сочинении «Теодицея» (1710) Лейбниц, полемизируя с Бейлем, проводил тезис о том, что наблюдаемое в мире «зло» не противоречит догмату о всеблаготворном, всемогущем, всеведущем боге, а является необходимым компонентом всеобщей «предустановленной гармонии». — 60, 82.

ЛЕКЛЕРК, Жан (1657—1736) — французский историк и филолог, критик Библии.— 141.

ЛОЙОЛА, Игнатий (1491—1556) — создатель «Общества Иисуса» (1534), которое в 1540 г. было утверждено папой в качестве монашеского ордена (более известного под названием ордена иезуитов), ставшего мощным орудием католической церкви в борьбе с реформацией, а также со всей прогрессивной философской и социально-политической мыслью.— 185, 186.

ЛЮДОВИК XIV (1638—1715) — французский король, при котором был отменен (1685) Нантский эдикт о веротерпимости и развернулись новые жестокие преследования протестантов (гугенотов).— 235.

ЛЮТЕР, Мартин (1483—1546) — основоположник антикатолической реформации, начавшейся в 1517 г., создатель первой и самой влиятельной разновидности протестантизма — лютеранства.— 192.

М

МАГДАЛИНА де ПАЦЦИ — христианская монахиня-визионерка, канонизирована католической церковью.— 222.

МАГОМЕТ (правильнее **МУХАММЕД**) (ок. 570—632) — религиозный проповедник, основатель мусульманской религии (ислама).— 169, 172, 207.

МАКИАВЕЛЛИ НИККОЛО ди **БЕРНАРДО** (1469—1527) — итальянский мыслитель. Идеолог зарождающейся буржуазии. Согласно Макиавелли, общество развивается не по воле бога, а в силу естественных причин.— 171.

МАЛЬБРАНШ, **Николя** (1638—1715) — французский философ и теолог, виднейший представитель окказионализма — идеалистической версии картезианства, переходящей в прямую апологию христианской религии.— 59, 60.

МАРИЯ АЛАКОК (1647—1690) — монахиня-визионерка, инициатор учреждения католического культа «Сердце Иисуса», христианская святая.— 222.

МАРТИАН (**МАРКИАН**) — римский император (450—457).— 169.

МАРТИН (336—401) — епископ г. Тура, христианский святой.— 221.

Н

НЕРОН, КЛАВДИЙ ЦЕЗАРЬ ДРУЗ (37—68) — римский император.— 193, 216.

НОРБЕРТ (XII в.) — основатель одного из светских католических братств, примыкавших к ордену францисканцев, христианский святой.— 222.

НЬЮТОН, Исаак (1642—1727) — великий английский физик и математик, открывший основные законы классической механики и закон всемирного тяготения. В противоречии с материалистическим смыслом естественнонаучных открытий Ньютона находились свойственные ему теологические спекуляции.— 84, 85, 132.

О

ОРИГЕН (185—253) — христианский и церковный деятель.— 68, 148.

П

ПЕТРОНИЙ (ум. в 66 г. н. э.) — древнеримский писатель-сатирик.— 61.

ПИФАГОР (VI в. до н. э.) — основатель древнегреческой религиозно-философской школы, признававший бессмертие душ и их переселение из одной телесной оболочки в другую (метемпсихоз).— 68, 156.

ПЛАТОН (427—347 гг. до н. э.) — знаменитый древнегреческий философ, в трудах которого идеализм оформился как философское направление («линия Платона») и теснейшим образом сомыкнулся с религией.—59, 68, 79, 80, 134, 141, 156, 157.

Р

РЕМИГИЙ (V—VI вв.) — епископ г. Реймса, обративший в христианство франков при содействии их короля Хлодвиг и его жены Клотильды; канонизирован церковью.—170.

С

САМУИЛ (библ.). — пророк, помазавший на царство первого израильского царя Саула.—197, 213.

САУЛ (библ.) — первый израильский царь.—213, 214.

СЕНЕКА, Луций Анней (4 г. до н. э.—65 г. н. э.) — древнеримский философ-стоик, отличавшийся большим личным мужеством.—61.

СЕРВЕТ, Мигель (1511—1553) — выдающийся испанский ученый-физиолог, врач и вместе с тем религиозный мыслитель. Ратуя за восстановление «истин» первоначального христианства, Сервет резко критиковал католицизм и протестантизм, за что был подвергнут по распоряжению Кальвина мучительной казни.—201.

СИМЕОН СТОЛПНИК — легендарный христианский отшельник-подвижник, канонизированный церковью.—219.

СОКРАТ (ок. 469—ок. 399 гг. до н. э.) — знаменитый древнегреческий философ-моралист, учитель Платона.—228.

СПИНОЗА, Бенедикт (Барух) (1632—1677) — известный голландский философ-материалист, критик религии и церкви.—81.

Т

ТЕРТУЛЛИАН, Квинт Септимий Флоренс (ок. 160—ок. 230) — христианский теолог и церковный деятель.—68, 148.

ТИБЕРИЙ, Клавдий — римский император (14—37).—216.

ТОРКВЕМАДА, Томас (1420—1498) — первый руководитель испанской инквизиции, прославившийся своей крайней жестокостью.—198.

У

УРСИЦИН — кандидат на папский престол, потерпевший поражение в борьбе за этот пост с Дамасием (IV в.).—178.

Ф

- ФАЛАРИС** (VII в. до н. э.) — жестокий тиран г. Аграганта, сжигавший своих противников в железных быках.— 193.
- ФАУСТА** — жена императора Константина, убитая им.— 165.
- ФЕОДОСИЙ** — римский император (379—395).— 166, 169.
- ФИЛИПП II** — испанский король (1556—1598).— 235.
- ФИЛОН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ** (Филон Еврей) (ок. 25 г. до н. э.— ок. 50 г. н. э.) — древнееврейский философ, эклектически соединявший иудаизм с вульгаризированной греческой идеалистической философией.— 138, 141, 142.
- ФОНТЕНЕЛЬ**, Бернар де (1657—1757) — французский философ, развивавший материалистическую линию картезианства; критик религии, предшественник просветителей XVIII в.— 103.
- ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ** (1182—1226) — основатель нищенствующего монашеского ордена францисканцев и религиозного братства терциариев; канонизирован католической церковью.— 184.

Х

- ХЛОДВИГ** — король франков (481—511), заставивший своих подданных принять христианство; канонизирован церковью.— 170.

Ш

- ШЕЙНЕР** (1575—1650) — немецкий математик, физик и астроном, открывший противоречившее христианской космологии существование пятен на Солнце (приоритет этого открытия оспаривался Галилеем).— 123.

Э

- ЭВРИГИЛЬД** — король вестготов, христианский святой.— 232.

Ю

- ЮЛИАН** — римский император (361—363).— 61, 168, 169.
- ЮСТИН (ИУСТИН)** (103—166) — христианский теолог.— 68, 148.
- ЮСТУС ТИВЕРИАДСКИЙ** (I в.) — древнееврейский историк и политический деятель.— 138.

Атеизм великих французских материалистов XVIII в. Вступительная статья доктора философских наук <i>Кузнецова В. Н.</i>	5
--	---

КРИТИКА ФИЛОСОФСКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ РЕЛИГИИ И «ДОКАЗАТЕЛЬСТВ» БЫТИЯ БОГА

Выявление философско-теоретических оснований религии.	35
---	----

Несотворенность, вечность и бесконечность материальной природы. Абсурдность идеи о божественном творце	39
--	----

Движение — способ существования материи. Необоснованность представлений о божественном источнике движения	43
---	----

Материалистический детерминизм и учение об объективных законах природы. Беспочвенность религиозной веры в «чудеса»	50
--	----

Саморазвитие природы от низших форм материи к высшим. Ошибочность теологических утверждений о сверхъестественном происхождении жизни на Земле и сотворении человека богом	54
---	----

Сознание как свойство высокоорганизованной материи. Несостоятельность спиритуалистических концепций сознания и учения о бессмертии души	59
---	----

Критика спиритуалистическо-теологических «доказательств» бытия бога	79
---	----

Неубедительность теологической апелляции ко «всеобщему согласию»	88
--	----

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РЕЛИГИИ И ЕЕ ЭВОЛЮЦИЯ

Монотеизм — исторический продукт трансформации религиозного сознания. Гносеологические и социальные основы монотеизма	93
---	----

Спиритуалистический антропоморфизм — магистральный путь образования религиозных иллюзий	100
---	-----

Жизненно-практический и эмоциональный базис религии	104
---	-----

Невежество первобытных и варварских народов — питательная почва для религиозных представлений	106
---	-----

ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ И АНТИНАУЧНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ДОГМАТОВ

Понятие бога — теологическая химера	113
-------------------------------------	-----

Теология — враг науки	123
-----------------------	-----

Подавление разума — предпосылка существования религиозной веры	127
--	-----

РАЗРУШЕНИЕ БОГОСЛОВСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА

Развенчание мифа о боговдохновенности Ветхого завета	131
--	-----

Критика Нового завета	136
-----------------------	-----

Рукотворность христианского вероучения и культа: апостолы, первые епископы, церковные соборы	145
--	-----

Выявление языческих элементов в христианстве как его реальных источников	156
--	-----

Причины выживания и усиления христианства в Римской империи	161
---	-----

«Земные» мотивы принятия христианства позднеримскими императорами. Превращение христианства в государственную, господствующую религию	165
---	-----

ПАГУБНАЯ РОЛЬ РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Властолюбие духовенства — причина величайших общественных бедствий и человеческих страданий	175
---	-----

Борьба пап за гегемонию в христианском мире	178
---	-----

Монашеские ордена — злое орудие папского властолюбия	183
--	-----

Корыстолюбие духовенства. Разорительность религиозного культа для народов и государств	188
--	-----

Тягостное иго над людьми протестантского духовенства	191
--	-----

Религиозная нетерпимость и фанатизм — орудия насилия и угнетения	193
--	-----

Религия — опора и соучастница деспотического, антинародного правления монархов	202
--	-----

ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИИ НА МОРАЛЬ

Противоречие между принципами морали и религиозными идеалами святости	211
---	-----

Антигуманный и антиобщественный образ жизни «святых» подвижников, отшельников и монахов	218
---	-----

Разрушительное воздействие на нравственность «двойной морали» религии	228
---	-----

ОБОСНОВАНИЕ АТЕИЗМА И АНТИКЛЕРИКАЛИЗМА

Достоинства безрелигиозной нравственности	249
Критика ограниченности деистических выступлений против религиозного суеверия и фанатизма	259
Философско-теоретическая основа последовательного атеизма	267
Программа антиклерикальных мероприятий «просве- щенного» правительства	273
Указатель имен	292

ДА СКРОЕТСЯ ТЬМА!

Заведующий редакцией
А. В. БЕЛОВ

Редактор
Т. И. ТРИФОНОВА

Младший редактор
Г. И. ЖАРИКОВА

Художник
С. К. ТИВЕЦКИЙ

Художественный редактор
В. А. ТОГОБИЦКИЙ

Технический редактор
Н. П. МЕЖЕРИЦКАЯ

Сдано в набор 29 октября 1975 г.
Подписано в печать 26 января 1976 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типограф-
ская № 1. Условн. печ. л. 15,96. Учет-
но-изд. л. 15,60. Тираж 100 тыс. экз.
А 00018. Заказ № 145. Цена 72 коп.

Политиздат.
125811, ГСП, Москва, А-47,
Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

DENIS DIDEROT

YULIEN OFFREY
DE LA METTRIE